

охота

и охотничье хозяйство

2014

2014

№6

Кооперативное движение и пути развития охотничьего хозяйства

Г. СУХОМИРОВ, старший научный сотрудник Института
экономических исследований ДВО РАН

В первом номере за 2014 г. журнала «Охота и охотничье хозяйство» опубликована статья Г. Лапсина «Создадим охотничье-промысловые кооперативы», в которой отражена боль за современное состояние охотничьего хозяйства страны и обосновывается один из путей развития отрасли. Поддерживая его предложения о развитии кооперативного движения в охотничьем хозяйстве и меры, которые необходимо принять на федеральном и региональном уровнях, хочется высказать ряд соображений о развитии отрасли в прошлом и в перспективе, опираясь почти на 60-летний период работы на Дальнем Востоке.

Развитие кооперативных форм в России имеет многовековую историю. Одной из ее древних форм была артель. Известный исследователь русских артелей В.Ю. Скалон, прослеживая проявления артельного начала в быту русского народа с древнейших времен, писал: что бы ни затевали русские люди, они всегда соединялись в артели; как бы ни были разнообразны цели и занятия — в каждом мы встречаем артель (Скалон, 1893).

Артельный труд был широко распространен среди охотничьего населения. От древнейших бобровников через промысловые артели, освоившие ресурсы пушных зверей русского Севера, Арктики и сибирских земель, охотничьи артели дошли до революции (Скалон, 1951).

Один из зачинателей русского охотоведения Н.В. Туркин (1900) писал об основных особенностях охотничьих артелей России. Договорное начало: размеры запасов, время охоты, раздел добычи поровну или в известной пропорции к качеству охотника. Равноправность: равноправное пользование материальными выгодами, предоставляемыми охотой (даже тот член артели, которому не повезло и который ничего не добыл, получает надлежащую долю). Общность труда: заброска провiantа, орудий охоты, вывоз добычи, восстановление сгоревшей или обветшавшей избушки и т.п. Равная ответственность: строжайшее обеспечение взаимной верности артельщиков, в частности на охоте — это основа артели. Н.В. Туркин отмечал склонность артелей к росту (в пределах ее оперативной управляемости), поскольку, чем больше артель, тем больше возможностей рационализировать охоту. В развитии артельного начала в охотничьем деле он видел возможность упорядочения отрасли в целом.

Коллективные формы организации охотничьего производства и права

пользования охотничьими угодьями у разных народностей Дальнего Востока издавна имели значительную специфику. Об этом писали практически все исследователи охотничьего дела не только прошлых столетий, но и начала XX в. По П.И. Кабанову (1959), эвенкийские и др. племена — аборигены Дальнего Востока, обитая многие столетия в нагорьях Северной Азии, в таежных дебрях, сумели приспособиться к суровой природе и создали своеобразную, в своем роде высокую культуру. Племена охотились в определенных районах. У отдельных родов, стайбиц и семейств были отдельные речки и строго определенные участки. Это была их собственность.

Лучший знаток охотничьего хозяйства страны начала XX в. Д.К. Соловьев (1926) писал, что у охотников из малых народностей Севера мы находим часто довольно точно регламентированное охотничье право и, главное, сознание, что зверь и птица не только «божьи», но и человек играет роль в увеличении или уменьшении их количества. Отсюда — стремление сохранить основные запасы производителей, бережное (по возможности) отношение к животным в период беременности и вывода молодых, установление заказных участков, разграничение угодий и пр.

К сожалению, с переселением на Дальний Восток русских и проникновением сюда маньчжур и китайцев существующая стройная система в пользовании охотничьими угодьями постепенно разрушалась и численность зверя быстро сокращалась. Б.Л. Черняк (1931) писал — надо помнить, что охотник-туземец очень внимательно относится к идее охраны зверя от уничтожения, а пришлый, приходящий промысловик часто мало считается с сезоном охоты и бьет недошедшего зверя, применяя всякие методы лова и убоя зверя, лишь бы получить побольше добычи. У пришлого охотника, естественно, нет заботы о сохранении стада зверя. Наряду с непосредственным вытеснением аборигенов пришлым населением и разрушением сложившейся у них системы охотпользования постепенно усиливалось отрицательное влияние неэквивалентной торговли пушиной. Все это привело к глубокому кризису охотничьего хозяйства региона.

С утверждением Советской власти на Дальнем Востоке предпринимаются всесторонние меры по возрождению охотничьего хозяйства. С образованием в 1925 г. Дальневосточного областного союза Всеохотсоюза начался коо-

перативный этап развития охотничьего хозяйства. Это были годы его строительства и успешного развития на кооперативной основе, значительного прогресса в развитии экономики и культуры народов Севера, роста объема производства охотничьей продукции, начало освоения ресурсов дикорастущих растений в комплексе с охотничьим хозяйством.

Дальцентросоюз (Далькрайсоюз) начал работу по кооперированию охотничьего населения. Однако ведущую роль в реконструкции охотничьего хозяйства принадлежала охотничьей и организованной в 1927 г. интегральной кооперации. В задачу охоткооперации, объединенной с интегральной, входило: организация опорных пунктов и факторий для снабжения охотников, рыбаков и оленеводов всеми необходимыми товарами; проведение заготовок пушнины, мяса диких зверей, пернатой дичи, рыбы и другой продукции; содействие колхозам в развитии охотничьего хозяйства и других отраслей, направленных на комплексное использование естественных биологических ресурсов. Таким образом, охоткооперация удовлетворяла не только заготовительные, но и производственные нужды объединяемого ею населения.

К сожалению, несмотря на прогрессивную и успешную деятельность, охотничья кооперация в 1933 г., а интегральная — в 1936 г., были ликвидированы. Этим волевым решением, без учета интересов охотников, был нанесен невосполнимый удар по развитию охотничьего хозяйства. При этом коммерческое (промысловое) охотничье хозяйство предусматривалось развивать по линии колхозов, а охотники-любители были переданы в ведение Всесоюзного совета физической культуры. Тем самым было потеряно единство в управлении отраслью, а охотники-любителей приравняли к спортсменам, что противостоительно.

В 1930-е годы в рамках первичного землеустройства были проведены огромные работы по межхозяйственному охотустройству, которые позволили ликвидировать юридическую обезличку в охотопользовании. За сотнями колхозов были закреплены почти все охотничьи угодья Дальнего Востока, что создавало благоприятные организационные условия для развития охотничьего хозяйства. Однако развитие охотничьего хозяйства в колхозах централизованно не планировалось и не финансировалось, колхозы не имели самостоятельного права реализации пушнины. В таких условиях охотничье хозяйство в колхозах постепенно

приходило в упадок и к 1950-м годам границы охотопользования, установленные в 1930-е годы, в большинстве районов, по существу, потеряли свое значение. Стало преобладать обезличенное охотопользование, значительно сократилось число охотников-профессионалов, упали заготовки пушнины.

В конце 1950-х — в начале 1960-х годов начали организовываться вначале кооперативные, а затем и государственные охотничье-промысловые хозяйства (промхозы), которые были определены как комплексные хозрасчетные предприятия по использованию биологических природных ресурсов суши и малых водоемов. Они получили право проведения самостоятельных заготовок и реализации всех видов продукции. Всего на Дальнем Востоке было организовано 40 госпромхозов и 24 коопзверопромхоза. В промхозах впервые юридическое признание получила профессия «штатный охотник», хотя в квалификационный справочник он был включен только в 1987 г. как «промысловый охотник». В это же время значительно оживилась работа среди охотников-любителей, большинство их объединилось в общества охотников и рыболовов. Быстро росло число любительских охотничьих хозяйств.

В социально-экономических условиях того времени, когда освоение охотугодий и объем получаемой продукции постоянно снижались, а охотники-профессионалы не имели постоянного места работы, создание промхозов было жизненной необходимостью и они явились прогрессивной, качественно новой организационной формой ведения комплексного охотничьего хозяйства (Сухомиров, 2007).

Были проведены большие работы по межхозяйственному и внутрихозяйственному охотустройству, благоустройству и оборудованию охотугодий, в результате практически была ликвидирована обезличка в охотопользовании. Для завоза охотников и сборщиков дикорастущих растений в угдья и вывоза продукции широко применялись моторные лодки, автомашины, реке вездеходы, а иногда и средства воздушного транспорта.

В промхозах развивались различные отрасли: охотничье хозяйство, природное плодово-ягодное хозяйство, пчеловодство, рыболовство, звероводство, производство ягодных соков и варенья, безалкогольных напитков, переработка грибов, заготовка делового леса, дров, производство пиломатериалов, бочкотары и некоторых других видов продукции. Доля продукции охотничьего хозяйства в общем объеме производства изменялась от 93% в Чумиканском до 2% в Каменском коопзверопромхозе, а в целом она была наивысшей в коопзверопромхозах Амурской области (63,3%) и госпромхоза Якутии (41,7%). Доля продукции природного плодово-ягодного хозяйства, естественно, была наивысшей в промхозах Приморского и Хаба-

ровского краев (от 22,9 до 43,6%) и наименьшая в госпромхозах Магаданской области (0,7%).

Многолетний опыт работы промхозов показал, что узкоспециализированное охотничье предприятие не жизнеспособно. Для его устойчивого, рентабельного развития необходим комплекс отраслей, их рациональное сочетание, исходя из местных природно-экономических условий. И многовековой опыт коренных малочисленных народов Севера свидетельствует, что их хозяйство всегда было комплексным, наряду с занятием охотой, они занимались рыболовством, сбором дикорастущих растений, на севере оленеводством, а в прибрежных районах — морским зверобойным промыслом.

Производственные показатели работы промхозов впечатляют. В 1986—1990 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. объем заготовок пушнины охотничьей увеличился в 6,4 раза, мяса диких зверей — в 6,0 раз, рыбы и рыбной продукции — в 4,3, ягоды — в 3,4, орехов, грибов и лектессырья более чем в 2 раза. Были освоены новые виды продукции — папоротник и березовый сок, среднегодовой объем заготовок которых в 1986—1990 гг. достиг соответственно 690 т и 1028 т. За 25 лет работы промхозы Дальнего Востока реализовали продукции на 1333,3 млн. руб. и получили 142,0 млн. руб. прибыли. На каждый рубль капитальных вложений реализовано продукции на 11,18 руб. и получено прибыли в сумме 1,18 руб. Экономическая эффективность работы промхозов очевидна.

Успешно развивались на Дальнем Востоке и общества охотников и рыболовов Росохотрыболовсоюза. В 1986—1990 гг. по сравнению с 1971—1975 гг. объем полученной пушнины увеличился в 3,5 раза, мяса диких животных — в 3 раза, доходы — в 3,9 (в том числе от охотничье-рыболовного хозяйства — в 8,4) и балансовая прибыль — в 3,6 раза.

В целом по Дальнему Востоку в 1986—1990 гг. по сравнению с 1966—1970 гг. объем заготовок пушнины увеличился в 1,3 раза, мяса диких животных — в 6,3 раза, ягод — в 1,7, орехов — в 1,3 и лектессырья — в 2,4 раза. Большое количество продукции оставалось у населения для личного потребления и продажи на рынках. Общий размер годового сбора продукции природного плодово-ягодного хозяйства нами определен в размере 90,18 тыс. т, в том числе орехов — 7,09, ягод — 23,99, грибов — 34,57, папоротника — 16,08, черемши — 6,91, лектессырья — 1,54 тыс. т. Общий объем продукции охотничьего и природного плодово-ягодного хозяйства с учетом ее оседания у населения, по ориентировочным расчетам, составлял около 5 млрд. руб., из них охотхозяйственной продукции 1,5 млрд. руб.

В начале 1990-х годов планово-административная экономика стала заменяться рыночной. Этот период характеризуется ликвидацией монопо-

лии ведения коммерческого охотничьего хозяйства только предприятиями государственными, совхозно-колхозного сектора и потребительской кооперации; ростом большого числа коммерческих охотничьих предприятий различных форм собственности и организационных структур, у которых оказалась слабая материально-техническая база, часто отсутствие квалифицированных специалистов и малое число охотников-профессионалов; перераспределением охотугодий среди новых предприятий и появление значительных площадей охотугодий общего пользования; предоставлением предприятиям большой производственной и экономической самостоятельности; резким снижением государственных средств на охрану охотничьих животных; по существу, лишением охотопользователей права эффективной борьбы с браконьерством; широким развитием браконьерства и уменьшением численности копытных зверей; резким падением спроса на «цветную» пушнину; резким сокращением объема заготовок всех видов охотничьей продукции (кроме шкурок соболя); наконец, серией реорганизации государственного управления отраслью, в результате чего она потеряла свою самостоятельность.

Уже в 1991—1995 гг. по сравнению с 1986—1990 гг. по Дальнему Востоку объем заготовок сократился: пушнины в 2,3 раза, ягоды в 2,1 раза, орехов в 4,3, грибов в 5,3, папоротника в 2, березового сока в 2,7 и лектессырья в 3 раза. С середины 1990-х годов отмена обязательная статистическая отчетность по заготовкам продукции дикорастущих растений и грибов, а позже и пушнины, поэтому имеющиеся ведомственные данные не полные, но и они показывают, что во второй половине 90-х годов объем заготовок еще более сократился. Например, по Хабаровскому краю среднегодовой объем заготовок продукции дикорастущих в 1996—2000 гг. по сравнению с 1991—1995 гг. уменьшился в 4 раза (с 1428,6 до 339,1 т). В дальнейшем положение несколько улучшилось, но показатели по заготовкам продукции охотничьего и плодово-ягодного хозяйства еще далеки от уровня 1986—1990 гг. По другим субъектам РФ положение в охотничьем и природном плодово-ягодном хозяйстве не лучше, чаще хуже.

Для специалистов совершенно ясно, что мириться с существующим состоянием отрасли нельзя, необходимо принимать энергичные меры по восстановлению и дальнейшему развитию комплексного охотничьего хозяйства. При этом учитывать богатый опыт развития отечественного охотничьего хозяйства и с учетом современного научно-технического прогресса совершенствовать прежде всего организационно-экономическую и технологическую составляющую охотхозяйственно-го производства.

1. Первоочередным мероприятием должно быть упорядочение пользова-

ния охотугодьями, полная ликвидация обезлички в охотопользовании. Нельзя допускать передачу охотугодий в аренду охотопользователям в результате проведения аукционов, так как при этом все охотники-профессионалы, в том числе из числа коренных малочисленных народов Севера, и сельские охотники-любители остаются без угодий, их приобретают «новые русские», для которых интересы охотничьего хозяйства в принципе мало значат, угодья им нужны для «отдыха». Они не пускают туда простых охотников и сами не занимаются комплексным освоением ресурсов. Кстати, охотников надо бы юридически разграничить на охотников-профессионалов и охотников-любителей. У них разные интересы и запросы, они должны иметь различные права и обязанности в ведении охотничьего хозяйства.

Необходимо стремиться к минимизации площадей резервного фонда охотугодий, которые временно могут выполнять функции воспроизводственных участков, а проведение охоты в них запретить. Категории «охотугодя общего пользования», аналогично сельхозугодий, вообще не должно быть. Приоритетное право на охотугодя должны получить коренные малочисленные народы Севера и сельские охотники-профессионалы. В угодьях, расположенных вблизи крупных населенных пунктов, целесообразно развивать любительское охотничье хозяйство.

При ликвидации обезлички в охотопользовании и расширении прав охотопользователей в планировании и проведении всех охотхозяйственных мероприятий, включая добычу охотничьих животных, отпадет необходимость в лимитировании добычи зверей, так как охотпользователь как никто другой заинтересован в рациональном использовании ресурсов охотничьих животных. Он будет стремиться охранять, учитывать и наиболее рационально использовать каждое отдельное животное, вести постоянную работу по оборудованию и благоустройству охотугодий. Это подтверждается многовековым опытом хозяйствования коренных малочисленных народов Севера, русских старожилов и передовых охотников нашего времени.

2. Важно всем охотникам, их коллективам, с учетом их специализации, предоставить равные права и возможности для развития предприятий различных форм собственности. Очевидно, что формы собственности и организационное построение охотничьих предприятий будут различны и обуславливаться различными природными, экономическими, этническими и другими конкретными условиями района. Но, чтобы коммерческие предприятия были экономически устойчивыми, им необходимо развивать комплекс отраслей и объединяться в кооперативы, о чем пишет Г. Лапсин. Этому будет способствовать предоставление для охотхозяйственных предприятий льготных экономических усло-

вий, хотя бы таких, какие имеют сельскохозяйственные предприятия. Для эффективной работы по охране охотничьих животных крайне необходимо вернуть охотопользователям право самостоятельно составлять протоколы на нарушителей правил охоты и других законодательно-нормативных актов по охране и использованию ресурсов охотничьих зверей и птиц.

3. Охотничье хозяйство России и в дальнейшем следует развивать в двух направлениях: коммерческое и любительское. Первое будет преобладать в малонаселенных районах Сибири и Дальнего Востока, второе — на остальной территории. Если для коммерческих предприятий основной целью деятельности является производство товарной продукции и получение прибыли, то для любительских хозяйств — оказание максимума специфических услуг охотникам-любителям. При этом для охотника-профессионала занятие охотой является основным или одним из основных видов деятельности, и оно должно быть прибыльным, так как от этого зависит материальное состояние самого охотника и его семьи. Для охотника-любителя занятие охотой — явление преимущественно рекреационное, его основной целью является проведение активного отдыха на природе, удовлетворение эстетических, психологических потребностей. За получение данных видов услуг охотник-любитель должен платить, поэтому для него занятие охотой, как правило, экономически убыточно.

4. Необходимо, чтобы в центре внимания, как руководителей отрасли, так и властных структур всех уровней, были охотники с их потребностями и интересами, а не только сырьевые ресурсы, как это часто бывает в настоящее время.

5. Рациональное использование ресурсов охотничьих животных должно экономически стимулироваться. Охотничьи звери и птицы выполняют не только экономическую (сырьевую), но социальную и экологическую функции. Нельзя отделить охотничьих животных от среды их обитания, т.е. от охотничьих угодий, ведь предприятие, воздействуя на угодья, может увеличивать или уменьшать численность зверей и птиц. Хозяйство должно быть экономически заинтересовано в увеличении численности и добычи животных. При этом при повышении их поголовья плата за пользование единицей ресурса должна понижаться.

Охотничьи предприятия, в отличие от ряда других природопользователей, занимаются не только использованием ресурсов охотничьих животных, но проводят за свой счет мероприятия по их учету, охране и воспроизводству. Поэтому плата за охотничьи ресурсы должна быть минимальной, дифференцированной по территории с учетом качества угодий и их расположения, т.е. основываться на ренте. В настоящее время взимать плату целесообразно только за пользование ресурсами копытных, медведей и наибо-

лее ценных пушных зверей. Охоту на пушных зверей, шкурки которых в настоящее время не пользуются спросом и их ресурсы слабо осваиваются, целесообразно разрешить без платы за ресурсы.

Плату за ресурсы и за право на проведение охоты целесообразно дифференцировать не только по регионам, но и для разных категорий охотников. Это возможно осуществлять тремя путями. Первый: для охотников-профессионалов, которые охраняют свои охотничьи участки от браконьеров и проводят на них комплекс воспроизводственных мероприятий, плата должна быть наименьшей. Для охотников-любителей, которые не охраняют угодья и незначительно участвуют в проведении воспроизводственных мероприятиях, плата за ресурсы должна быть выше. И наиболее высокую плату за ресурсы следует устанавливать для охотников-туристов, особенно иностранных, которые преимущественно не участвуют в работах в охотничьих угодьях. Второй путь: установить плату за ресурсы для всех охотников на низком уровне, а плату за путевку на проведение охоты дифференцировать. Для охотников-профессионалов путевка будет бесплатной, для охотников-любителей на территории своего хозяйства установить невысокую плату, для посторонних охотников-любителей плата за путевку должна быть значительно выше, а для иностранных охотников плата будет наивысшей.

При этих вариантах отсутствует должная заинтересованность охотопользователя в увеличении численности охотничьих животных. Поэтому наиболее эффективной системой платы за охотничьи ресурсы будет плата не за голову животного, а за гектары арендованных угодий с учетом их потенциальной продуктивности — это третий путь.

6. Повсеместное развитие охотничьего хозяйства в комплексе с другими отраслями позволит не только увеличить производство местной высококачественной, экологически чистой продукции тайги, улучшить питание местных жителей, но и создать значительное количество дополнительных рабочих мест. Последнее особенно важно в настоящее время для ряда таежных поселков и имеет решающее значение для благополучия коренных малочисленных народов Севера.

7. Для успешного решения общенациональных проблем, правового обеспечения отрасли, вопросов снабжения охотников и предприятий специализированными охотничьими товарами, реализации производимой продукции, особенно пушнины и переработки той ее части, которая не идет на экспорт, охотничьим предприятиям целесообразно объединяться по субъектам Федерации (в перспективе в масштабе всей страны) в охотничью кооперацию. Последняя должна возродить все лучшее, что было в деятельности Всеохотсоюза, промхозов с учетом рыночных условий и современного технологического уровня.

Воробьиный сычик

«Мал, да удал» — эта поговорка словно придумана про воробьиного сычика. Крошечная сова, размером всего в четырнадцать сантиметров, является прекрасным охотником. В основном он ловит мелких грызунов. Но иногда может поймать синиц. Впрочем, есть факты, когда сычик «брал» большого пёстроного дятла или чёрного дрозда, которые крупнее него самого.

Не буду вдаваться в орнитологические особенности воробьиного сычика, скажу только, что птица замечательная и удивительная. Совсем не боится людей и подпускает к себе человека очень близко. За этим сычиком я наблюдал два с половиной месяца каждый день, ходя на «свидание» с ним, как на праздник.

Эти фотографии лишь капля из моря фотографий, которые я сделал за время общения с сычиком. Если кто-нибудь хочет посмотреть, альбом «Воробьиный сыч», см. по адресу: <http://fotki.yandex.ru/users/poslannik22/album/152241/>

Владимир ГОРЯЧЕВ

Разговор со знаменитым волчатником

Александр Васильевичу Большакову – 60 лет

19 июня 1954 г. в маленькой лесной деревне Незамаево Медынского района Калужской области в крестьянской семье родился Александр Васильевич Большов.

После окончания школы и до призыва в армию он работал в колхозе водителем. По окончании службы поступил в Пушно-меховой техникум г. Сходня. Получив диплом охотоведа-звероведа, начал свою трудовую деятельность в охотничьем хозяйстве «Озерное» сначала егерем, а затем охотоведом. В настоящее время Александр Васильевич — начальник Сос-новского участка. В 1990 г. он окончил институт в Балашихе и получил диплом эколога-охотоведа.

Интересно становление Александра Васильевича как охотника. Автор бывал с ним на многих волчьих охотах и после одной из них попросил ответить на несколько вопросов.

— Первый традиционный вопрос: как вы стали охотником, и что побудило вас к этому занятию?

— В нашей семье все были охотниками: дед, отец, дядя. Дичи в то время было достаточно, особенно зайцев и рябчиков.

Дед, а потом и отец держали гончих собак. Отец пришел с фронта с частичной потерей слуха, и как только я стал немного соображать в охотничьем деле, начал брать меня с собой на охоту. Я слушал гончих и подсказывал отцу, где они работают, а он подстраивался под них и добывал зайца.

Отец научил меня подманивать рябчиков и это у меня довольно хорошо получалось. Так мало-помалу я и пристрастился к охоте.

— Какие виды охоты вы больше всего любите?

— Я очень любил и люблю охоту с гончими. Меня завораживает работа смычка, и даже не конечный результат, а именно сам гон.

Затем увлекся охотой на волков с флажками. Сначала по долгу службы — уж очень беспокоили серые разбойники в угодьях, а затем уже — охотничья страсть. Ведь волк очень умный хищник, обмануть и добыть его не так-то просто: нужно знать повадки, места обитания, правильно офлажить.

— Что дает вам охота: познание природы, спортивную закалку, здоровый отдых?

— Из вышеперечисленного почти все. Ведь мне исполняется 60 лет, а я с утра до заката в лесу, на ногах круглый год.

— Разделяют ли ваше увлечение охотой в семье. Привлекаете

ли вы к своему увлечению членов семьи?

Во-первых, — это моя работа и тут уж никуда не денешься.

У меня два сына. Один учится в институте, другой заканчивает школу. Не могу сказать, чтобы они сильно увлекались охотой, но когда бывает

свободное время, я беру их с собой в лес, пытаюсь передать им мои знания.

— Какие охоты произвели на вас наибольшее впечатление и надолго остались в памяти?

— Я уже говорил, что очень люблю охоту с гончими, но это уже в прошлом. Сейчас моя страсть — охота с флажками на волков. На участке у меня очень много подкормочных площадок, хорошая охота на кабана с вышек, загонная охота на лося. Зверя много и это сильно привлекает волков.

На загонной охоте я уже профессионально отмечаю следы волков и после проведенной охоты определяю, где находятся волки. Офлаживаем по 7—8 км. Наутро проверяю, нет ли выхода из оклада. После этого расставляю номера и проводим охоту.

Вот предпоследний случай: офлажили 8 км, ночью прошли лоси и порвали флажки. Волки ушли из оклада, но я нашел их — офлажили. Наш труд был не напрасным. В окладе оказалось 4 волка. Добыли всех.

— На ваш взгляд, как можно увязать охоту с охраной природы?

— Во-первых, настоящий охотник не станет добывать дичь в неустановленное время, без путевок, не будет стрелять матку и т.д. Правильное, рациональное использование охотничьих животных не наносит вреда природе.

— Александр Васильевич, сколько добыто волков лично вами?

— За свою охотничью жизнь я добыл 22 волка. Если же считать охоты, где я делал оклады и офлаживал, т.е. с моим участием, то добыто более 80 волков. Самая запоминающаяся охота, когда я добыл такого крупного волка, что его череп занял второе место по России.

Второй запомнившийся случай, когда со смоленщины пришла стая вол-

ков, аж 9 штук, и начала зверствовать на участке. Мы ее за два дня всю уничтожили.

— Может быть, я вам сейчас задам самый трудный вопрос: правильно ли на ваш взгляд развивается охотничье хозяйство в социальном отношении?

— Начнем с того, что при ранее существовавшей системе управления охотничьим хозяйством егерь имел право

составлять протокол на нарушителя правил охоты. Сейчас такого права нет. Мы можем только попросить нарушителя подождать, мы, мол, вызвали милицию и составим протокол. Абсурд самый настоящий. Попадают такие молодцы, что сам еле успеваешь унести ноги.

К сожалению, до сих пор нет четкой концепции развития охотничьего хозяйства в России. Слабая надзорная служба: на район один охотовед, а иногда и на два района.

Я поблагодарил Александра Васильевича и за охоту, и за беседу и пожелал ему доброго здоровья и успехов в его нелегком труде.

А. ДИГИЛЕВИЧ

Опыт предков

Время летит стремительно и неумолимо отделяет нас не только от наших корней, но и от самих себя, ведь мы практически забыли или не знаем, что мы дети природы. Мечась между каменных изделий самого же человека, на раскалённом асфальте среди шума и грохота, как-то не особенно чувствуешь нужду в необходимости иметь при себе кресало и трут, в способности различать запахи или просто идти по следу зверя. А ведь умение сливаться с природой, жить ей, пользоваться безнаказанно её богатствами мы потеряли совсем недавно, потому что вместе с прогрессом центр тяги познания природы постепенно отходит в сторону нанотехнологии, информатики и т.д. Имея нарезное оружие и мощную оптику, уже нет особой необходимости часами скрадывать зверя, изучать его повадки, а именно эти качества, прежде всего, присущи настоящему охотнику. Искусство охотника как раз состоит в том, чтобы вычислить время и место появления зверя в совершенно определённом месте, соскрадывать его и сделать правильный выстрел, а это не так просто как кажется, но об этом позднее. Мои предки, мои друзья, я предпочитаем именно одиночный способ охоты, когда фарт всегда в твоих руках. Есть, конечно, и множество других способов охоты, например, загон, но он похож не на единоборство, а на групповое убийство, хотя как охотник я понимаю, что и на этой охоте есть масса вопросов и обстоятельств, которые будоражат адреналин участников этой охоты: «Здесь или нет?», «Выйдет — не выйдет?», «Попал — не попал?», «Убил — не убил?»

Но я хочу рассказать об опыте своих земляков, попадавших в различные ситуации, накапливая свой бесценный опыт, зачастую рискуя жизнью, а затем со смехом рассказывая про этот случай за рюмкой чая. Собственно, рассказ охотника это и есть передача опыта, а над ним постоянно подшучивают, подсмеиваются, стараются подловить на неточностях, ну и что, если и приврал для красоты немножко? Опыт — это наше наследие и он не может быть отрицательным, он всегда положительный, независимо от исхода событий.

Я живу в Забайкалье. О Забайкалье пишу немало, но мне кажется всё равно не достаточно, потому что про те места, где я живу, не писал никто. Ближе всех к ним был Черкасов. Он хорошо описал Курлеинские прииски и прилегающие к ним территории, он даже описал ближайшее к нам село Усть-Начин, что в 75 километрах от нас, да и Усть-Кара вроде бы недалеко, а всего лишь хребет перевалить, но всё это не то. Если вы взгляните на карту, вы увидите, что Шилка и Аргунь впадают друг в друга под острым углом, образуя как бы наконечник стрелы, кстати, пограничная застава на слиянии этих рек так и называется Стрел-

ка. Так вот от этой самой Стрелки вверх по течению между Аргунью и Шилкой, среди нагромождения гор, которые образуют два хребта — Борщовочный и Газимурский и до Усть-Начина, который стоит на реке Газимур, делящей тайгу и горы на две части, это и есть неопищенная охотниками та часть Забайкалья, которая является моей Родиной и называется Захребетьем, а в центре его село Кактолга. Ниже по течению до впадения Газимура в Аргунь уже никто не живёт, а вверх по течению, как я и говорил, находится село Усть-Начин, здесь и заканчивается горно-таёжная зона, постепенно переходя в лесостепи. Большая удалённость от центра (250 км до Газ-Завода — районного центра, и 700 км до Читы — областного центра) сделала кактолгинцев потенциальными браконьерами; при советской власти оружие и лицензии не доходило до нас, оставались у блатных (мода была такая — иметь законное охотничье оружие, но на ружьё давался план и владелец оружия приобретал плановые лицензии, зачастую не представляя как выглядит, скажем, изюбрь, а при новой власти при современных ценах на проезд, гостиницу, для оформления разрешения, приобретение, регистрацию охотничье оружие переходит в разряд роскоши). Захребетьё — в прошлом край ссыльных, беглых и каторжан; они и стали нашими прародителями, хотя некогда было здесь и коренное население. Населяли в прошлом здешние места в основном орочёны — выходцы из китайских племён, ведущие кочевой образ жизни, кормясь охотой, рыбалкой и собира-

тельством. На момент экспансии России в Амурские земли на территории Захребетья обитало около пятисот человек-орочёнов, которые постепенно растворились среди русских, оставив нам в наследство непонятные географические названия, былинную славу непревзойдённых охотников и кое-где раскосые азиатские глаза. Об одном из них мне часто рассказывал мой отец, который лично знал орочёна — Ваньку, настоящее имя которого, естественно, было китайского происхождения, но в нём было сочетание из трёх букв Ван, что и явилось намёком для русского уха, не терпящего иностранных имён. Ванька был другом моего деда, деда Максима — тестя моего отца. Дед промышлял контрабандой золота и спирта, на его счету были и тёмные истории (может, когда и расскажу о них), но дед Максим был заядлый охотник и рыбак и часто брал с собой молодого ещё зятя, поскольку имел повреждённую ногу, за что был прозван Колченогим. В тайге на приобретение друга не требуется столько суеты, как в населённом пункте. Там человек весь на виду, по его поведению, по одежде, по оружию, по дичи сразу видно кто ты, поэтому иногда и одной встречи довольно, чтобы приобрести друга. Как-то летом, в разгар пантовки Ванька, который стоял стойбищем недалеко от дедовой солянки, сообщил, что на неё ходит большой бык-пантач. Что такое солянка хорошо описал Александр Черкасов, добавлю только, что сидьба могла быть и рубленой из не толстого леса, могла быть выполнена в виде лабаза, то есть поднята над землёй на 2—3 метра, пол

выстилался мхом, чтобы гасились различные звуки движений. На период отсутствия охотника в бойницу вставлялась обугленная палка, имитирующая ствол берданы, и если солянка имела устойчивый дух (т.е. направление ночного бриза от поеди к ситьбе), её иногда покрывали корьём. Добавлю, что солянки, в отличие от природных солонцов, имели своего хозяина и обседеть чужую соль приравнивалось к воровству из амбара и зачастую каралось смертью.

Услышав известие орочёна о изюбре, дед Максим немедленно скомандовал Кольке, так он звал моего отца, собираться. Панты в те годы очень высоко ценились китайцами и опустить их было великим позором. Дилетанты считают, что скараулить зверя на солянке, всё равно, что раз плюнуть. Я вам скажу, что для этого надо иметь железные нервы, высокую выносливость и знание повадок зверя. Хорошему охотнику достаточно одной ночи, чтобы дождаться зверя, но для этого надо всё просчитать. Поэтому и уезжали раньше охотники на охоту сразу на неделю, чтобы определить, как часто приходит зверь и совместить его приход и хорошую, погожую ночь. Всё просчитав, отец и дед на закате солнца вместе с последними паутами — этими бичами всего живого, устроились в лабазе. Расстелив потник и кое-какое тряпье, от кресала зажгли трут, вынули из бойницы палку-имитатор, встали туда бердану, встали на колени, чтобы быть готовыми к стрельбе и замерли, несмотря на полчища вампиров — ещё не все улетели пауты, а уже новая смена в виде полчища комаров запела свою песню, но резких движений делать нельзя, зверь может наблюдать издали. Как только село солнце — прибежала косуля, её дети за день изрядно выхлопали, и она спешила скорее нахвататься всего, что попадёт и бегом к детям — они ещё совсем глупые и всегда голодные. Минут десять она лизала солёную землю, затем, хватая на ходу траву, пробежала мимо лабазы к ручью. Какие напряжённые были эти минуты — даже свободно вздохнуть было нельзя. Когда Кичиги (созвездие Орион) стали указывать на вторую половину ночи, далеко в северу раздался характерный щелчок хрустнувшего сучка под ногой тяжёлого зверя. Всё — это он. Приклад у плеча, замерли. А зверь не спешит, у него достаточно и времени, и опыта, медленно-медленно кормуясь, он приближается к поеди. Его ещё не видно, только слышно, как он щиплет траву или цокает копытами по камням. В это время неполная луна постепенно склоняется к горизонту. Но вот он показался, для стрельбы далековато, правда, а каков красавец — панты горят серебряным светом, голова гордо поднята, весь пружинист, как тетива лука, и вдруг — рывок, несколько прыжков и зверь скрылся в чаще, и тишина. Нервный и неопытный охотник в этот момент старается пальнуть зверя на бегу, как правило, мимо, или соскочит в ситьбе,

матерясь и обнаруживая себя. Но тут опытный противник, дед, знает, что это проверка, он только ладонью прижал зятя, чтобы тот не сморозил глупость и вновь замер. Долго-долго стоит тишина, но вот остатки луны закрыла тучка и на соли образовалась какая-то тень, появилась она бесшумно, немного постояла, послушала и теперь уж на правах хозяина загремела камнями. Всё — это бык, можно стрелять, но его плохо видно. Ствол берданы долго гулял по тени, наконец нащупал лопатку, но высоко или низко определить невозможно — не видно ни мушки, ни резки — выстрел, зверь бросился в чаще. Теперь можно встать, размяться. То, что пуля достигла цели было ясно по характерному шлепку, но по месту ли прилетела? Разложили костёр, выпили по кружке чая с шультой и стали ждать рассвета. Чуть забрезжил рассвет скорее на след. Кровяные мазки на осиннике указали, что пуля прошла по лопаткам на вылет, но чуть выше сердца, и раненый зверь мог уйти далеко. Если идти по следу самим, это будет очень долго, потому что кровь теряется на следу и когда взойдёт солнце, кровь высохнет, тогда уже пиши — пропали панты. Срочно нужна собака. А где взять? Содержать собаку в те годы было очень сложно — самим бы как прокормиться. Поэтому собак было очень мало и по цене они приравнивались к лошади, но орочёны их держали. Была собака и у Ваньки, не просто собака, а легенда. Про неё много чего говорили, говорят, пригоняла она изюбрей туда, куда укажет ей хозяин, потому и была на правах члена семьи, и орочён её очень жалел. Но делать нечего, надо идти к Ваньке — просить. Без лишнего слов дед Максим и отец бросились на временную стоянку орочёнов, которая представляла собой два балагана, крытые берестом, да навес из корья для провяливания мяса и рыбы. Се-

мый у орочёнов были немалые, да только до взрослой стадии доживали немногие. Так и тут под крышей балагана ютилось пятеро или шестеро детей. При приближении гостей хозяин встал, поприответствовал друга и усадил их у костра. Коротко обменялись последними новостями и тут же дед попросил у Ваньки на время кобеля, чтобы найти раненого быка, пока не ушла роса. Хозяин долго сидел не шевелясь на скрещенных ногах — думал и наконец сказал, указывая перстом на парнишку непонятного возраста: «Вон того возьмите — хорошо по крови идёт». Отец и дед изумлённо поглядели на орочёна, но он их успокоил: «Не бойся — его найдёт». Делать нечего, пошли. Парнишка бежал впереди охотников пятным следом. При приближении к кровавому следу сам определил направление и заторопился, очевидно пьянея от запаха крови. Дед Максим несколько раз останавливал парнишку, чтобы убедиться, что он ведёт их правильно, наконец мальчик поднял руку, требуя тишины, и пальчиком указывая на густой лиственный колок, демонстрируя раненого, но живого быка. Отец тихонько поднялся на высокую валёжину и увидел раненого зверя, ещё один выстрел и всё было кончено. Отец и дед бросились, вначале осмотрели великолепные панты, а затем стали изумляться как это дитя природы владеет, казалось бы, давно утраченными органами чувств, но маленький орочён не мог говорить по-русски, хотя и понимал собеседников. Жизнь вдали от цивилизации, постоянная борьба за выживание требует использования всех имеющихся ресурсов. Чуть более полувека всего-то и прошло с тех пор, а как скоро природа наказала человека кучей болезней за то, что он оторвался от неё. Гиподинамия, гипертония, ишемия и т.д. не сходят с нашего языка, но от благ цивилизации нас не оторвать.

Бык-пантач

За птицами по нехоженым тропам туманной земли

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук. Фото автора

Дорога представляла бесконечно долгий путь в тумане, по мокрым ерсеям, среди мог, мимо каких-то озерков и озер, в тумане казавшихся огромными; по всем признакам путь этот лежал на северной покатости вершинной плоскости.

С.Г. Григорьев «Полуостров Канин», 1929 г.

Расположенный, казалось бы, недалеко от столицы Русского Севера Архангельска — всего в 300—350 км, полуостров Канин и по сей день остающийся мало изученным и практически не посещаемым путешественниками, любителями природы и охотниками, представляет большую загадку для исследователей.

Полуостров Канин — это обширные, выровненные, сильно заболоченные пространства суши, занятые тундровыми торфяниками с массой небольших озёр в западинах между ними. Из центральной части Канина — с невысокого водораздела, на восток и на запад текут несколько рек, отличающихся наличием значительных меандров. Понижения между торфяными буграми (по-местному могами), долины ручьёв и рек заняты ивняками и ерниками, сырыми лугами. Лишь в северной части Канина рельеф повышается: от мыса Канин Нос на юго-восток тянется невысокая каменная гряда — Канинский Камень. В южной части полуострова встречаются заросли лиственницы сибирской, ели европейской и берёзы пушистой, достигающие нескольких метров.

Полуостров омывается водами двух морей — Белого и Баренцева. Береговая полоса Канина интенсивно размывается, отчего почти вдоль всего берега распространены песчаные и глинистые отмели, мешающие судоходству. Вдоль кромки моря по всему берегу встречаются массы плавника, за сто-

летия образовавшие настоящие многометровые валы. В устьях рек и ручьёв, на размытых берегах и отмелях образуются обширные солёные марши, являющиеся важными природными биотопами на полуострове. Характерная черта климата полуострова в бесснежный период — избыток осадков и обилие туманов, иногда они по нескольку дней висят над канинскими тундрами и скрывают все природные достопримечательности от путешественников. Солнечные дни здесь — своеобразный подарок пытливым и терпеливым исследователям, готовым переносить любые тяготы путешествия по сырым тундрам и болотам полуострова ради того, чтобы увидеть его первозданную природу.

Испокон веков Канин — один из основных районов Русского Севера, где занималось оленеводством. Главные обитатели полуострова — самоеды. В числе свыше 1½ тыс. душ они кочуют летом в северной, зимой — в южной части полуострова». Несколько столетий назад в устьях крупных рек возникли поморские поселения, но до конца XIX в. здесь было всего три осёдлые селения — деревни Сёмжа, Мгла и Несь. Ещё на полуострове существовало много дальних промысловых точек. В XX в. они разрослись, появились новые сёла. Помимо выпаса оленей русское и самоедское население веками занималось рыбными, зверовыми и птичьими промыслами. Даже по прошествии веков Канин малонаселён, что вполне благоприятно сказывается на его фауне, которая и сейчас в гармонии сосуществует с человеком.

Уже в самых ранних публикациях о фауне Канина, например, в записках И.И. Лепёхина и Н.Я. Озерецковского, участников знаменитой многолетней экспедиции П.-С. Палласа 1770 гг., подчёркивалось, что пернатые — наи-

более массовый и значимый для природы тундр компонент животного мира. Эти авторы, в частности, приводят интереснейшую информацию о кукушке, одном из редчайших видах птиц на юге полуострова, где ещё имеется древесно-кустарниковая растительность. «По дороге из Неси в Вижас проводники услышали голос «кукушки»; позднее сей птицы кокование удивило моих (Н.Я. Озерецковского. — **Н. Вехов**) проводников, которые говорили, что она не в свою пору кокует; однако ж решили, что часто и люди от удовольствия не вовремя попевают».

Почти все, бывавшие позже на полуострове, путешественники писали, что птицы — один из основных промысловых ресурсов местного населения. Во время зимнего промыслового сезона и русские, и самоеды с успехом ловили куропаток, а летом добывали линных гусей на озёрах. Один из знатоков Русского Севера первой трети XX в. — А.А. Жилинский упоминал о таком интересном и экзотическом виде птичьих промыслов в южной части полуострова, как ловля мелких птиц из отряда воробьиных. «В тундрах очень много мелкой птицы, так называемых «пунох» (подорожник) (лапландский подорожник. — **Н. Вехов**). С наступлением весны эта птица громадными стаями перелетает в южную часть Мезенского уезда, где держится почти до полного таяния снега, после чего возвращается в тундру. Ловят её силками, прикрепляемыми к плашкам (доски, длиной 1—1¼ арш. и шириной 4—6 вершков). Силков на плашку прикрепляют до сотни. Ставятся они на полях и лугах около селений, посыпаются торицей (мелкое семя) и попадает пуноха в такую плашку одновременно по 20—30 штук. Мясо этой птички очень вкусно. Шкура продается скупщикам по 1-й коп. пара и идет

Самец и самка белой куропатки в начале весны, еще заметны остатки зимнего оперения. Канинская тундра

на продажу и украшение дамских шляп. промыслом занимаются больше дети-подростки».

Чтобы поближе познакомиться с птицами Канина, мы же отправимся в путешествие вместе с географом Сергеем Григорьевичем Григорьевым, в 1905, 1913 и 1914 гг. побывавшим здесь и исходившим его вдоль и поперёк и наблюдавшим местных птиц в разных частях полуострова.

В 1905 г., когда Григорьев первый раз прибыл на Канин, он обследовал северную часть полуострова, наиболее возвышенную и богатую скальными выходами, где встретил ряд редких птиц. На мысе Канин Нос, на выходящем к самому морю участку полуострова, на каменистых развалах стоит интересный исторический объект — огромный приметный крест, прочно укрепленный на высоком, аккуратно сложенном гурии, и известным как «Знак Бережных». Сооружён он в 1826 г. при описании Тиманского берега экспедицией штурманов И.А. Бережных и П.К. Пахтусова. Здесь Григорьев обнаружил гнездо бургомистра. Зная, что «до сих пор гнездование его было известно у нас только на Новой Земле и Мурмане», исследователь в своей книге «Полуостров Канин» (1929 г.) специально обратил внимание на этот интересный факт. Тут же поблизости оказалось и массовое гнездовье обыкновенной, или трехпалой, моевки — почти что птичий базар, обычно образуемый этой птицей в северных широтах, но в миниатюре. Небезынтересно, что, побывав здесь вторично в 1914 г., С.Г. Григорьев снова наблюдал тот же птичий базар, так что гнездование миевки в этой части Канина оказалось многолетней колонией.

С ещё одной удивительной северной птицей, обычной повсеместно на холодных окраинах материковой суши и островах, Григорьев столкнулся в первое своё посещение Канина — с «полярной или снежной пуночкой (современное название птицы — обыкновенная пуночка. — Н. Вехов)».

Ставшая прологом к двум будущим поездкам С.Г. Григорьева на Канин его первая экспедиция на полуостров подвигла исследователя обратить на птиц более пристальное внимание. И во

время экспедиций 1913 и 1914 гг. путешественник собрал достаточно полную информацию о местной авифауне. Население птиц Канина составили обычные в субарктических тундрах Евразии мелкие воробьиные: каменка обыкновенная, или попутчик, варакушка, дрозд-рябинник, лесной конёк, жёлтая трясогузка, пеночка-весничка, снегирь, дрозд-белобровик и десятки других видов. Многочисленными оказались в канинских тундрах кулики — бекас, дупель, галстучник, плавунчики, песочники; на первых двух из них в центральной России обычно часто охотятся любители весенней охоты. На Канине путешественники опробовали гастрономические особенности, хотя и небольшие, но ставших для них объектами летней «промысловой охоты», куликов-галстучников, из которых получился неплохой суп. Главным же богатством канинских тундр были водоплавающие — разные виды уток, гуси, лебеди, гагары, гаги, о них речь впереди.

С.Г. Григорьев одним из первых путешественников описал характерные для тундровой зоны картины птичьей жизни. Ещё на подходе к Канину, следуя на шхуне по Белому морю, путешественники наблюдали, как вокруг них «носились крачки, <...> впереди, далеко, далеко носились над морем и садились на воду несметные стаи каких-то довольно крупных, черных птиц, по-видимому, морянок». Характерные для береговой полосы Беломорья сцены поведения птиц были отмечены путешественником во время маршрутов по южной части полуострова. Так, между реками Сёмжей и Мглой он наблюдал, как «на берегу, отдыхая, сидели крупные серо- и чернокрылые чайки (морская чайка. — Н. Вехов). Здесь же с характерным криком, напоминающим слово «кипит», бегали красивые кулики-сорочки, которых за их крик здесь зовут «кипешками», у них как раз начинался период гнездования, и они все время держались по двое, по трое, часто можно было видеть, как двое, очевидно, супруги гонят третьего, постороннего».

А на правом берегу р. Чижы, близ устья «птичий мир лайды (приморский заболоченный луг на прибреж-

ных низменных равнинах на севере Европейской части России и в Сибири, затопляемый во время морских приливов и обсыхающий при отливах; в ширину может достигать нескольких километров. — Н. Вехов) тоже очень богат: не умолкая звенит «музыка моря», летают кулики-сорочки, чайки, крачки, гагары». Чуть позже — другая увиденная Григорьевым картина: «За «Избушками» («Избушки на низу» — местное название самого крупного в то время на Канине рыбацкого становища, располагалось оно близ устья реки Чижы. — Н. Вехов) количество птицы быстро увеличилось. Над водой носятся и разгуливают с птенцами по няше (няша — илистое дно озера, илистый берег во время отлива. — Н. Вехов) кипишки, с громкими криками летают обеспокоенные нами крупные чайки; другие спокойно сидят на блестящей няше или плавают в реке, снимаясь при нашем приближении; стайками и в одиночку, с характерным попискиванием и шорохом плавают и бегают по няше их хорошенькие птенцы. <...> Покровский (натуралист С.В. Покровский до экспедиции с С.Г. Григорьевым сопровождал Б.М. Житкова в маршрутах по Канину. — Н. Вехов) убил очень крупную чайку, оказавшуюся большой хотуньей (видимо, Григорьев имел в виду серебристую чайку. — Н. Вехов); при желании их можно было бы набить несколько десятков — так низко они носились над нами и близко подпускали к себе».

Казалось бы, обычные на Севере явления природы, но при определённых погодных условиях и они представлялись сказочными. «Кое-где лучи солнца пробили облака, и от них ложатся на море серебристые полосы: над морем летают чайки, слышен крик гагары», или (в бассейне Неси и Чижы недалеко от моря) «близко от нас носятся красивые поморники, носящие здесь название «поворов» (от слова «вор»)».

Удалившись от моря вглубь суши, Григорьев и его спутники очутились в настоящих тундровых охотничьих угодьях, богатых водоплавающей дичью и куропатками. В одних местах они «сгоняли в пойме с озера многочислен-

Белощекая казарка на гнезде. П-ов Ямал

Токующий турухтан в «боевом» оперении. П-ов Канин

ных куликов, а в высокой тундре куропаток (по-местному «куроптей»), гнездившихся в ёре (ёра, или ерник, — заросли карликовой берёзы. — **Н. Вехов**). <...> В этой ёре во множестве гнездились различные птицы, часто неожиданно вылетавшие из-под ног: дорогой мы буквально наткнулись на два гнезда с яйцами — гнездо какого-то кулика и какой-то неизвестной птички (яйца коричневые) — по яйцу, конечно, было взято с собой. <...> Всю дорогу, еще до приближения нашего к <...> водоразделу, в тундре встречалось множество птиц. В ёре, из-под ног у оленей и рядом, то направо, то налево, поднимались белые куропатки, за которыми самоедские псы немедленно бросались в погоню, нередко с громким лаем; с осоковых болот и сырой ёры беспрестанно срывались кулики — Покровский чуть не прямо с саней убил сивку — тулеса. С резкими криками то тут, то там носились и взлетали острокрылые поморники, заменяющие здесь хищных птиц. Встретился нам и какой-то настоящий хищник, крупный с белым (снизу) хвостом, но держался вне выстрела».

В других местах, как, например, на тундровой реке, где «плёсы <...> «короткой вадеги» (так в старину в Архангельской губернии и в Сибири называли омуты. — **Н. Вехов**) оказались богаты водяной птицей: в одном из первых бочагов мы спугнули великопленного белого крохала (современное название птицы средний (длинноносый) крохаль. — **Н. Вехов**); по соседству плескалось несколько уток, одну из которых Вараксин (житель города Мезени — участник канинских экспедиций Григорьева. — **Н. Вехов**) застрелил на воде». А пройдя ещё дальше, «<...> поодаль при нашем приближении с плеса поднялись два огромных серых гуся, оставивши на воде целый выводок еще совершенно молодых, пуховых птенцов. Прежде чем мы успели опомниться, Вараксин, в котором уже проснулся инстинкт промышленника, двумя выстрелами застрелил четырех гусят и только наше засупничество спасло остальных от ги-

бели. Вараксин оправдывался тем, что гусят уже можно есть, что они крупнее средней утки, но мы были решительно против такого истребления, тем более, что и такого у таких молодых птенцов было еще дряблее и безвкуснее, а в коллекцию было совершенно достаточно одного. Собака, вытаскивавшая из воды убитых птиц, долго и тщетно пыталась поймать одного из уцелевших гусят, который, ныряя и плавая под водой, необычайно искусно избегал его зубов».

Вот ещё несколько характерных заметок из наблюдений во время маршрутов С.Г. Григорьева по Канину. «Птиц сегодня было очень много. Помимо сов (полярная, или белая, сова — **Н. Вехов**), белевших в отдалении, из ёры постоянно поднимались «куропати» (куропатки); <...> на топких ерсеях (плоские заболоченные ложбины между буграми в тундрах Западно-Сибирской низменности и Европейского Севера, а также низменное болото или лугово-кустарниковое понижение между возвышенностями. — **Н. Вехов**) Покровский убил несколько куличков, а с <...> притока Шойны (на северо-западе Канина. — **Н. Вехов**) при приближении каравана снялись два громадных гуся, оставивши на воде двух крупных пуховых птенцов. Когда я подъехал, оба птенца были уже пойманы самоедскими собаками».

Продолжая исследования на Канине, путешественники двигались по его внутренним тундрам. «Вскоре <...> мы перешли небольшую речонку и разделились: неподалеку летал сарыч и Покровский отправился за ним. <...> Впереди, ниже по реке, на высоком выдающемся обнажении сидел Покровский и что-то внимательно рассматривал. Оказалось, что сарыч, которого он преследовал, привел его к своему гнезду, но до него нельзя было добраться, так как птица устроила гнездо не на вершине обнажения, доступной песцам и другим хищникам, а на половине высоты, где обнажение образовало почти вертикальный обрыв. Сверху было видно, что гнездо пусто; очевидно, птенцы вылетели».

Но птица обнаружила себя, «в тумане отчаянно кричали сарычи — очевидно их тут был целый выводок. Ордынский (П.П. Ордынский — преподаватель географии одной из московских гимназий, участник экспедиции С.Г. Григорьева. — **Н. Вехов**) немедленно схватил ружье, и пока мы приводили в порядок палатку, слышался выстрел за выстрелом, пока, наконец, он не явился с убитым молодым сарычем».

«Дорогой нам пришлось увидеть неоднократно описанную путешественниками, но виденную мной в первый раз, сцену, как поморник гонялся за крачкой с целью отнять у нее добычу. Мимо нас пронеслась стая белых крачек, за которыми гнался большой черный поморник; изо всей стаи он избрал себе одну птицу и преследовал ее неотступно, несмотря на зигзаги, внезапные подьемы и спуски, которые она делала, стараясь от него избавиться; каждый раз, настигая крачку, он долбил ее клювом, совершенно не обращая внимания на остальных. Вскоре вся стая скрылась из виду».

Когда С.Г. Григорьев пересёк Канин с запада на восток, близ устья р. Чёши, он наблюдал следующее. Здесь, «ближе к морю, где особенно сказывалось и сказывается его влияние, берега реки покрыты глубокой, вязкой илшей; лайда ровная, относительно сухая, с небольшими водоемами. К левому берегу близко подходит тундра. Здесь колония многочисленных *Larus* и *Sterna macrura* (чаек и длиннохвостой крачки. — **Н. Вехов**)». В устье другой реки восточного Канина, «в лужах (на лайде. — **Н. Вехов**) плещется колюшка (трёхиглая и девятииглая колюшки — обычные в пресных и солоноватых водах Севера виды рыб. — **Н. Вехов**); над лайдой носится и в воде плавает всевозможная водяная и болотная птица — кулики, чайки, утки, гагары, неизбежные поморники (здесь гораздо более редкие, чем в средней части полуострова). <...> Здесь же мне впервые пришлось быть свидетелем довольно дикой и зверской картины — «гусевания»: на одном из озерков, возле моря мирно

Птенец сапсана в разгар лета. П-ов Ямал

Эта гусиная пара уже определилась в своем брачном союзе.

Морские чернети. П-ов Ямал

плавала стая гусей, состоявшая главным образом из уже оперившихся, но еще не умеющих летать гусят, и нескольких взрослых, потерявших маховые перья и потому не способных к полету: все они буквально избиты самоедами при живейшем участии Вараксина, — самоеды, берегущие в это время всякую другую птицу, на гусей (как и на лебедей) смотрят, как на «промысел»».

Восточный Канин поразил Григорьеву своим необычным разнообразием водоплавающих птиц. На одном из его примечательных природных объектов — на оз. Шокальского они «...» опять встретили лебедей, гнездившихся парами на озерах; несколько штук было убито самоедами ради мяса и сала, похожего на гусиное. Вообще, животный, в частности птичий, мир был богат: постоянно встречались гуси, утки, гагары, кулики, куропатки в таком количестве как нигде в других, виденных мной, местах полуострова, так что, если бы устраивать где-либо на Канине тундровый заповедник, так это именно здесь».

По наблюдениям С.Г. Григорьевой, от центрального, северного и восточного районов Канина, заметно отличалась южная часть полуострова. «Животный мир оказался, насколько можно было судить, не беднее, но несколько иначе представлен, нежели в северной части полуострова. Песцов, равно как и леммингов, не было совсем, даже норок с кучками помета, столь частых в средней части Канина, нам не подалось. Зато волки беспокоили наших оленей своим присутствием гораздо чаще, а однажды волк так порвал взрослого оленя, что его пришлось прирезать. Белая куропатка встречалась редко, главным образом в восточной части страны, белая сова — еще реже, всего два или три раза. Зато какой-то вид серой совы (убить не далось) и болотная сова, равно как и мохноногий сарыч (современное название птицы — канюк мохноногий, или зимяк. — Н. Вехов) являлись часто, особенно в западной, прилегающей к Белому морю, части страны. Не раз удавалось видеть и слышать ворона, но он держался очень осторожно и сколько-нибудь близко не подпускал. Водяной птицы на внутренних водах — озерах, ре-

Заботливая мама-морянка с выводком

ках, — гусей, гагар, уток, куликов подалось значительно больше, чем в предыдущем году (1913 г. — Н. Вехов), было даже несколько пар лебедей, которых самоеды нещадно избивали, пользуясь их беспомощностью (выпадением маховых), так и чрезвычайной супружеской привязанностью, не позволявшей здоровому, сохранившему способность летать, самцу покидать раненую или беспомощную, потерявшую моховые перья самку».

В XX в. исследователи продолжили начатое С.Г. Григорьевым и его предшественниками изучение птичьего населения Канина. Оказалось, здесь встречается почти двести видов птиц. Охотников, конечно, интересуют всё, что связано с главными видами охотничье-промысловой дичи. Куликов на Канине сейчас известно не менее 30 видов, чуть меньше гусеобразных, есть тут в изобилии белая куропатка. На юге, там где проходит граница предтундровых лесов и редколесий (не севернее села Несь), если повезёт, можно встретить глухаря, тетерева и рябчика, который в осеннее время добывается в значительном количестве при ружейной охоте.

Белая куропатка — один из самых главных объектов птичьей охоты. Она широко, но неравномерно встречается по всему полуострову. В тундровой области Канина куропатка более распространена, чем в лесотундре, куда массами мигрирует зимой. Здесь её в основном и промысляют поздней осенью и зимой, по снегу. Известен случай, когда в год с массовой численностью этой птицы за полтора дня два охотника, поставив 800 силков, добыли 105 куропаток.

Богаты канинские тундры утками. Здесь, особенно по рекам и лайдам, а в средней части — и по прорезаемым сушу долинам рек, являющимися пролетными путями речных и нырковых уток, находятся главные места концентрации уток. Их гнездовья располагаются и в тундре, и на возвышенных участках лайд. Столетия у русских, проживающих в канинских селениях, была широко распространена охота на все виды уток, отличающаяся превосходным качеством мяса, — шилоховость, чирка-свистунка, свиязь и, в меньшей степени, крякву. Остальных

утиных добывали редко. К северу от д. Чижы в старину широко практиковался яичный промысел — сбор яиц всех гусей и уток в весенний период. Свежие яйца использовали в пищу, а насиженные сохраняли до осени: применяли в качестве приманки при ловле песцов капканами. «Густо» заселён Канин куликами, среди которых по численности доминируют турухтан, фифи, круглоносый плавунчик, чернозобик, белохвостый песочник. С начала июля выводки уток и куликов постепенно перебираются из тундр на речные лайды.

Всегда популярной у местных жителей была гусиная охота. На Канине на гнездовании встречаются серый гусь, имеющий местное название «гусь-голубан» (по западному побережью), пискулька и гуменник, а белолобый, он же по-местному «клокот», в первой половине XX столетия являлся лишь пролетным. Интересно, что в этот же исторический период белолобый гусь вместе с чёрной и белощёкой казарками использовал при пролёте долины рек Чижы и Шойны, пересекающие полуостров поперёк, с запада на восток. На пролёте на Канине скапливается огромное количество водоплавающих. Так, во время весеннего гусиного пролёта только на лайдах между реками Торна и Месна одновременно сидели примерно 80 тыс. гусей, чёрной и белощёкой казарок. По словам местных жителей, в начале пролёта гуменники на лайде столь же многочисленны, как в начале июня казарки. По-видимому, здесь останавливается почти вся популяция номинативного подвида чёрной казарки и вся российская популяция белощёкой казарки. Пискулька летит транзитом, в количестве примерно около двух тысяч особей.

Осенний пролёт водоплавающих птиц мало изучен. По словам местных жителей, на полуострове останавливается большое количество гусей, но осенью их численность ниже, чем весной. Интенсивный пролёт куликов идёт с начала августа. Во второй декаде месяца отмечались стаи численностью до 10 тыс. особей самых массовых видов куликов — чернозобика, краснозобика, круглоносого плавунчика, кулика-воробья.

Для охотников, думаю, небезын-

Осторожно крадется к своей добыче песец. П-ов Ямал

ресна также информация о хищных птицах, наносящих определённый урон населению потенциальных охотничье-промысловых объектов — водоплавающих, белой куропатке и куликам. Большая часть хищников, за исключением белой совы, канюка, поморников и бургомистра, обитает в основном на юге Канина, ближе к полосе северных редколесий и лесотундры, где встречаются орлан-белохвост, кречет, белощёкий сапсан, дербник, тетеревиный, ряд крупных чаек. Во время депрессии мышевидных грызунов — лемминга, полёвок, почти все хищные птицы переходят на питание птицами, главным образом, куропаткой, куликами и утками.

Авифауна Канина — не некий застывший во времени компонент тундровой фауны. Во второй половине XX в. отмечено появление новых видов, образование у вселенцев колоний. Это надо учитывать всем путешествующим по полуострову и желающим здесь поохотиться. В последние пятьдесят — шестьдесят лет здесь замечен не один десяток новых видов. Среди них — обычные в средней полосе России чи-

бис, перепелятник, королёк, пеночка-теньковка, зарянка, чиж. Особый интерес представляет белощёкая казарка. Во второй половине 1980-х гг. на полуострове появилась её колония. С 1990 г., когда в колонии было не более 500 пар, численность гнездящихся птиц постоянно росло, и уже в 1994 г. тут было почти две тысячи пар. Часть птиц (до 20 пар) обосновалась и вне колонии, на лайде. Рост численности колонии продолжается, несмотря на постоянное разорение гнёзд поморами. Гнездится стал и белолобый гусь, ранее пролётный вид. После нескольких десятилетий исследований учёные пришли к заключению, что по разнообразию птиц водного комплекса (49 видов) канинские тундры уступают лишь побережью Чукотки, далеко превосходя богатство других тундр Евразии.

Есть на Канине уникальное место — Торна-Шойнинское междуречье, где, по мнению учёных, на площади около 15 тыс. га находятся водно-болотные угодья, перспективные к занесению в международный список Рамсарской конвенции (межправительственный

договор, целью которого является «сохранение и разумное использование всех водно-болотных угодий»). В этих угодьях, помимо белощёкой казарки, гнездятся несколько десятков пар чёрной казарки, многочислен гуменник (не менее 2 тыс. особей), отдельные пары белолобого гуся, численность гнездящихся уток колеблется, будучи в среднем выше в годы с более сухим летом. Наиболее многочисленны на гнездовании морская чернеть (до 3 тыс. пар), шилохвость (до 3 тыс. пар), морянка (до 2,5 тыс. пар), гага-гребенушка (до 200 пар), длинноносый крохаль (до 200 пар). Однако фон среди гнездящихся на лайдах водоплавающих составляют гагары (краснозобой в несколько раз больше чернозобой). Среди чайковых наиболее массовые виды — восточная клуша и сизая чайка, обычны бургомистр и полярная крачка. Из куликов на этой территории обычны на гнездовании кулик-воробей, белохвостый песочник, чернозобик, круглоносый плавунчик, кулик-сорока, камнешарка, фифи, турхтан, бекас.

Но самый важный объект здесь — единственная в мире крупная колония белощёкой казарки, расположенная на плоской поверхности. Линяющие гуси концентрируются в долинах рек. На море у эстуариев летом наблюдались линные стаи гоголя, морской чернети, синьги, турпана. Стаи содержали до 1 000 особей. Линных лебедей не отмечено, но в третьей декаде июня, в период предлинных кочёвок, в угодье подолгу держатся скопления лебедя-кликлуна. Проведённые в 1990-е гг. исследования позволили установить, что на восточной стороне Канина численность водоплавающих особенно велика. На примыкающих к Чёшской губе участках тундры и лесотундры, лайдах обитает более 850 тыс. особей. Характерными чертами населения являются доминирование среди гусей гуменника и белощёкой казарки, а также заметное участие в населении и некоторых южных видов — хохлатой чернети, кряквы, гоголя.

**Дорогие читатели, друзья!
подписывайтесь на журнал
«Охота и охотничье хозяйство»**

Наш подписной индекс 70673 по каталогу Агентства «Роспечать»

Фотоконкурс

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
проводит очередной фотоконкурс под девизом
«Охота и природа»**

Подробная информация о фотоконкурсе — в № 1 за 2014 г.

Управление популяциями волка: миф или реальность

А. СУВОРОВ, биолог-охотовед, доктор биологических наук,
профессор кафедры Биологии и охотоведения КрасГАУ

Два года назад в журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 12 за 2011 г. была напечатана моя статья «Волк: от истребления к управлению популяциями». После её публикации в охотоведческих научных изданиях и на страницах нашего журнала появились полемичные суждения учёных, зоологов, специалистов охотничьего хозяйства. Выражая свою точку зрения, как опытный охотник-волчатник, как биолог-охотовед, учёный и ветеран охотничьего хозяйства, считаю, что «проблема хищничества волка» создана неэффективной системой управления охотничьим хозяйством и слабой организацией регулирования состояния его ресурсов.

Изучению экологии волка, учёту и регулированию его численности я посвятил 35 лет своей жизни. Моими первыми наставниками в охоте на волка были известные в крае волчатники братья Дузинские. Старший из них, Николай Иванович, был единственным охотником-волчатником в России, награждённым за выдающиеся успехи в ограничении численности волка Орденом Трудового Красного Знамени. Но на мое увлечение волком и формирование охотничьих навыков оказал влияние младший из братьев, Михаил Иванович, который был в моём подчинении по службе, как егерь-волчатник. Мы координировали работу по регулированию поголовья волка в семи южных районах Красноярского края. Трижды мы были призёрами российских конкурсов охотников-волчатников.

На одном из слётов охотников в начале 1980-х гг. я познакомился с председателем Рабочей группы Международного союза охраны природы (МСОП) по волку, доктором биологических наук, профессором Д.И. Бибиковым. Учитывая мой практический опыт и специальное высшее охотоведческое образование, Дмитрий Иванович предложил мне войти в состав Рабочей группы, поступить в аспирантуру и провести научные исследования по экологии и географической изменчивости популяций волка в Приенисейской Сибири, совпадающей с бассейном р. Енисей в пределах Красноярского края, Хакасии и Тувы. Приенисейская Сибирь охватывает несколько зональных широтных поясов и природно-климатических зон. Рельеф тундровой части Таймыра и северного левобережья Енисея равнинный, заболоченный, Тунгусского плато — средне и низкогорный. Снежный покров более 1 м характерен для северного и среднего левобережья Енисея,

Фото В. Малеева

Енисейского кряжа, среднегорного и высокогорного поясов южной Саянской тайги. Территория Тувы горными рубежами подразделяется на четыре природных района, приуроченных к бассейнам главных рек.

Я изучал полярных волков в тундрах Таймыра и горных лиственничных редколесьях плато Путорана, лесных таёжных волков — в северной и средней тайге Эвенкии и Туруханского заболоченного левобережья Енисея, в южной тайге Приангарья и Чулымо-Сымской равнины, — в южной горной тайге Восточного и Западного Саяна, в подтайге и лесостепях юга Красноярского края, Хакасии и Тувы. Исследования проводили в различных экосистемах, в т.ч. на заповедных и охотничьих территориях.

В результате в Приенисейской Сибири было выделено шесть географических популяций волка: полярных — таймырского тундрового и путоранского; лесных среднетаёжных — восточносибирского (эвенкийского) и западносибирского (приенисейского), южных лесных — горно-таёжного и лесостепного (синантропного), различающихся между собой по экологическим особенностям. Синантропными животными (временными синантропами) по Н.П. Наумову (1963) считают животных, «нашедших вблизи человека особую благодатную среду (за счёт питания или устройства жилища) и тесно связывающих своё существование с его деятельностью». Термин «синантроп-

ные волки» встречается в публикациях Д.И. Бибикова, А.Н. Кудактина, А.С. Рябова (Зоол. журн. — 1985), И.Г. Гурского (Бюл. МОИП, отд. Биол. — 1975).

Экологическое деление приенисейских волков на указанные популяции обуславливает в дальнейшем экономическую стратегию дифференцированного подхода в регулировании численности волка различных популяций, рациональное расходование выделенных средств. Полярные, лесные среднетаёжные и саянские горно-таежные волки охотятся на диких копытных животных, живут в глухих местах и избегают человека. Волки лесостепей (временные синантропы) в значительной степени питаются домашними животными и падалью, поэтому тяготеют к пастбищам скота. При недостатке диких копытных, при слабой охране скота на пастбище человеком, небрежности в утилизации отходов животноводства, даже семейные пары специализировались в синантропном питании и обучали ему своё потомство. Однако они чутко реагировали на последующее, после разбойного нападения, возмездие человека. Обычно после изъятия выводка из логова нападения хищников на домашний скот прекращались даже на следующий год. Волки ни разу не пытались защищать своих щенков и никогда не мстили за них, как многие читатели ошибочно считают.

Было установлено, что географичес-

кие популяции волка эволюционно связаны с определёнными видами диких копытных, формирующими их ареал, пространственную территориальную структуру, динамику численности. Ареал полярных волков совпадает с южной границей зимнего распространения дикого северного оленя таймырской тундровой популяции, лесного волка — с ареалом лесного северного оленя, саянского горно-таёжного — с ареалом марала, лесостепного синантропного — с зимним распространением косули. Зимнее размещение волка приурочено к зимовочным станциям диких копытных и в целом зависит от глубины и состояния снежного покрова.

Для выявления и картирования коренных (выводковых) участков волка в бассейне р. Енисея мы создали сеть корреспондентов-наблюдателей (всего 538 человек) из числа охотников, добывавших волков, штатных охотников, специалистов охотничьего хозяйства, оленеводов, равномерно охватывающую учётом все широтные пояса и административные районы.

К 1996 г. в Приенисейской Сибири было выявлено и закартировано 1113 семейных коренных участков волка (рис. 1): полярных — 215, в т.ч.: таймырского тундрового — 87, пutorанского — 128; лесных среднетаёжных волков — 535, в т.ч. эвенкийского — 484; приенисейского — 51; южного горно-таёжного — 178; лесостепного — 185.

Для изучения географической изменчивости параметров тела и черепа и половозрастной структуры я исследовал: 242 туши, 585 черепов волков, добытых охотой. Кстати, ни в одном из регионов России не собирают централизованно клыки от добытых волков, хотя возрастная структура взрослых хищников по моей методике легко определяется охотоведами по степени зарастания каналов клыков. Это, в свою очередь, даёт возможность отслеживать половозрастную избирательность промысла. При огромных возможностях потенциального накопления в регионах экологического и морфологического материала по волку в многолетней истребительной кампании, географические особенности его биологии (территориально-стадная и половозрастная структура популяций, плодовитость, смертность и др.), определяющие успешность контроля численности, остаются слабо изученными. О каком изменении численности при этом можно утверждать?

Современное регулирование ресурсов волка различными методами по стратегии поголовного истребления неоправданно и экономически неэффективно. Для начала надо установить пространственное размещение выводковых участков семейных пар, затем по ним определить численность волка. Вышние и региональные охотничьи ведомства трубают повсюду о волчьем засилье, но на учёте волка экономят. Ресурсы хищников (сколько надо) обычно вычисляют в кабинетах чинов-

ники по результатам послепромысловых учётов зверей на маршрутах, хотя методика подсчёта следов на второй день прохождения ЗМУ для учёта остророжного волка не подходит вообще. Современная фантастическая численность волка, определённая по результатам зимних маршрутных учётов, не согласуется с сокращающейся динамикой численности диких копытных и, конечно, не соответствует ресурсам хищника. Статистический рост численности волка и всё возрастающие убытки госохотфонду и животноводству от его хищничества (как, например, в Забайкалье, Якутии) закономерно и необходимы для выбивания миллионных средств на использование вертолётов и вознаграждения членов экипажей. За деньги, потраченные на каждого добытого волка (затраты на вертолёт + солидное, до 15 тыс., вознаграждение), можно год содержать двух егерей-волчатников.

Семейные пары волка консервативны в выборе места логова и использовании коренных районов обитания. Сезонные изменения размеров и конфигурации семейной территории происходят в основном за счёт зимнего охотничье-кормового участка. Летний

выводковый (коренной) район семейной пары и выводка относительно стабилен в границах. Учёт волка должен базироваться на пространственном размещении постоянных коренных (выводковых) участков и их ежегодной занятости.

Интегрирующим началом семейной стаи является размножающаяся матерая пара. Управляет обычно стайей матерая волчица. Лидерство самца проявляется при решении силовых вопросов. Состав и размер семейных стай волка зависит от присутствия в них переярок. При ухудшении состояния среды обитания и кормовых ресурсов, переярки могут уходить (на неблагоприятный для стаи период) за копытными во время их сезонных перемещений. Полные зимние стаи обычно не превышают размеров выводков.

Охрана границ охотничьего участка семейной стаи от вторжения пришельцев, регулирование отношения с соседями и нетерриториальными волками, поддержание пространственной территориальной структуры стаи производят через вой и запаховое мечение. Это служит механизмом регулирования межстайных и внутривидовых

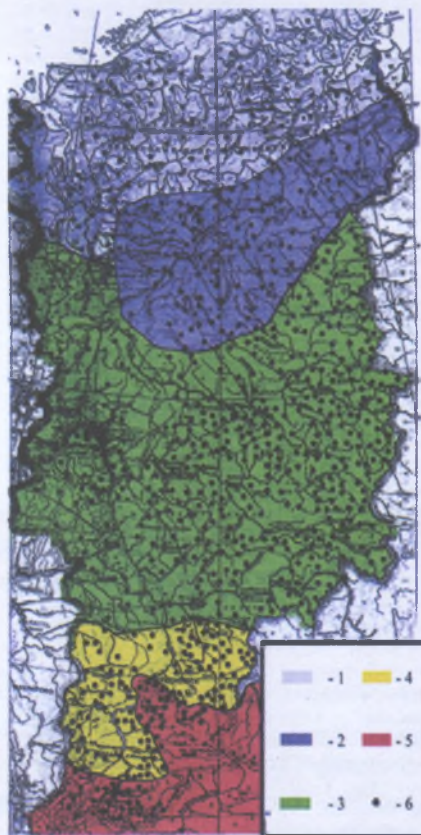

Рис. 1 — Размещение коренных участков волка в бассейне Енисея: 1 — тундрового, 2 — пutorанского, 3 — среднетаёжного, 4 — лесостепного, 5 — горно-таежного; 6 — коренные участки семейных пар

Рис. 2 — Размещение остатков жертв пutorанских волков на коренных участках на побережье озера Нерангда: 1 — полной семейной стаи; 2 — семейной пары без выводка; 3 — буферная (нейтральная) территория; 4 — места убоев северных оленей

отношений. Пограничные полосы между территориями стай функционируют как резерваты зимнего переживания диких копытных. Семейные стаи оказывают влияние на передвижение нетерриториальных волков, которое проходит вдоль границ территории семей или по местам, ими не используемым. Чтение запаховых меток позволяет этим волкам избегать контакта со стаями. При встрече одиночек на участке или в буферной зоне стаи волки преследуют их и часто убивают. Внутривидовая смертность в популяциях волка может достигать 12-17 % (Ballard et al, 1987; Rogers, Mech, 1981; Meier et al, 1992; Бологов В.П., Бологов В.В. Суворов, 2010). Примерно в таких же пределах (только за деньги) проводят в сибирских регионах стихийные регуляционные мероприятия среднетаёжных эвенкийских и южных горно-таёжных популяций, вредные для зимовок копытных.

В конце 1970 — начале 1980 гг. мне, охотоведу Красноярского охотуправления, пришлось заниматься сокращением поголовья волка на юге края. В эти годы на летних отгонных выпасах Беллыкского нагорья (западные отроги Восточного Саяна) от хищничества медведей и волков погибало много овец, телят и жеребят. Борьбу с волком хорошо стимулировал Госстрах (50 руб. за щенка, 100 руб. за волка, 150 руб. за волчицу) и одновременно краевое управление сельского хозяйства (до 100 руб. за каждого взрослого волка и даже волчонка, добытого с волчицей). Росохотрыболовсоюз дополнительно поощрял лучшие бригады охотников (три премии по 50, 75 и 100 руб. за каждого волка, включая волчат). Курс американского доллара с 1961 г. примерно соответствовал рублю. Таким образом, охота на волка (особенно изъятие из логова волчат) была экономически выгодна для волчатников.

В 1960 гг. при хорошем материальном стимулировании за щенка (50 рублей) и недостаточном за родителя (100 рублей) охотники изымали из логова волчат, не пытаясь при этом уничтожать матёрых. Чтобы волчица не покинула гнездовой участок и жилища норы охотники старались не портить, а раскопанные — аккуратно восстанавливали. Изъятием волчат на юге Красноярского края занимались многие охотники (П.А. Русин из Каратузского, М.И. Третьяков из Минусинского, М.И. Дузинский из Краснотуранского, В.Г. Якубович из Ужурского района и др.). Это ремесло для многих чабанов, конохов и оленеводов было более доходным, чем основная работа. По данным В.В. Козлова (1966), в южных районах Красноярского края в общей добыче из 356 лесостепных волков доля матёрых составила лишь 9 особей или 2,5%. При направленном многолетнем (5 лет) изъятии волчат и старении матёрых в последующие 1970 годы было ограничено до минимума воспроизводство популяции ле-

состепного волка. Изъятие волчат из логова было эффективным способом сокращения волка даже на Енисейском Севере. На бескрайних таёжных просторах Эвенкии некоторые опытные оленеводы (как В. Удыгир из пос. Эконды) знали места, где находилось до 10 выводков.

Эффективность хищничества волка мы изучали на коренных участках семейных стай. Она определялась частотой нападений и общим количеством жертв. Пары, оставшиеся без щенков, активно метили границы и охраняли от пришельцев семейную территорию. Однако зимние «давлины» диких копытных семейной парой на ней встречались приблизительно в три раза реже, чем на участках полных семейных стай (рис. 2).

Эта, проверенная годами, стратегия ограничения поголовья волка не менее актуальна и сегодня. Необходимо лишь установить одинаковые вознаграждения за добытого взрослого волка и каждого волчонка из логова, чтобы матёрых хищников невыгодно было добывать. При современном обнищании сельского населения местные охотники быстро поймут свою выгоду, система эффективного регулирования поголовья волка вновь заработает. Правда, при этом может возникнуть моральная сторона проблемы, как, например, на Украине, где под давлением защитников волка «зелёных» был узаконен «Запрет о изъятии из логова щенков» как не гуманный способ охоты. Можно охотиться лишь на взрослых волков, которые уже самостоятельно причиняют урон домашним животным. Таким образом, и карауководство в Средней Азии можно признать незаконным.

На изъятии молодняка из логова с сохранением семейной пары основано умеренное регулирование волка в хозяйствах. Это сохраняет от распада пространственную территориальную структуру семейных участков, а буферные резерваты — диких копытных от вторжения и разорения волками-кочевниками. Такое регулирование, при постоянном слежении за изменением пространственной и полово-возрастной структуры хищника, плодovitости самок в совокупности с мониторингом волка и диких копытных, даёт предпосылки к управлению популяциями хищника. Управление популяциями волка невозможно без: учёта состояния ресурсов; постоянного слежения (мониторинга) за сезонными перемещениями хищника и диких копытных; выявления и картирования выводковых участков; изучения пространственной структуры; экологической и хозяйственной значимости; эколого-популяционных характеристик (Бибииков и др. 1985).

Однако полезные практические предложения в России редко внедряются в практику. Вот и после публикации моей статьи появилась такая странная (об экосистемах, геобиоценозах, плавающих где-то генах — обо всём и ни о чём) статья В. Кочеткова

«Управление популяциями волка: желаемое или действительное» («Охота и охотничье хозяйство» № 2 за 2013), по доводам которой даже нет желания вступать в дискуссию. При этом автор бездоказательно пытается уравнивать показатели динамики численности волка своего заповедника (системы динамического равновесия) с контрастно отличающимися показателями промысловых популяций волка Сибири (стратегия постоянного максимального уровня добычи), различных географических широт и условий среды обитания. Последующее отрицание автором возможности управления популяциями волка говорит о его слабой компетенции в этой области. Основы управления популяциями охотничьих животных относительно доступно были изложены уже в классической монографии Ольдо Леопольда «Управление дичью» (1933), которые предостережены автором как «умение продуцирования устойчивого урожая дичи, как продукта земли для охотничьего пользования». Более обстоятельно основы биологического управления представлены в работах С.С. Шварца (1969), Г. Коли (1979), В.В. Дёжкина (1985, 1989, 2008), В.М. Глушкова (1989, 2012) и др. Предлагаемые мною основы управления популяциями волка не новы, они изложены известными учёными (Бибииков, Приклонский, Калецкая, Филонов, Филимонов и др.) в монографии «Волк» (1985).

Проблема хищничества волка, как и проблема браконьерства, создана неэффективной системой управления охотничьим хозяйством, которое построено не на качестве работы (мало хищников и браконьеров), а на питательной среде — количестве добытых хищников, задержанных нарушителей, составленных протоколов, взысканных штрафов и исков и т.д. Вся работа охотуправления в итоге сводится к бумажной рутине (охотбилеты, согласования, разрешения, постановления, материалы ЗМУ и т.д.). Судя по количеству работающих в районах охотинспекторов (22—25 человек при штате 30 человек, один инспектор на 2—3 района с территорией почти равной Франции), охранять диких копытных от волков и браконьеров некому. До начала перестройки в охотуправлении было 180 охотинспекторов. Потому здесь нет специальных отделов и специализированных оперативных служб управления волком из охотоведов и опытных егеров, нет на это и достаточных средств. Руководству управления охоты края (и соседних регионов) не нужен опыт волчатников и не интересны результаты многолетних исследований автора по волку. Не интересуют чиновников даже пространственная структура размещения выводковых участков хищника с выявленными уже логовами. При таком государственном подходе к управлению популяциями волка, оно никогда не воплотится в реальность, а в глазах говорливых оппонентов всегда будет оставаться мифом.

Натаска легавых

Валерий БЕДЕЛЬ. Фото из архива редакции

Натаска и погода

Перед первым выходом в поле натасчик должен осознать и твердо запомнить следующее.

Натаскивая собаку, следует пускать ее в поиск, только двигаясь против ветра. Только при таком движении натаскика создаются, во-первых, наиболее благоприятные условия для причувывания птицы, а во-вторых, создаются предпосылки для отработки у собаки правильного поиска челноком. Обонятельный аппарат легавых устроен так, что наиболее благоприятным положением собаки во время прихватки запаха, обеспечивающим дальнейшее причувывание, является ее боковое расположение к ветру. Собака, идущая прямо на ветер, демонстрирует более короткие прихватки запаха, чем находясь в момент прихватки боком к ветру. Эта особенность чутья хорошо известна опытным натаскикам. Они, ведя собаку во время натаски на корде к перемещенной птице, никогда не ведут ее прямо, а всегда заставляют собаку идти как бы мини-челноком, т.е., двигаясь вперед, ведут ее вправо на несколько метров, затем влево на столько же, давая возможность собаке расположиться к птице боком и прихватить ее запах подальше.

Легавые, даже совсем начинающие, но чувствительные, скоро осознают выгоды бокового расположения к ветру и в поиске сами начинают двигаться именно таким образом. Поэтому большая часть собак в конце концов начинает искать дичь именно челноком, как наиболее выгодным для причувывания, а потому и наиболее добычливым способом движения при розыске дичи.

Связано с первым и второе условие натаски: в безветрие натаски нет. При полном отсутствии ветра собака лишена возможности правильно пользоваться чутьем. Как работает легавая? Находясь в поиске, она все время «просеивает» чутьем множество доносящихся до нее запахов. Все эти запахи доносятся до нее ветром. Все эти запахи она должна проанализировать и выбрать из них только один – запах охотничьей птицы.

Вот легавая прихватила такой или похожий на него запах. Это заставляет ее прекратить поиск и развернуться в сторону запаха. Теперь ей нужно удостовериться, не ошиблась ли она, не приняла ли запах какой-либо птички за запах дичи. Сделать это она может только во время потяжки, продвинувшись на ветер, приблизившись к источнику запаха, восприняв более кон-

центрированный запах, чтобы точнее оценить его. Убедившись, что донесшийся до нее запах принадлежит именно охотничьей птице, легавая определяет место, где эта птица находится. Для этого она продолжает движение на потяжке, выбирая наиболее концентрированные струи запаха и двигаясь вдоль них. Наконец концентрация запаха достигает такого предела, который как бы доводит тормозные реакции собаки до определенного порога, заставляющего ее стать на стойку на таком расстоянии, чтобы не спугнуть птицу.

Все эти действия легавая может совершить только при наличии ветра, распространяющего запах. Нет ветра – нет распространения запаха. Однако собака уже поняла, что в поле ее привели не просто гулять, а искать птицу. И она начинает ее искать единственным доступным в безветрие способом, а именно «утюжа» землю носом в поисках следов птиц. Один-два дня такой натаски, и низкий балл за манеру причувывания на испытаниях ей обеспечен надолго, а если не принять экстренных мер, то, возможно, и навсегда. Чтобы не применять экстренных мер, чтобы не тратить время на исправление своих ошибок, натаскику лучше не допускать их.

«Заслеженная» собака плоха не только на испытаниях, она плоха и на охоте. Склонность искать следы, а не саму птицу, приводит к крайне большим потерям времени. Распутать все хитросплетения, а если у легавой и не очень верное чутье, то и постоять в

наиболее «горячих» точках на стойке, — отнюдь не быстрое дело. А охотник ждет, он готовится к выстрелу. Собака же, покопавшись в следах и убедившись, что птица уже улетела, уходит дальше в поиск, потеряв время и разочаровав охотника.

Бывает так, что разобравшись в следах и подойдя к птице, но не чуя ее саму, легавая просто поднимет ее без стойки или спорет. В этом случае охотник разочарован вдвойне: и время потеряно, и птица, вылетев в стороне, ушла.

Мало того, если же собака уже обладает более или менее правильным челноком, то результатом длительного хождения с ней при отсутствии ветра явится потеря ею приобретенных навыков поиска, собака «разболтается», и наставить ее снова на путь истинный будет нелегко и непросто.

Выходя на работу в поле, натасчик, кроме наличия ветра и его силы, должен учитывать и другие метеоусловия. На работу чутья метеоусловия влияют весьма сильно. Например, в жаркую сухую погоду собаки причувывают дичь ближе, в прохладную и дождливую — дальше. При наличии росы, а следовательно, при повышенной влажности, аппарат чутья работает лучше и т.д. Все это должен учитывать натасчик.

Еще несколько советов

Брать в поле одновременно с молодой во время ее натаски старую, опытную собаку можно только для розыска

При натаске молодой легавой берут опытную рабочую собаку только для розыска дичи (шотландские сеттера)

Окончание. Начало см. в № 5, 2014.

Пускать обеих легавых в поиск нельзя, так как молодая мгновенно скопирует работу старой («секундирование» английских сеттеров)

дичи. Пускать их обеих в поиск нельзя, так как молодая мгновенно скопирует все особенности в работе ранее натасканной собаки. Это равно плохо и в случае, если старая собака имеет недостатки в работе, и в случае, если она никаких недостатков не имеет. Последнее встречается крайне редко, однако допустить такое можно. Почему же это плохо? Почему плохо, если молодая собака копирует безупречную работу старой?

Дело здесь заключается в следующем. Старая собака, отрабатывая птицу, строит свою работу на многолетнем опыте, используя приемы, доступные и присущие только ей. Она может отработать птицу, учтя и условия местности, и особенности ветра, и даже поведение птицы в данное время. Многолетние навыки позволяют ей правильно отработать птицу в данных условиях, навыки, которыми молодая собака не располагает. Копируя приемы работы старой собаки, но не обладая ее опытом, молодая не достигнет ничего положительного. Молодая собака как можно меньше должна смотреть на работу старой.

Подзывая собаку к себе во время ее нахождения в поиске, надо давать длинный свисток — во весь запас легких. Если собака не подходит, свист надо повторять до тех пор, пока она не оглянется. После этого, наклонившись, надо похлопать себя по голенищу сапога или просто присесть. Собака, заинтересовавшись внезапным уменьшением роста ведущего, непременно подойдет к нему. Подошедшей собаке всегда необходимо давать лакомство. Если при этом просто отрабатывается подход на свисток, и ведущий не имеет каких-либо других целей, например, взятие собаки на поводок, ее надо немедленно вновь пустить в поиск, чтобы она не связало подход с непрерывным ограничением свободы. Такие подзывы на длинный свисток необходимо повторять достаточно часто, каждый раз давая собаке лакомство или иначе поощряя ее, и вновь отправлять в поиск. Это может в значитель-

ной степени помочь во время полевых испытаний, когда для того, чтобы навести легавую в какое-либо место, нет других способов, кроме предварительного подзыва ее к себе.

Приказывая собаке изменить направление поиска, следует издавать короткие свистки, повторяя их до тех пор, пока она не оглянется. Когда собака обернется, надо указать ей новое направление поиска и самому сделать несколько шагов в ту же сторону, как бы командуя идти за собой. Постепенно собака привыкнет к тому, что короткий свисток означает сигнал к возможному изменению направления движения.

Если собака погонит птицу, не реагируя на команду «Лежать!», то следует быстро перемещаться за ней, практически бежать, стараясь срезать расстояние и перехватить ее по дороге, все время во весь голос повторяя команду «Лежать!» Если собака приучена к выполнению этой команды, она рано или поздно ляжет — либо во время гоньбы, либо на обратном пути к ведущему. Здесь ее надо спокойно поймать за ошейник рукой и, отнюдь не наказывая в том месте, где она легла, отвести к месту начала гоньбы, по дороге дергая за ошейник и укоризненно поругивая. Приведя собаку на место начала гоньбы, т.е. в то место, где первый раз была отдана команда «Лежать!», ее следует уложить принудительно, подавая команду «Лежать!», и сделать серьезное внушение. Интенсивность и метод этого «внушения» должны зависеть от отношения к ним вашего питомца. Некоторым вполне достаточно устного выговора, некоторых же придется выпороть. Следует помнить, что остановка собаки или подзыв ее после гоньбы командами «Ко мне!», «Рядом!» и т.п. — запрещаются. В дальнейшем при каждом взлете птицы, сработанной, споротой или даже вылетевшей не от собаки, но поблизости от нее, отдача команды «Лежать!» и ее выполнение обязательны.

При первом пуске в поиск собака

послушная, находящаяся, что называется, «в руках», может быть пущена без корды. В противном случае — обязательно с кордой. Пусть корда волочится за ней по земле. Собаке она не помешает, натасчику же как бы удлинит руки для управления.

Практика натаски

Внимательно изучив изложенные в предыдущих разделах рекомендации и запомнив их, натасчик может отправляться в поле.

Начинается натаска, как уже говорилось, сразу же за воротами охотничьей базы или другого места ночлега. Прежде всего, здесь надо хорошо выгулять собаку. До места натаски от дома ее следует вести только на поводке, время от времени одергивая за возможные провинности, причем одергивая более строго, чем обычно во время прогулок, словно втолковывая ей, что она идет работать, а не гулять.

Добравшись до угодий, не следует сразу же пускать собаку в поиск. Где-нибудь с края надо пустить ее снова побегать минут 10—15, пусть она немного подустанет и проголодается. В это время надо напомнить ей кое-какие команды, например «Лежать!», «Ко мне!», награждая за выполнение команд лакомством. После этого следует взять собаку на поводок и отправиться в те места, где возможна птица. Придя на место, надо зайти так, чтобы при движении к птицам ветер был встречным, и здесь снова уложить собаку, да и самому посидеть несколько минут. Если натасчик не уверен в послушании питомца, сейчас он должен пристегнуть к ошейнику корду.

Но вот собака пущена в поиск. Теперь, в зависимости от уровня предварительной дрессировки, а также от природных задатков собаки, ее тем-

На перемещенную птицу молодую собаку надо вести на короткой корде (английский сеттер)

Внезапная стойка курцаара во время поиска

перамента и охотничьей страсти натасчик может столкнуться со следующими вариантами поведения легавой.

Первый вариант. Собака быстро понимает, что от нее требуется. Она послушна, вскоре начинает прихватывать запахи, делает первые потяжки, короткие неуверенные стойки. Не обязательно все это проявится непременно в первый день, возможно, придется походить и несколько, а то и более дней. (Когда-то егеря С.С. Телегин ходил с такой собакой, полностью находящейся «в руках», около месяца, прежде чем у нее проснулась охотничья страсть.) Наконец после одной из стоек или просто после причувствования легавая поднимет птицу. При взлете птицы собака может, во-первых, испугаться. В этом случае ее надо успокоить, погладить, дать лакомство. Перед повторным пуском нужно сделать небольшой перерыв, отвлечь собаку какой-либо игрой. Во-вторых, собака может сделать попытку птицу гнать. В этом случае ее надо резко одернуть командой «Лежать!» или сделать рывок кордой, после чего продолжить обучение, добиваясь укрепления стойки. Заметив, куда села переместившийся птица, натасчик с собакой на поводке заходит к ней под ветер и останавливается метрах в 80—100 от места посадки. Если собака достаточно послушна, чтобы имелась возможность навести ее на птицу, ее можно пускать без корды. В противном случае надо пристегнуть корду и, держа ее конец в руке, двинуться по направлению к птице. Не доходя какого-то расстояния до места посадки, собака, уже освоившая неуверенную и робкую стойку, прихватит запах и приостановится. К ней нужно быстро подойти, намотав по дороге корду на руку, и, отдавая попеременно команды «Хорошо!» и «Рядом!», погладить. Собаку следует побудить остаться на месте с минуту, после чего надо попытаться послать ее вперед. Скорее всего ничего у натасчика не получится: собака останется на месте.

В этом случае натасчику нужно, продолжая держать корду в руке и понемногу распуская ее, медленно двинуться самому вперед и поднять птицу. Не следует в этот момент забывать о натаскиваемой. Как только птица вылетит, поднятая либо собакой, либо ведущим, надо уложить собаку командой «Лежать!» и продержат ее в таком положении одну-две минуты, после чего, ведя ее на корде, продвигнуться к сидке птицы. На пути к сидке надо еще раз или два уложить легавую, а подведя ее к сидке, позволить сидку обнюхать.

Вновь на перемещенную птицу надо вести собаку на короткой корде. Не доходя до места посадки метров 15—20, надо начать сдерживать тянущую вперед собаку, используя предостерегающие интонации голоса, как бы давая ей понять, что надо вести себя осторожно, тем самым активизируя ее внимание. Как только собака проявит признаки прихватки запаха, ее следует провести еще пару метров, постепенно замедляя движение, а затем уложить. Подойдя к ней, следует, используя команду «Рядом!», медленно двинуться вперед до подъема птицы, после чего собаку снова уложить. Легавая, ищущая и причувствующая птицу и остающаяся на месте после ее подъема, уже почти натаскана.

Второй вариант. Собака считает, что в поле ее привели гулять. Она интересуется бабочками, скачет за птичками, прыгает около натасчика, на охотничьих птиц внимания не обращает, вернее, не отличает их от жаворонков и трясогузок. Такую собаку надо настойчиво наводить на перемещенную птицу или показывать ей подсадного перепела. Охотничью птицу надо показывать до тех пор, пока не появятся первые прихватки запаха и первые потяжки или хотя бы замедление хода у сидок птиц.

Показ подсадного перепела осуществляется следующим образом. У пойманного дикого или инкубаторного перепе-

ла подрезают перья крыльев и привязывают к ноге суровую нитку, длиной около метра. Перепела сажают в траву и ведут к нему на поводке собаку, идя против ветра. Подводят собаку на расстояние 1—2 метра от птицы и, если собака не причувствует ее, показывают ей птицу. Если собака попытается броситься на птицу, следует дернуть за поводок и скомандовать «Лежать!», обязательно добившись выполнения команды. После этого перепела следует спугнуть, чтобы он перелетел метров на 15—20, причем собака должна в это время лежать. Если же она при показе перепела не сделает попытки броситься на птицу, перепела надо подловить и дать собаке понюхать из рук. После этого перепела надо подбросить вверх и дать отлететь, не забыв скомандовать собаке «Лежать!» В обоих случаях после этого следует зайти под ветер от птицы и навести на нее собаку. Как правило, на второй или третий раз собака причувствует птицу, оживится. В этот момент ее надо уложить и погладить. Затем, прицепив к ошейнику корду, легавую можно пустить в свободный поиск по подсаженному перепелу, всякий раз перехватывая корду в момент причувствования, сдерживая собаку от броска и укладывая на 20—30 секунд. После этого следует послать легавую вперед, чтобы она подняла птицу. В случае попытки гоньбы собаку следует резко одернуть и уложить. Повторять подобные упражнения следует до появления у легавой хотя бы намеков на стойку, после чего перейти на вольную дичь. Надо иметь в виду, что не все собаки отработывают подсадного перепела, а те, которые работают по нему, не обязательно станут сразу становиться на стойки по вольной птице. Поэтому, если натасчик обнаружит, что его собака, несмотря на многочисленные наведения на подсадного перепела, отказывается приостанавливаться по нему, то ее придется натаскивать по вольной птице.

Третий вариант, самый трудный. Собака ничего не хочет причувствовать, птицу спарывает, управляется с трудом, ведет себя так, будто забыла всю домашнюю дрессировку, всю гоняет птиц и т.п. Поступать в этом случае следует так. Прежде всего собаку нужно перевести на «голодный паек». Затем, как и в предыдущем варианте, но взяв на корду, надо настойчиво и неоднократно наводить ее на перемещенных птиц или подсадного перепела, добиваясь зачатков прихватки, не допуская гоньбы при помощи корды. После появления более или менее отчетливых приостановок, надо заметить место посадки последней поднятой птицы, взять корду левой рукой примерно посредине, а конец корды намотать на правую руку. Отпустив собаку на длину половины корды, подвести ее из-под ветра к месту посадки птицы. В момент подъема птицы выпустить корду из левой руки и громко скомандовать «Лежать!» Собака, не слушая команды, погонит птицу. Позволив ей выбрать всю длину корды,

в последний момент резко дернуть шнур на себя, повторяя команду «Лежать!», после чего наказать плетью. Далее вновь и вновь наводить собаку на перемещенных птиц, повторяя вышеуказанные действия, пока она не станет отчетливо тянуть и останавливаться, не делая попыток гоньбы. После этого можно пустить легавую уже в вольный поиск, не отцепляя, однако, на первых порах корды.

Если собака делает стойки по птичкам, ее надо отводить от таких стоек на корде или на поводке, говоря что-нибудь при этом укоризненным тоном. Если такие стойки повторяются и укоризненный тон не действует, обучаемую следует наказывать, сопровождая наказание командой «Балуешь!» Однако делать это можно только после того, как собака начнет твердо останавливаться по охотничьей птице.

Если натасчик замечает, что его питомец начинает делать так называемые пустые стойки, т.е. стойки по старым следам, сидкам или вообще ни по чему, то с этим надо бороться, тоже используя команду «Балуешь!» Если натасчик твердо запомнит сидку случайно вылетевшего в стороне дупеля, то наведя на нее свою собаку где-нибудь минут через 30—40, он сможет проверить, склонна ли она к «пустышкам». Если собака твердо станет по этой сидке, не реагируя на команду «Балуешь!», то для начала она должна быть просто отведена от стойки на поводке. Если это действие, повторенное неоднократно, не дает результатов, то в этом случае собака должна быть наказана. Не следует наводить ее на сидки отработанных ею птиц. Здесь она может сделать стойку по памяти, что не одно и то же с пустой стойкой.

Встречаются собаки с чересчур твердыми стойками, вернее, тугими поводками. Они стоят «мертво», и никакими силами их не заставишь продвинуться вперед, чтобы поднять пти-

цу. Причин такого поведения три. Первая заключается в том, что собака, испугавшаяся когда-то взлетевшей птицы, продолжает бояться взлета и впоследствии. Вторая причина состоит в слабости нервной системы, когда равенство процессов торможения и возбуждения нарушено. Такие собаки впадают на стойке как бы в каталепсию. Наконец, третья причина, самая распространенная, заключается в излишней резкости действий натасчика во время устранения гоньбы. У собаки, подвергнутой когда-то при попытке гоньбы чересчур сильному наказанию, образовалась отрицательная связь: подъем птицы — наказание. В первом и третьем случаях действия натасчика по устранению тугей поводки к птице одинаковы. Лучше всего от этого избавляться на охоте, когда падающая от выстрела птица вызывает у собаки такой интерес, что она постепенно гораздо легче начинает двигаться к птице со стойки. Во втором варианте, встречающемся, кстати, довольно редко, рекомендуют действовать следующим образом. Стоящую на стойке и не желающую двигаться вперед собаку стараются как бы отвлечь от птицы, стать между птицей и собакой, рукой закрыть собаке нос, потрепать ее по ушам и т.п. Постепенно собака «растормозится», и после этого ее надо достаточно ласково послать вперед. Надо запомнить, что ни в одном из этих случаев не следует действовать грубо. Не надо кричать на собаку, не надо толкать ее или тянуть за ошейник, ни в коем случае не надо наказывать ее на стойке по птице. Всем этим можно только окончательно затормозить собаку, и тогда уже ей ничем не поможешь, охотнику же всегда придется самому вытапывать дичь.

Последний совет: не следует отчаиваться, если что-либо не получается с первого раза.

Ознакомление с выстрелом

Ознакомить собаку с выстрелами, проверить ее отношение к ним следует обязательно. Дело в том, что встречаются легавые, у которых проявляется наследственная боязнь выстрела. Использовать таких в племя нельзя. Делать это надо крайне осторожно, чтобы не напугать собаку. Наиболее целесообразным следует считать следующий прием ознакомления собаки с выстрелом и проверки ее реакции на него.

После того, как легавая в процессе натаски обретет твердую стойку, надо пойти в поле с помощником, вооруженным ружьем или стартовым пистолетом. Пустив собаку в поиск, следует попросить помощника, вооруженного ружьем, держаться сзади метрах в ста и внимательно следить за указаниями ведущего. Если помощник располагает стартовым пистолетом, он может идти ближе. Через какое-то время собака найдет птицу и станет по ней на стойку. В этот момент надо дать сигнал помощнику быть предельно внимательным. Подойдя к собаке и погладив ее, следует приказывать ей поднять птицу. Собака двинется вперед, и когда птица вылетит, надо дать команду находящемуся вдалеке помощнику выстрелить в воздух. Нужно следить, чтобы выстрел последовал в самый момент подъема птицы. Если стойка оказалась пустой, стрелять ни в коем случае не следует. Собаку после взлета птицы и выстрела следует уложить, погладить и некоторое время посидеть рядом с ней, отвлечь ее, запретив помощнику приближаться к ней.

Минут через 10—15 собаку можно вновь пустить в поиск, попросив помощника держаться теперь поближе, метрах в 60 сзади от ведущего, если у помощника ружье, и метрах в 30, если у него стартовый пистолет. При отработке второй птицы выстрел следует повторить опять-таки в самый момент взлета птицы, после чего собаку снова уложить и успокоить.

Большинство легавых никак не реагируют на такие выстрелы вдалеке. Если же будет заметно беспокойство собаки, вздрагивание в момент выстрела, то на этом урок ознакомления с выстрелом следует пока прекратить. Собаку нужно увести домой и дать ей день—два отдыха, после чего провести повторный урок в описанном выше порядке. Если же, и это самый распространенный вариант, собака совершенно спокойна в момент отдаленных выстрелов, а сезон охоты открыт, надо попросить помощника идти рядом и быть готовым к отстрелу следующей отработанной птицы. Желательно, чтобы помощник не промахнулся и сбил птицу одним выстрелом. Отстрелянную птицу надо дать понюхать собаке, предварительно уложив ее, и снова посидеть около нее минут 10—15. На этом процесс ознакомления с выстрелом, а следовательно, и натаски, заканчивается, и собаку можно смело ставить на полевые испытания и использовать на охоте.

Внезапная стойка курцаара

Знаменитые ружья «Лебеда»

Юрий МАСЛОВ. Иллюстрации из архива автора

По данным, полученным из зарубежных источников, в настоящее время в музейных и известных частных собраниях хранится около 400 ружей А. В. Лебеды-отца (1797—1857) и двух его сыновей — Антонина (1823—1890) и Фердинанда (1824—1902). Остальные из 12 тысяч ружей, сделанных за время существования семейной фирмы, безвозвратно утрачены для истории либо находятся в личном пользовании охотников, главным образом, в Чехии, Австрии, Венгрии, Германии, Франции, России, США, Польше.

В начале XIX века под влиянием Великой французской революции у чехов пробуждается национальное самосознание. Его очагом становится Прага, куда стекаются выходцы из деревень, сохранившие не только родной язык, но и национальную самобытность. В их числе сын крестьянина Антонин Винценц Лебеда, именно так на чешский манер произносится имя мастера.

Будущий король оружейников Богемии родился 1 мая 1797 года в селе Черношице недалеко от Праги. В столице он получил навыки ружейного ремесла и отправился в Вену набираться опыта у знакомого оружейника Йозефа Контринера (Josef Contriner), упоминаемого в дореволюционной отечественной литературе. Один из передовых мастеров своего времени, Контринер в это время экспериментировал с ударными механизмами нового поколения, воспламенявшими порох не искрой кремня, а взрывом гремучей ртути. Стажировка в столице Австро-Венгерской монархии многому научила Лебеду. Он возвратился в Прагу, где купил по случаю мастерскую умершего Матея Брандейса — известного богемского оружейника. В феврале 1822 года Лебеда легко сдал экзамены на оружейного мастера, получил диплом, в том же году женился и остался в столице. Именно этот год чешские историки считают годом основания фирмы. После смерти А. В. Лебеды 2 июля 1857 года его фабрика, на которой работало 54 человека, отошла к старшему сыну Антонину, а после его ухода с руководящей должности вследствие болезни, к младшему — Фердинанду. Фирма прекратила существование в 1888 году.

Король оружейников Богемии

Истории знакомства русских охотников с чешским оружием около 170 лет. В те благословенные времена мир был уютно близким, неторопливым и степенным. Заказчики писали мастеру письмо со своими пожеланиями, тот добросовестно и тщательно исполнял заказ и отправлял ружьё клиенту. И первым чешским оружейником, с которым познакомились русские охотники, был именно Антонин Винценц Лебеда (Antonin Vincenc Lebeda). Лебеда-отец делал очень красивые, с отличным боем шомполки, о которых в

30—50-е годы XIX века русские охотники, не избалованные качественным оружием, слагали легенды (илл. 1).

В 1877 году на средства издателя Н. И. Мамонтова (младшего брата Саввы Ивановича Мамонтова — известного русского мецената) вышло уникальное издание. Называлось оно «Словарь ружейной охоты», а автором труда был Сергей Иванович Романов. Целых три страницы «Словаря» посвящены описанию ружей замечательного пражского мастера. Вот несколько выдержек из этой книги:

«Красиво собранное, с хорошим боем ружьё Лебеды не могло не произвести очаровывающего впечатления на охотников того времени, которые совершенно не видали хороших ружей, а охотились с доморощенными, подбирая и спаривая стволы из одноствольных французских и английских карабинов, ложа к которым приделывалась очень аляповато каким-нибудь немудрым столяром...»

«Тип ружей Лебеды был вполне самостоятельный, а их превосходная репутация у нас в России дала мысль бельгийским ружейникам подделывать свои изделия под этот образец...»

«Все, что здесь нами сказано, относится исключительно к изделиям самого основателя этой фирмы, А. В. Лебеды, но не о его последователях, которые работают и до сих пор. После смерти А. В. Лебеды, его фирма перешла к сыну, который сейчас же оставил тот стиль, в котором выделял ружьё его отец, и впал в подражание французским и английским образцам. Это отступление от раз избранного стиля, сравнительно меньшая внимательность к работе оружия, а вместе с тем ввоз в Россию ружей других мастеров, преимущественно французских, скоро уменьшили славу фирмы Лебеды и теперешний ее представитель является уже только слепым подражателем тех усовершенствований и изменений, которые делаются в ружьях талантливыми ружейниками Англии и других стран».

В XVII-XVIII веках охотничьи ружья изготовляли почти исключительно для знати и каждый заказчик старался пережестить своего соседа не только художественными изысками, но и техническими усовершенствованиями. По этой причине оружие охотничье эволюционировало быстрее военного.

Битва при Ватерлоо 18 июня 1815 года, символизировавшая закат наполеоновской эпохи, коренным образом изменила не только военную страте-

гию и тактику, но и подход к разработке огнестрельного оружия.

29 сентября 1812 года швейцарский изобретатель Самюэль Паули (Samuel Pauly) запатентовал в Париже казнозарядное ружьё под унитарный металлический патрон центрального боя. Это изобретение далеко опередило своё время, и только из-за тогдашнего уровня техники не было оценено по достоинству. Передовые оружейники продолжали поиски новых способов заряжания и воспламенения пороха. Чешский оружейник Ярослав Лугс в своей книге «Ручное огнестрельное оружие» называет изобретателем капсуля американца Джошуа Шоу (Joshua Shaw), который в 1814 году поместил ударный состав в железный колпачок, а ещё через год — в медный.

Этот маленький медный колпачок заставил производителей по-иному взглянуть на огнестрельное оружие. В Европе получает распространение скромный, деловой стиль отделки охотничьих ружей, а моду определяют уже не германские, а британские мастера. Количество изобретений и изобретателей увеличивается в арифметической прогрессии. Больше становится и производителей — круг покупателей расширяется за счёт горожан, которые не могут приобретать дорогие вещи. В этих новых рыночных условиях молодой пражский оружейник А. В. Лебеда взялся за изготовление высококачественных ружей для чешской знати, предпочитавшей старую германскую школу декорирования, но и не отвергавшей утончённый, орнаментальный стиль английских мастеров, возглавляемых братьями Джоном (1752—1834) и Джозефом (1766—1835) Мэнтонами. Идея со временем себя полностью оправдала, но потребовала от оружейника поиска новых изобразительных приёмов гравирования и напряжённого высококвалифицированного труда сотрудников (илл. 2).

В начале карьеры Лебеда работал с несколькими подмастерьями. В 1835 году на его фабрике трудилось 18 человек, это были лучшие специалисты Праги, нанятые оружейником. Сам же владелец продукции уже не отделял, а сотрудничал с известными художниками-гравёрами и резчиками по дереву: Манесом, Навратилом, Коттнером, Форличком. И хотя это спорно, некоторые историки приписывают А. В. Лебеде создание нового направления в художественной отделке ружей, так называемой «пражской гравиров-

ки” — комбинации охотничьих сцен в обрамлении растительного орнамента, в основе которого мотив дубового листа (Eichenlaubmotiv). Для охотников центральной Европы листья дуба всегда считались излюбленным элементом орнамента, поэтому они искусно вырезались и на деревянных частях ружей, дополняя впечатление целостности ансамбля.

Бесспорно другое: пражский оружей-

ник — один из пионеров создания так называемого эклектичного жанра в гравировке — изобразительного приёма, в основе которого совмещение нескольких стилей художественного оформления, например, реалистических сюжетов с аллегорическими образами людей и животных (илл. 3). Именно в этом стиле сегодня работают многие итальянские гравёры.

Уже к 1828 году продукция Лебеды

получила широкий спрос в Богемии, а вскоре стала востребованной и за рубежом, особенно в России и Польше. Лебеда-старший — один из немногих чешских производителей XIX века, который постоянно искал (и находил) новые технические решения, отработывая их на изделиях заказчиков.

В начале своей деятельности в 1822 году Лебеда мастерил ружья исключительно с кремневыми замками, однако вскоре началась эпоха развития капсюльного оружия. В течение XIX века фирма, руководимая отцом и сыновьями, пережила настоящую техническую революцию — из стен фабрики выходило буквально всё, что обращалось на европейском рынке — от кремневых шомполок до комбинированных двустволок центрального боя и многоствольных револьверов.

Официально на имя пражского оружейника оформлено всего три патента, но общее количество собственных конструкций, материализовавшихся в ружьях клиентов, впечатляет. Свой первый патент (и первый в Богемии вообще!) Лебеда получил в 1829 году на конструкцию коробчатого ударно-капсюльного замка, размещавшегося не на боковой доске, как было принято в то время, а внутри коробки, спрятанной в головке ложи, при этом снаружи выступал только курок. Эта конструкция почти на полвека превзошла идею английских оружейников Вильяма Энсона и Джона Дили, которые в 1875 году запатентовали коробчатый ударно-спусковой механизм для ружья центрального боя. Последний патент на имя А. В. Лебеды был выдан уже после его смерти на затворную систему казнозарядного ружья, ствол которого откидывался при нажиме на переднюю часть спусковой скобы.

Участие владельцев фирмы в различных выставках служило не только важным источником информации о нововведениях в оружейном деле, но и способствовало популяризации их продукции. На пражских выставках 1829, 1831 и 1836 годов оружие А. В. Лебеды неизменно награждалось высшими наградами. На международных форумах в Хрустальном Дворце в Лондоне (1851), Мюнхене (1854), Штеттине (1858) и других крупных промыш-

1

2

3

4

5

6

7

9

8

10

ленных выставках изделия семейного предприятия не раз завоёвывала призовые места и высшие награды (илл. 4).

Несмотря на свою в основном германо- и франкоязычную клиентуру, Лебеда-старший стал первым пражским оружейником, украсившим здание фабрики вывеской на чешском языке. С самого начала работы он ввёл очень простую, сквозную нумерацию изделий. Его сыновья продолжили систему маркировки. А поскольку из мастерских выходили не только дульнозарядные ружья, штуцера и пистолеты, но и казнозарядное оружие разных типов, строгую систему последовательной нумерации следует признать наиболее удобной для исследователей наследия великого пражского оружейника.

Лебеда-отец наносил номер ружья то на спусковую скобу, то на затильник приклада, в зависимости от того, из

какого материала эти детали изготовлялись. Сыновья расширили область нанесения маркировки, и ближе к концу существования фирмы номер изделия можно обнаружить и на стволах, и на коробке, и на цефье. Естественно, порядковый номер дублировался либо на затильнике, либо на спусковой скобе.

На продукции семейной фабрики обязательно присутствует её логотип либо факсимиле Лебеда-отца (илл. 5, 6). Как уже говорилось, имя производителя нередко указывалось на родном языке заказчика (илл. 7). В разные годы на замочных досках и стволах ружей можно обнаружить надписи, которые порой вызывают неоднозначную реакцию у владельцев, но тем не менее эти надписи являются подлинными: A V LEBEDA, Ant. LEBEDA, Ant. Vinc. LEBEDA, A.V. Lebeda in Prag, A.V. Lebeda a Prague

(илл. 8), A.V. Lebeda v Praze, LEBEDA w PRAZE, LEBEDA in PRAG (илл. 9), а также более сложные надписи, свидетельствующие о привилегированном статусе оружейника, например: Anton. Lebeda, K. u K. privil. Buchsenmacher или A.V. LEBEDA, Konig u. Kaiser Gewehrfabrikant in Prag.

В зависимости от национальности клиента ружья обычно подписывались на чешском, немецком и французском языках. Встречаются изделия на сербском и венгерском. Клеймо производителя на казнозарядном ружье – Lebeda in Prag (илл. 10), а также надписи на стволах NICHT FUR KUGEL свидетельствуют, что изготовлено оно для немецкого заказчика.

За что я люблю МЦ 21-12

А. АЗАРОВ, член Ассоциации оружейников Арсенал, г. Санкт-Петербург.

На гусиные охоты я езжу с МЦ 21-12. Оно у меня 1989 года, отлажено, сбоев и задержек в стрельбе нет. Конечно, мне хорошо известны мытарства многих владельцев этой самозарядки. Особенно много брака допущалось в их изготовлении в 90-е годы прошлого века. В течение многих лет мне приходилось дорабатывать механизмы этих ружей. Об этом у меня опубликовано много работ в разных изданиях. Я всегда подчёркивал, что если механизм этого ружья отлажен — оно позволит хорошему стрелку воспользоваться его самозарядностью при налёте гусиной стаи или при встрече с волчьей семьёй. Долгое время (а середины 60-х годов прошлого века) оно являлось единственным образцом самозарядного ружья. Оно покоряло обаянием мощности.

И вот появились газоотводные ружья МР 153, ТОЗ 87 и Бекас-Авто. Ну, и конечно, иномарки: бенелли, беретты, браунинги, германика, цезарь-гурини и другие.

Для себя принял решение не менять самозарядку с длинным ходом ствола на газоотводное ружьё. Почему. Объясню по порядку.

Первое. Я занимаюсь отработкой патронов к гладкоствольным ружьям. И, конечно, для гусиных охот для своего МЦ 21-12 отработал свой дальний патрон. Пристреливал на дистанцию 60 и 70 метров (об этом в ряде моих публикаций). Суть дела в том, что на таких расстояниях при стрельбе крупной дробью № 0 и № 1 приращение кучности лучше происходит при снаряжении патрона без полиэтиленового контейнера с пересыпкой дроби крахмалом (в сумме 36 граммов). Порох Сокол по этикетке на банке. Как правило, это 2.3 грамма. На дистанции 60 метров в круг 750 мм попадает 27—30 дробинок, а на расстоянии 70 метров насчитываю 23—24 дробины. Резкость хорошая или удовлетворительная. Равномерность боя меня удовлетворяет. Ни с одним контейнером (испробовал около 20 видов) такого результата добиться не удалось. Контейнер при стрельбе крупной дробью нарушает весь процесс формирования дробового снопа. Особенно при этом страдает равномерность боя. Наши оружейники ещё в 60-е годы прошлого века определили, что самый дальний патрон на утку оказался с дробью № 3. Экспериментировали при стрельбе лысух на Каспии. Били до 60 метров из ружья 12 калибра с длиной ствола 750 мм. Сужение ствола 1.0 мм. Такая стрельба оказалась более результативной, чем при стрельбе более мелкой или более крупной дробью. Но это при стрельбе уток. А я экспериментировал для

Тульское самозарядное ружье МЦ 21-12

стрельбы гусей. Дробь брал уже крупнее №№1 и 0. Таким образом, становится ясно, что газоотводные ружья для моего "гусиного" патрона совершенно не подходят, так как в моём патроне отсутствует контейнер. А для газоотводок как раз нужен контейнер в патроне для обеспечения безотказности работы газового узла. Моим крахмалом и разлохмаченными войлочными пыжами быстро засорятся газоотводные отверстия. Это будет приводить к сбою в перезарядании.

Второе. Чтобы не говорили, а у газоотводных ружей часть газов при выстреле используется на перезарядание — на движение подвижных частей. Значит, 4—6 % энергии отбирается от толкания снаряда. Немного, конечно, но всё-таки... Откат же ствола у МЦ 21-12 происходит уже после прохождения снарядом дульного среза. Здесь наяву преимущество.

Третье. Ствол МЦ 21-12 длиной 750 мм. Это на 40 мм больше, чем у МР 153 с длиной ствола 710 мм. А нам давно известно из экспериментов, что разница в длине ствола на 50 мм в большую сторону даёт приращение скорости на 4 м/сек. А это влияет на резкость боя в лучшую сторону.

У более длинного ствола — 750 мм будет меньшее дульное давление (порох сгорит весь), а, значит, будет меньше разбрасываться дробь, кучность будет больше.

Четвёртое. Ствол у МЦ 21-12 массивен, монолитен и при определённом подборе заряда и снаряда можно добиться меньшей вибрации дульной части ствола именно в момент покидания снарядом дульного среза. Дробь при этом будет меньше разбрасываться, и, соответственно, кучность боя будет выше. Приходилось наблюдать на практике, что на подбор такого соотношения при пристрелке мало кто обращает внимание. Это, конечно, тонкость, но её влияние на бой существенное. Я уж не говорю, что многие вообще не занимаются подбором патрона к своему ружью, считая это анахронизмом. А зря. Надо понимать, что в нарезном оружии сначала изобретается патрон, а потом под него отработывается оружие. В гладкоствольном — наоборот. Сначала изготавливается ружьё, а потом, если хотят добиться с него наилучшего боя — под него отработывается патрон.

Пятое. С длинным стволом — 750 мм у МЦ 21-12 при стрельбе больше инерция поводки, значит, будет меньше случаев от "обзаживания". Это одна из главных причин промахов по подвижным целям, особенно боковым... С более длинной прицельной линией (планкой) можно точнее прицелиться по неподвижной цели. Планка высокая — облегчает выбор цели в стае. Зрение схватывает и без настройки на фокус, даже не закрывая левый глаз, если длина планки более 600 мм. Стрельба будет быстрой и меткой.

Шестое. У МР 153 вёртлые дульные насадки — инвекторы. С ними трудно определиться на некоторых охотах — какую насадку вернуть... Две разных по значению насадки могут давать один и тот же бой... Они требуют ухода и внимания. Нельзя допускать забоев и задиров. Периодически её надо выворачивать, чтобы она не приржавела. Может попасться насадка несоосная с основным стволом. Бой может быть хуже. Насадка не должна вибрировать...

Седьмое. Коробка у МР 153 из алюминия сплав. Делается это, наверно, не для облегчения массы ружья. Просто удешевляется технология. В ружье 12 калибра, да ещё с патроном 76 (89) мм, борьба с массой вести не должна. Наоборот, большая масса лучше всего справляется с отдачей. В итоге основные массы ружья распределяются в прикладе и стволе. Ружьё становится менее удобоуправляемым (ухудшается посадистость). А нам бы лучше, когда основная масса распределяется между левой и правой рукой. Кстати, отдача в ружьях с длинным ходом ствола растянута по времени и легче переносится стрелком.

Затвор у МЦ 21-12 ходит в пазах стальной коробки, а, значит, труднее возникнуть поперечному шагу. Настрел будет выше... Посмотрите на тряпку после чистки пазов алюминиевой коробки. Вы увидите белые блёстки в масле — это стружка с коробки, соскабливаемая затвором.

Восьмое. Для стабильной работы автоматики для газоотводки требуются сильные патроны. Особенно при низких температурах. Иначе перезарядание со слабым зарядом может и не произойти. Варьировать зарядом нельзя. У МЦ 21-12, в зависимости от температуры воздуха или мощности

патрона, меняется смазка откатной системы или можно повернуть буферное кольцо тормоза другой стороной. То есть можно применять и слабый заряд, и сильный, а скорость движения откатных частей можно подрегулировать. Не случайно ружья этой системы Браунинга живут до сих пор с 1903 года... А вот патроны с гильзами длиной 76 или 89 мм не везде у нас в России пока можно приобрести. Тем более компоненты для их самостоятельного снаряжения.

Девятое. При применении патронов с гильзами длиной 70 мм в патронниках 76, и тем более 89 мм показатели боя снижаются на 4—6 %. Даже фирма "Браунинг" сообщает о снижении кучности боя с их ружей с патроном с гильзой 70 мм на 10 % (патронники у них 76 мм). Особенно это значимо, если гильзы толстостенные. Я всегда на это указывал, основываясь на исследованиях Изметинского с Ижмеха. Даже однажды получил критическое замечание за то, что пугаю снижением кучности. Это, конечно, немного, но если все эти процентики с разных пунктов сложить — цифра может возрасти.

Десятое. Газоотводный механизм более требовательный к обслужива-

нию. Вечером после стрельбы, даже в темноте и будучи уставшим — должен прочистить газоотвод. Иначе утром может произойти задержка в стрельбе.

Одиннадцатое. МР 153 производится в основном для стрельбы стальной дробью, для импорта. Вот почему длина патронников 76 или даже 89 миллиметров. Но это вовсе не Магнумы. Ведь масса ружей — обычная, предназначенная для ходовой охоты — 3,3 кг. При стрельбе полумагнумовскими, или тем более патронами Магнум, будет сильная отдача. А масса в 3 килограмма с отдачей не справится. Никакие амортизирующие затыльники не помогут. Настоящий Магнум — это монолитный, тяжёлый, длинный ствол с толстыми стенками, патронник 76 или 89 мм, упрочненная колодка и ложа. Масса ружья 4—5 и более кг. И никаких ввёртных насадок. Эффект достигается за счёт увеличения количества дробинок в снаряде. А скорость дроби та же, если не меньше... С внутренней баллистикой будет не всё так просто: более высокий столбик свинцовой дроби в патроне 76 или 89 мм будет больше деформироваться. Никакие ухищрения с пыжами здесь не помогут... А деформированная дробь

даст худшую осыпь...

Двенадцатое. Привычка к своему полуавтомату, приятные воспоминания о многих удачных охотах не позволяют даже задумываться о его смене на другой полуавтомат. Ружья без особых причин не меняют.

Вывод. Если охотник покупает свой первый полуавтомат в наше время, нечего особо задумываться — надо брать новый образец самозарядки — МР 153 с длиной патронника 76 мм (к сожалению, с патронником 70 мм не выпускают). В редких случаях, если известен полуавтомат МЦ 21-12 прежних выпусков (до 1989 года) с отлаженной системой (и без выработок), его после проверки разными патронами где-либо в карьере или на стенде можно приобрести... Это для любителей самостоятельного снаряжения патронов... И расставаться с хорошей самозарядкой МЦ 21-12 считаю делом нецелесообразным. В статье разобраны некоторые мельчайшие нюансы, основанные на различиях в системах двух ружей. Размышления совершенно не подталкивают к поиску преимуществ конструкции одного ружья перед другим. Обе конструкции удачны и надёжны. Лишь бы производитель не допускал брака при изготовлении деталей и узлов и при сборке...

Охота на приваде

Алексей БЛЮМ

Несмотря на явную склонность медведя к вегетарианству, он остается хищником, для которого мясо — необходимый элемент пищевого рациона. Весной, после выхода из берлоги, когда местами еще много снега, а вегетация растений практически не началась, медведи ведут очень активный образ жизни. В надежде добыть какого-нибудь зверя или найти вытаявшую тушу погибшего зимой животного, они совершают большие переходы, с особым пристрастием обследуя берега рек и озер, а также морское побережье, где им нередко удается поживиться снулой рыбой или еще чем-нибудь съедобным, выброшенным на берег высокой весенней водой. Это лучшее время для охоты на приваде, к тому же и шкура у медведя еще достаточно высокого качества.

В конце лета и осенью в период интенсивного накопления жировых запасов и особенно перед залеганием в берлогу медведь питается самыми разнообразными кормами и в том числе мясом. Взрослые звери нередко добывают крупных домашних и диких животных, звери же молодые чаще довольствуются мышами, бурундуками и прочей мелочью, но и те, и другие не чуждаются падали.

Для привады годится туша любого крупного животного, но именно крупного, так как теленка, овцу или козу

медведь съест сразу или утащит. Место, где можно выкладывать приваду для последующей охоты, должно отвечать некоторым требованиям. Прежде всего нужно, чтобы вблизи него появлялись медведи. Особенно удобны для такой охоты места, регулярно посещаемые медведями в определенные периоды года. К таким, в частности, относятся отдельные участки берегов крупных рек и озер. Для примера можно привести реки Сев. Двину, Печору, Енисей, Ангару, Шилку, озера — Телецкое и Байкал. Причем в некоторых местах сформировались ежегодные миграции, когда медведи, поднявшись из берлог, идут к водоёмам по определенным маршрутам. Наиболее известны такие переходы к берегам оз. Байкал. Высокая концентрация этих животных в весенний период даже дала название участку северо-западного побережья озера ("Берег бурых медведей").

Медведи очень быстро находят выложенные на пути их ходов привады, причем бывает, что к одной ходят два, иногда три разных зверя. Выбирая место для выкладывания привады, одновременно нужно присматривать и место для сооружения засидки, причем с таким расчетом, чтобы расстояние до кормящегося зверя не превышало 30 метров. Тушу рекомендуется сориентировать головой или хвостом к за-

сидке. Это очень важное правило, которое нужно соблюдать, потому что медведь редко приступает к еде с головы или хвоста, обычно он начинает свою трапезу со стороны спины или живота, а значит, повернется к стрелку боком, подставив под выстрел наиболее убойные места. Учитывая, что к приваде звери чаще всего подходят в сумерки, стрелять гораздо легче по зверю, стоящему боком. Так как медведь зверь очень сильный и может утащить даже крупную тушу, нелишне каким-нибудь способом закрепить ее: привязать тросом к дереву, положить в низкий сруб и тоже закрепить и пр.

Засидку (лабаз) лучше делать повыше, то есть в 5—6 метрах над землей. Медведь осторожен, особенно, если зверь взрослый. В данном случае он идет не на овсяное поле, где может выйти и в 30, и в 50, и более метрах от лабаза, а в конкретное, ограниченное по площади место, которое обследует со всех сторон, и при любом подозрительном запахе или звуке немедленно уходит. Начинать караулить зверя надо сразу же, как только он начал приходить к приваде, потому что крупный медведь может быстро съесть даже взрослую лошадь или корову. У охотника редко бывает в запасе больше 4—5 дней.

Обычно медведь приходит к приваде в сумерках, но садиться на лабаз

нужно не позднее, чем часа за 3—3,5 до этого времени. Вполне вероятно, что так же, как иногда и к овсяному полю, он подойдет к мясу заранее и даже если не начнет есть сразу, то будет находиться где-то поблизости и, конечно, не оставит без внимания приход охотника. Чтобы перехитрить его, иногда пользуются старым способом. К лабазу подходят вдвоем, затем один тихо забирается наверх, а другой демонстративно уходит. Часто на медведя это действует успокаивающе, и он смелее выходит к приваде.

Однако надо заметить, что нередко кормящегося на приваде медведя можно застать и в светлое время, то есть днем или утром. Такое чаще происхо-

дит весной и характерно для проходных зверей. Поэтому во всех случаях, подходя к засидке, нужно быть готовым к тому, что медведь уже пришел. С автором на Байкале был случай, когда стрелять медведя на приваде пришлось с подхода в 3 часа дня. Ранние выходы этих зверей характерны для малолюдных районов. Наверное, правильнее считать такие выходы не ранними, а просто не привязанными ко времени. Особенно весной медведи в поисках пищи бродят и днем, а наткнувшись на мясо, приступают к еде немедленно. Одна не маловажная деталь: строить лабаз нужно одновременно с выкладыванием привады, чтобы медведь познакомился с этим

сооружением сразу же.

Не всегда привада бывает обнаружена быстро, и иногда проходит несколько дней, прежде чем звери начнут посещать ее. За это время, особенно в теплую погоду, мясо начинает разлагаться, дает «дух», его легче обнаружить, но, в то же время, обяывает охотника быть более аккуратным при съемке шкуры с медведя, добытого на такой приваде, особенно это касается обработки лап. На морде, в пасти, на груди и лапах такого зверя остаются частицы разлагающегося мяса и малейшая ранка на руках грозит большими осложнениями, поэтому лучше работать в резиновых перчатках.

Российский Государственный Аграрный Заочный Университет (РГАЗУ)

Университет организован на базе кафедры экологии и охотоведения (ВСХИЗО), который, в свою очередь, является приемником МПМИ (Московского Пушно-мехового института). Факультет охотоведения и биоэкологии РГАЗУ создан на базе кафедры экологического охотоведения ВСХИЗО, готовит зоологов, экологов и специалистов для охотничьего хозяйства.

С 2014 г. подготовка бакалавров и магистров ведется по двум направлениям: 020400 Биология (профили — охотоведение, кинология и биоэкология) и 250100 Лесное дело (профиль — Лесное хозяйство). На факультет принимаются лица, имеющие как общее, так и профильное средне-профессиональное образование, но продолжительность обучения студентов различается: студенты со средним образованием учатся 5 лет, а лица, имеющие среднее профильное образование сельскохозяйственного или биологического направления или высшее образование — только 3,5 года. Образование строится по очно-заочному принципу, в течение каждого учебного года на базе РГАЗУ в Балашихе проводится одна сессия продолжительностью 40 дней.

Условия приема для выпускников школ, техникумов, колледжей и вузов различны. Лица, получившие среднее общее образование до 01.01.2009 г. при поступлении на направление 020400 Биология проходят вступительные испытания по русскому языку, биологии, химии, а на направление 250100 Лесное дело — по русскому языку, биологии и математике. На таких же условиях принимаются лица, получившие образование за границей или иностранные граждане. Выпускники общеобразовательных школ, получившие аттестаты после 01.01.2009 г. принимаются по результатам ЕГЭ (свидетельство о сдаче ЕГЭ действительно с 2013 г.)

При наличии профильного среднего образования по биологическим и сельскохозяйственным направ-

лениям, а также медицинским специальностям абитуриенты проходят тестовые испытания. Также на основе тестов производится прием лиц, уже имеющих высшее образование не зависимо от профиля. Для таких студентов на первом курсе возможен перезачет дисциплин, совпадающих по затратам времени на обучение с рабочим планом направления «Биология».

После завершения обучения по одному из выбранных профилей (охотоведение, кинология или биоэкология) бакалавры могут продолжить обучение в магистратуре в течение 2,5 лет и после защиты диссертации получить степень магистра.

Сроки приема документов и зачисления в университет:

- с 11 января по 15 марта;
- с 01 апреля по 10 июля;
- с 01 августа по 20 сентября;

Факультет располагает современными аудиториями и специализированными учебными лабораториями. Имеется библиотечный фонд с учебной и новейшей научной литературой по биологии, кинологии, охотоведению и лесному хозяйству, издается журнал «Вестник охотоведения». В составе факультета работает Аналитическая лаборатория экологического мониторинга и зоологический музей, а также функционирует диссертационный совет, принимающий к защите диссертации по экологии, звероводству и охотоведению.

Телефон приемной комиссии РГАЗУ:

8(495) 521-55-46; E-mail: priemkom@rgazu.ru;

Интернет-сайт: www.rgazu.ru.

Факультет охотоведения и биоэкологии располагается в 6 учебном корпусе, телефон: 8 (495) 521-45-74, E-mail: eio@rgazu.ru.

Встреча выпускников-охотоведов

Здравствуйтесь, уважаемая редакция!

Пишет Ваш постоянный читатель и охотовед Гамолко Александр Васильевич.

Прошу опубликовать данное обращение.

Я — выпускник иркутских учебных заведений: пушно-мехового техникума (1974 г.) и сельхозинститута (1984 г.). Дело в том, что в 2014 году у нас двойной юбилей. Иркутскому «пушмеху» исполняется 70 лет (год основания 1944) и нашему выпуску 40 лет.

Очень хочется собраться в Иркутске (предположительно в первой половине июля 2014 года) выпускникам — охотоведам 1974 года всех групп.

Большинство ребят живёт в Иркутской, Читинской областях, Якутии, Дальнем Востоке.

— Ребята и девчата!

Срочно отзовитесь! Будьте активнее!

Это отличная возможность встретиться и пообщаться. Ваш староста на 1 курсе.

Мой адрес:

628650, Ханты-Мансийский АО, Нижневартовский район, с. Ларьяк, ул. Набережная 4/2, Гамолко А.В.
тел: 89227642831

МАЛЫШОК

Сергей ДЕМЧЕНКО, Канада

Черный медведь — барибал

Сезон охоты приближался быстро и неотвратно. Казалось бы, чего проще — приготовить приваду и сиди, жди своего медведя... Но не тут-то было.

Дождей не было с июня, сосны и лиственницы сыпали желтую хвою на потрескавшуюся, даже в лесной прохладе, землю. На всех лесных дорогах стояли предупредительные надписи о невозможности посещения леса охотниками, рыбаками и просто туристами. Разведение огня строго запрещено под угрозой внушительных штрафов. Не было никакой возможности забросить в места охоты продукты и емкости для привады. Я регулярно звонил в организацию, регулирующую охоту, но ответ был один и тот же: «Ограничения по доступу в лес будут сняты после первых хороших дождей».

Я перепроверял оружие и снаряжение, рассматривал на карте новые места охоты, благо такую возможность дают нам сейчас карты гугл, но дождей всё не было.

Время улетало, и надежды на хорошую охоту таяли. Несколько раз я объезжал «мои» охотничьи места по автомагистралям, останавливаясь в местах предполагаемых охот, заходил в лес и убеждался в полном отсутствии ягод и орехов — основного медвежьего корма осенью. Лес был сух. Горячий воздух иссушивал оставшуюся зелень, мох на болотах повис пустотами над предполагаемой водой, которая ушла, и я, бродя по мшарникам, проваливался буквально по пояс. Кое-где пересекал звериные тропы — провалы во мхах, которые уходили к источникам воды и к фермерским полям, на которых уже наливались овёс, соя и созревали семена рапса.

В один из дней на водопое я наблюдал медвежью семейку. Пришли они не торопясь, это была мама и малыш этого года. Особо не таясь, самка подошла к водопою, несколько раз рыкнув перед этим, очевидно, предупреждая о своем приходе всех, кто мог находиться на воде в это время. Только

после того, как она начала пить, выкатился малыш, ростом со спаниеля. С ходу он подскочил к самке, не удержался на берегу, плюхнулся в воду, наделал шума и переполоха. Самка прекратила пить, подняла голову и пристально посмотрела в мою сторону. Я сделал несколько фотоснимков. В этот же момент самка, рыкнув, пошла на махах от воды, медвежонок с ней. Наверху она остановилась, повернулась в мою сторону, и опять пошла на махах к лесу. Метров через 20 еще раз остановилась, встала на задние ноги, снова посмотрела в мою сторону, пытаясь определить источник опасности. Малыш уже был далеко впереди, возле кромки леса.

Что ее побеспокоило? Может быть, блеск объектива? Ветер, который меняется каждую секунду?

Скорее всего, чувство опасности, которое я не раз наблюдал у медведей во время моих охот. Казалось бы, он тебя не чувствует, не слышит и не видит, но тем не менее очень быстро определяет, что охотник есть, и старается избежать опасного соседства. Порой же, когда ты не на охоте, а собираешь грибы или ягоды, зверь проявляет элементы полной невнимательности, и ты можешь подойти к нему чуть ли не вплотную.

К водопою были проторены даже не тропы, а дороги. Место охоты было определено и оставалось только дожидаться дождей. Первый дождь прошел накануне, и сразу же лес открыли. Но это никак не повлияло на результаты охоты. Лес был пуст. Медведи уходили кормиться на фермерские зерновые поля, дневали там же, недалеко, в примыкающих к полям перелесках, в которые доступа мы не имели без разрешения хозяев. Можно было бы поставить в лесу привады, надеясь, что медведи найдут ее и будут посещать, но время охоты — всего месяц, поэтому я выбрал другой путь: искать медведя в лесу во время переходов на кормовые поля.

Песчаные земли — уникальное место, недалеко от границы США, куда мы с приятелем направились при первой же возможности. Песчаные дюны заросли светлыми сосняками. Янтарные, ровные стволы сосен, вырастая из песка, смыкаются кронами, создавая сплошной темно-зеленый купол. Рассеянный свет проникает к усыпанной опавшей хвоей земле, не давая развиваться бурной лесной растительности внизу и, следовательно, видимость в борах — на дальность винтового выстрела. Обычно эти места изобиловали голубикой и другой лесной ягодой, но в этом году я встречаю только одиночные ягодки на полусохших кустиках. Однако сле-

ды медведя есть, т.е. звери не забывают навещать в свои ежегодные столовые, а, значит, у нас есть надежда на встречу с ними. Тропы пробиты по зарослям малины, по голубичникам. Вся вырубка изрезана дорожками зверей. Я иду к воде. Приятель же мой уходит в противоположную сторону, вдоль вырубок, туда, где начинается смешанный лес, где мы и должны встретиться.

Ветра нет. Тихо. На небе ни облачка. Воздух прозрачен и чист. Вода — это громадное болото, образовавшееся в результате бобровой активности. Они запрудили небольшую речку, берущую начало в болоте, не далеко от Вайт Мауф Лэйк и, со временем, всю низменность, простирающуюся с востока на запад от истока, превратили в бесконечное болото. Местами — не глубокое, можно идти бесконечно по колено в воде, а местами — бездонное, с трясиными, плавающими островами, на которые ступаешь, как на твердую землю, а они начинают качаться, и ты понимаешь, что под тобой только тонкий слой болотной растительности, а под ним — все то же болото. Хотя и на мелководье можно попасть в бобровую траншею и ухнуть по грудь в ледяную болотную жижу, еще и скверно пахнущую бобровым пометом.

Впереди справа небольшой островок невырубленных старых сосен. На одной из них вижу закрепленный лабаз. Кто-то выбрал очень удобное место. Пробую забраться. С лабаза открывается хорошая видимость во все стороны. Мне прекрасно видны звериные тропы, сбегаящие к водопою. Недалеко от лабаза — груда белых костей. Спускаюсь и подхожу. Весь костяк оленя сохранился вместе с небольшими рогами на три отростка.

Явно слышу голоса гончих, гонит стая. Откуда здесь собаки, да еще гончие? Охота на зверя с собаками в Манитобе запрещена. Стою, слушаю. Ближе, ближе. Голоса отражаются от высокой стены сосен, летят вверх. Поднимаю глаза и высоко в небе вижу огромную стаю снежных гусей, спешащих на дневку. Они переговариваются, окликают друг друга, подгоняют молодых. Всё это очень похоже на голоса стаи гончих в осеннем лесу. Но это не гончие!

Защемило сердце от воспоминаний. Сколько осеней проведено с гончими. Сколько зверя добыто. Сколько прекрасных рабочих собак прошло через мои руки, оставив теплые воспоминания в моей душе...

Рассматриваю гусей в бинокль. Часть из них чисто белые, часть с голубыми отметинами на шее, крыльях, а часть почти полностью голубые, только подбрюшье белое. Они не похожи на

канадского гуся: они мельче, их голова резче, пронзительнее и тоньше по тембру. Я ни разу не охотился на этого гуся в Канаде, хотя численность его во время перелета достаточно высока и норма добычи 20 птиц в день. Время идет, иду и я вдоль болота. Впереди, на изгибе, большущий бобровый дом. По берегу — у тропы к воде. Иду по одной из них. Ружейным выстрелом прозвучал в тишине удар бобрового хвоста по воде. Я вздрогнул от неожиданности, но сразу же понял, что это. И тут же нарастающий шум поднимающихся на крыло гусей. Это уже канадские серые. Они сидели на днежке тихо, без разговоров и только испугавшийся бобр поднял их на крыло. И сразу же в лесу стало тесно от шума.

Гонг-гонг-кага-кага, — заговорила стая, набирая высоту над противоположной от меня стороне болота, над полужасохшим от воды, мрачным лесом, заваленным буреломом и заросшим лишайниками, сползающими в болото.

Невольно вспомнилась история, рассказанная мне моим приятелем Ллойдом, старым охотником, в котором текла кровь охотников-индейцев, населяющих эту землю. «Это был темный, пасмурный день на Вайт Мауф Лэйк. Я безуспешно охотился на оленя в окружающих озерах болотах, с многочисленными небольшими островками леса среди бесконечных водных просторов, служивших надежными укрытиями для оленей от хищников и случайных охотников. Настроение было под стать дню — мрачным и темным. Вдруг я почувствовал, что что-то неприятное происходит впереди на сухом клочке земли, поросшем слева мелкой болотной порослью, переходящей справа от меня в высокоствольный лиственничный лес, непроходи-

мый, с обломками поваленных стволов, повисшими лишайниками и острыми пиками старых, сухих сучьев.

Холодный страх, как ледяная вода, в которой я находился, закрался под мою куртку и проник глубоко в душу от непонятного ощущения чужого взгляда. Взгляда тяжелого и осязаемого кожей и всеми внутренностями, поднимающего волосы дыбом, делающего руки и ноги непослушными, а меня безвольным. Я покрепче запахнул полы своей куртки и нащупал спусковую скобу карабина, пытаюсь освободиться от этого ощущения, но чувство животного ужаса начало заполнять меня изнутри в предчувствии какого-то действия...

Затем, без какого-либо предупреждения, я был буквально оглушен громкими звуками ударов дерева о дерево. Не палкой о палку, а именно дерева о дерево. Звук был такой силы, что я невольно задрожал. Раз, два, три... Пауза. Раз, два, три... Еще пауза. Раз, два, три. Еще пауза! Потом тишина. Гробовая тишина. Ни дуновения ветра, ни голосов птиц, ни шелеста болотной травы. Ничего. Тишина...

Может, мое воображение играет надо мной злую шутку? Но нет! Справа-налево, из гущи лиственника в щетку поросли скользнула серая тень... Явно не волк. Вода доходила мне до колена, волк мог передвигаться здесь вплавь, тень же была явно выше меня, причем, в разы! Может, два моих роста! Вместе с тем веса моего тела явно не хватило бы просочиться сквозь густую поросль, раздвигая ее. ЭТО же проскользнуло в секунды, обозначив свое движение легким покачиванием кустов. Потом опять я увидел движение и услышал треск ломающихся деревьев и звук движения, когда ЭТО пересекло чистину в другой стороне и остано-

вилось, изучая меня, спрятавшись за буреломом.

Вдруг тишина разорвалась ужасным звуком, грозящим разорвать барабанный перепонки, звуком, парализовавшим меня, сделавшим не способным не только бежать, но и сделать шаг. Это был не рев, не рык, а что-то всё вместе взятое. Я готов был бежать по ледяной воде, не разбирая дороги, но не мог. Я был в панике, но недвижим. Если бы я побежал, я бы погиб в этом болоте, потеряв возможность ориентироваться. Я был во власти животного ужаса, пытаясь уловить движение на суше и ожидая чего-то страшного. Но все оставалось без изменений.

Я начал медленно отступать. Очень медленно, шаг за шагом пробуя надежную опору под ногами, стараясь не оступиться, не намочить одежду и не уронить карабин. Любое неверное движение может спровоцировать нападение, я это понимал. И был очень осторожен, отступая в направлении моего следа.

Лес, в который упиралось болото, был непролазный и темный. И до меня, наконец, стало доходить, что я получил предупреждение — НЕ входить! Не пересекать невидимую границу!

Между тем темнело. День покидал болото, уступая место холодному вечеру. Я посмотрел на компас и не смог различить стрелки. Волосы зашевелились на голове и тело покрылось гусиной кожей от одной мысли, что придется остаться в ледяном болоте на ночь в непосредственной близости от... непонятно кого, чьи две тени стояли на страже своего участка суши. Одна мысль о повторной попытке выбраться на землю к Ним повергла меня в ужас. Обратный путь к моей избушке был долг и пролегал по болотам, залитым водой, становящейся к вечеру еще холодней.

Чувство направления никогда меня не обманывало. Я знал, куда нужно идти, и медленно пошел обратно, недоумевая, почему оставил своих собак в избушке. Почему пошел один? Я обычно охочусь с товарищами. Почему именно сюда — и один? Почему? Не покидало чувство, что за мной кто-то охотится. Наверное, так ощущает присутствие человека в лесу дикая зверь. Я не видел и не слышал их, но знал, чувствовал, что они рядом.

Всю дорогу я шел, боясь оглянуться, и сжимал шейку приклада карабина мертвой хваткой, отпустил ее, только толкнув дверь избушки. Две моих собаки, запертые внутри, с радостью бросились ко мне навстречу. Но тут же отпрыгнули от меня, нюхая воздух, пытаясь прихватить запах верхом, низкого рыча и скаля клыки.

«Тихо, ребята, тихо. Молодцы, назад. Тихо», — сдавлено и испуганно прозвучал мой голос, и я прикрыл дверь за собой, но она, предательски скрипнув, приоткрылась опять.

Мое сердце бабахало о грудную клетку, готовое выскочить. Я увидел серую тень, проплывшую за окном.

Молодой барibal осматривается

Собаки следили за ее движением, медленно поворачиваясь по ходу, скалясь и рыча, но не двигались с места, не бросались, как это они обычно делают, встречая любого зверя. Ощетинившись, они медленно отслеживали движение Кого-то за стенами избушки, поворачиваясь вслед за Этим. Они были готовы биться насмерть, злоба клокотала в их горле, и клыки были в страшном оскале, мускулистые тела припадали к земле, готовые к броску в любой момент...

Три пары наших глаз и ушей напряженно следили за происходящим. Все мы смотрели сначала в окошко возле печи, где был прислонен мой карабин, потом медленно повернулись на шум у входной двери, затем треск раздался за стеной в районе кровати, где висело на стене второе заряженное ружье. У меня был еще и пистолет в ящике, полностью снаряжен и готов к действию, но мысли применить все это у меня не было. Мы были словно заигнотизированы этим застенным движением и в немом оцепенении только поворачивались вслед за ним.

Треск раздался перед входной дверью, и сердце вновь замерло. Собаки, готовые к нападению, припали к полу около двери: они захлебывались от плотного утробного рыка. И тогда я почувствовал запах... Он заполнил избушку — тяжелый запах сильного и мокрого зверя. Опять громко затрещало справа от входной двери, и сквозь щель я увидел громадный темный силуэт, выплывший из темноты леса на освещенный лунным светом проход к избушке. Он медленно приближался к двери, вырастая в размерах, и, когда подошел, я смог видеть только его ноги, обросшие длинной коричневой шерстью. Я и собаки отпрянули к дальней стене и тут же услышали за стеной громкий треск ломающегося дерева. Совершенно очевидно, что это был второй зверь, слышавший наши перемещения.

Громом прозвучал удар деревом по крыше моей избушки, потом второй, третий... Собаки шархнулись из-под моих ног, чудом не сбив меня, а с потолка посыпалась деревянная труха... Дикий крик разорвал ночную тишину: полукрик, полурык, я уже слышал его на болоте. Кровь заледенела в моих жилах от этого крика. Я не слышал собак, они сжались у моих ног, пытаюсь найти защиту и спасение.

Я увидел удаляющуюся тень зверя от двери... Ноги не держали меня, и тело, как плавленный воск, медленно стекло на пол. Я понял, что произошло. Я вторгся на чужую территорию, и Хозяева, а это были именно они, болотные люди или, по-местному, Саскваш, предупредили меня держаться подальше от болота на Вайт Мауф Лэйк...

...Перейти на противоположную сторону болота нет возможности, да и надобности тоже. Пошел влево, вдоль берега. Густая прибрежная растительность не дает хода. Все переплетено, запутано, еще и бобровые порубки под

ногами, которые невозможно рассмотреть. Здесь можно не только ноги поломать, но и шею. Выбираюсь ближе к чистому и попадаю в светлый пихтач, размешанный осинками и березками. Почти сразу же выхожу на хорошую звериную тропу.

Что делать? Дальше облазить болото, по этим делям, в поисках водопоя или попытать счастья взять зверя где-то на подходе? Рассудок победил! Ухожу в лес! Если пойду влево, то, сделав большой крюк, выйду к машине, проверив заодно большой участок смешанного леса и возможно встречу моего, ушедшего в этом направлении, друга. Почти сразу же выхожу еще на одну тропу. Она пробита тысячами лап и копыт и идет в нужном мне направлении. Здесь сосны перемешаны с березами и осинами, видимость метров 5—10, неудобно.

Ветра нет по-прежнему, лишь еле уловимое движение воздуха, которое я ощущаю на лице. Все хорошо. Иду медленно, внимательно просматривая плешину среди леса и останавливаясь перед буйными кустарниковыми зарослями. Со стороны воды примывает еще одна хорошая тропа, потом еще одна... Значит, я нашел нужное место. Вдруг впереди, за участком плотной растительности — топот. Я его явно слышу, топот убегающего зверя. Но видимость нулевая. Как бы было хорошо встретиться с ним в начале моего пути, в светлом сосняке!

Бреду дальше по тропе, карабин в руках, наперевес. Неожиданно выхожу на обширную поляну, всю истоптанную и изрытую. Но что это? К дереву прикреплен двухсотлитровая бочка с вырезанной дырой внизу. Конечно же, это медвежья привада. Кто-то пользовался ею по весне, и медведи до сегодняшнего дня ее проводят. Явно слышен запах жареного масла, которым пропитана земля вокруг бочки, всё под ней изрыто. Остатки зерна смешаны с землей. Хорошо пожили!

Осматриваю окрестности и в 30 м, в хвое большой сосны, вижу засидку. Добротно сколоченная из плах, с заборчиком, предохраняющим от случайного падения. Размером таким, что способна вместить двоих, а то и троих людей. К сосне приколочена лестница из темных, неотесанных сосновых стволов. Замаскирована сплетенными хвойными лапами. Все классно! Остается только встретиться с моим приятелем и вернуться к месту засидки. Выхожу на недалекую вырубку и вижу его оранжевый жилет! Быстро возвращаемся к лабазу, решая перекусить там же.

Взбираюсь на засидку, приглашая присоединиться приятеля. Видимость ограничена кустарниковыми зарослями, но несколько достаточно глубоких проходов в лес просматриваются. Если же медведь выйдет к засидке, он будет вообще как на ладони.

Располагаемся с обедом, решив посидеть до вечера в ожидании. Достаем, что бог послал, и вдруг я обнару-

живаю в своем рюкзаке банку сладкого арахисового масла, очень любимого канадцами за специфический сладкий запах. Решение созревает мгновенно. Оставляю приятеля на лабазе, сам же беру банку, не забыв прихватить и карабин, и ухожу в лес.

Я сделал большой крюк по лесу, ставляя на деревьях сладкие метки. Наносил мазки масла по спирали, приближаясь к засидке. Уже и приятеля наблюдаю, но странно, он смотрит на меня через прицел. Поднимаю обе руки в немом вопросе, что? Он мне громко отвечает: «Медведь за тобой ходит, я его только что видел! Черный!»

Приятель мой охотник азартный, но малоопытный. Да и, честно говоря, я не знаю, как он отстреляется, и как после этого поведет себя медведь. Иду не спеша. Остатки масла вымазал около бочки. Поднимаюсь на лабаз, приятель не отводит взгляд от прицела... Смотрю и вижу: медвежья голова медленно выплывла из-за кустов и лижет масло. Я прошу не спешить с выстрелом, достаю камеру и делаю несколько снимков. Но, приятель мой уже в нервной лихорадке. Медведь вышел на чистое, к бочке. До него метров двадцать. Мне его жалко, он еще малыш, останавливаю приятеля: «Не стреляй, не спеши, посидим еще, может, другой придет, побольше». Жалко, лук в машине.

Я не планировал охоту на засидке, поэтому взял карабин, а для лука — это замечательная дистанция и великолепный зверь. Он суетится, спешит все съесть, видимо, привык к тому, что место посещают другие медведи. Самец, лет 3—4, не очень крупный и не очень жирный для этого времени года. Перевожу взгляд на приятеля, пытаюсь сказать ему, что стрелять нужно в «глаз», но в этот момент он стреляет. И мажет! Вернее не мажет, а попадает медведю в живот! Я чуть не плачу...

«Перезаряжайся, стреляй», — буквально кричу приятелю. Он оторопело смотрит на уходящего в заросли медведя.

«Я же тебе уже говорил, что крупного зверя стреляй, пока не ляжет», — продолжаю в том же тоне.

Слетаю с лестницы и пытаюсь перебить зверя на тропе, по которой он ушел. Вижу, как он сидит, полураскрыв пасть и мотает головой из стороны в сторону. Выстрелить в него у меня силы нет, хотя я понимаю, что таким образом я прекращу его мучения. Приятель уже тоже сошел с лабаза и идет по тропе вслед за медведем. Опять кричу ему: «Не ходи по следу раненого, ты же видел, куда я ушел! И не вздумай стрелять, я в створе с медведем, по нему попадешь или нет, а по мне — точно!»

Не могу сдержать своего раздражения из-за жалости к этому зверю. Не нужно было его стрелять! Приятель подходит и прекращает его мучения. На душе... непогода. Не знаю почему! Ведь я приехал охотиться, и медведя добыли, а удовольствия нет! Жалость к этому, не очень опытному зверю съела мою душу...

Чуть не страс!

Олег ТРУШИН

Ожидание появления медведя всегда тревожно, особенно когда знаешь, он где-то рядом и, может быть, даже слышит, как ты взбираешься на лабаз, стараешься устроиться на нём поудобнее, чтобы увидеть его — хозяина леса во всей красе... Ружье я собой в всякий случай взял. Томится слух, вырывая из тишины леса каждый подозрительный, непонятный звук, стараясь разгадать его происхождение. Напряжён взгляд, блуждающий окрест, забирающийся в самую кущу, стараясь заприметить появление медведя. Но лес молчал, только мелкие пахи крутятся в кронах деревьев, да шумит на каменистых перекатах река, пеня бурный поток.

«Медведь выходит на закате», — напутствовал егерь, доставляя меня к лабазу, что был устроен на каменистом взгорье, поросшем молодым сосновым бором, путь до которого был для нас один — получасовой сплав на лодке по речному руслу вниз по течению. Медведь долго слушает, осторожничают. Бывает, что покрутятся возле привады да так и не выйдет, отведя свой след. Только и услышишь его тяжёлую поступь в тишине засыпающего леса. словно кто-то каднушкой днём из землю опускает. Ухнет — и опять тишина. Слушаешь лес в такую минуту и оторопь берёт — знаешь с кем дело имеешь. А лес умеет хранить тишину! И вдруг опять как ухнет под тяжёлой поступью болотная мочажина — и вновь тишина. Покрутишь головой по сторонам. Никого. И только каким-то особым, наверное, доставшимся нам от далёких предков чутьём ощущаешь, что зверь где-то рядом.

Договорился я тогда с егерем о медвежьей встрече — устроить по ранней весне приваду. В нужный срок, как только с первым солнечным теплом занялись снега, доставили на ближайший кордон железную бочку. Крепко-накрепко привязали её цепью к сосновому стволу, чтобы проголодавшийся зверь ненароком от жадности к мясу не сорвал её и не укатил в лес. Наполнили бочку лосятиной, что изрядный душок дала (по душе медведю такое лакомство). Верх бочки стальной проволокой перетянули, оставив ячейки под медвежью лапу, чтобы лакомство за один присест не выхватил. А рядом между двух сосен, метрах в пяти от земли, накиннули жерди и устроили лабаз. Спустя время проверили приваду. Сработала.

Не единожды выходил медведь к приваде. На стволах сосен старые и свежие затёски от когтистых лап. А вот он схватил с силой клочок мха-ягеля, вывернув добрый пласт, оголив землю. Наверное, силу показывал: давал знать кому-то — чьи в лесу шишки!

В одну из ночей, видимо, совсем заглодавав, осмелел и прильнул к бочке. Крутил её что есть мочи с боку на бок, да так что цепи толщиной в добрый стальной прут врезались в оголён-

ную древесину. Искал для себя удобное положение, как легче из бочки мясо достать. Но так и не выбрал — проволока мешала. Ушёл по своим медвежьим делам, а жомет, и стронул кто, не дав докончить трапезу.

Поправили тогда бочку. Доложили лосятины, сдобрив её заветренной рыбой. А тут наступил и мой черёд на лабаз собираться.

Северная весна в тот год ранняя выдалась. Быстро снег сошёл, и к середине мая схлынула прочь полая вода, осадив реку.

Часа за два до полуночи добрались мы до нужного места. О том, что скоро полночь, не было и намёка. В эту пору на русском севере белые ночи. Не успеешь глаз прикрыть, как рассвет подоспеет. Закат с рассветом в эти дни в одно зеркало вод смотрятся.

Ещё на подходе к лабазу определили, что накануне медведь приходил. Едва приметный медвежий след на ягеле не сразу распознаешь.

Тишина. Парочка зябликов суетится возле привады. Заметили нас и вспорхнули на еловую ветвь, вытерли носы о свой нащест и уже оттуда в глубину леса слетели. Чеглок, выскочив из-за сосновых крон, пролетел стороной и скрылся из виду.

Медлить было нельзя и через несколько минут со всем своим скарбом, оставшись один на один с затахающим в ночи лесом, я находился на лабазе. Лес принял меня, окутал своим пологом со всех сторон, и даже птичья мелюзга не обращала на меня никакого внимания и порой, усевшись на ветвях, что торчали у моего плеча, внимательно разглядывала незнакомца. А то и сев напротив на перекладину-поручень, с любопытством глядела на меня бусинками глаз, наверное, додумывая зачем я так высоко «взлетел».

Стих лёгкий, едва гулявший в кронах ветерок. Багрянец заката пробрался под полог леса. Потихоньку стали замолкать птицы. Береговой кромкой протянул невидимый для меня вальдшнеп. В глубине леса глухо заворковал голубь — вяхирь, но быстро смолк.

Посмотрел на часы — время за полночь. Не свожу глаз с бочки. Вслушиваюсь в каждый шорох окружающего меня леса. Шум воды на порогах несколько отвлечает. Зарянка, внезапно вылетев из елового подростка, села на разлапистую еловую ветку, что была по правую руку от меня. Осторожно, чтобы не спугнуть птицу, я повернул голову в её сторону и в какое-то мгновение ощутил боковым зрением огромное движущееся пятно, неожиданно появившееся в проёме двух сосен.

Медведь! Возник, словно глыба, выросшая из-под земли, в тот самый момент, когда я отвёл взгляд. Какие-то несколько метров разделяли нас. Причутья меня он не мог — я был всё же высоко. Приподнявшись на задние

лапы, медведь потянул воздух и, громко фыркнув, замер, словно заподозрив что-то неладное.

С появлением медведя время для меня остановилось. Я пристально наблюдал за зверем. Стоя на полянке у привады, он словно не замечал её. Но ведь вышел сюда он именно к ней!

Густые сумерки еще не наступили. Лес хорошо просматривался. Да, впрочем, и наступление темноты, о которой я подумал в тот момент, не спасло бы меня, если бы медведь решил «заняться» мной. Да и кричи не докричишься — кругом лес и река, шум порогов которой заглушит крик. А добраться до меня зверю было бы проще простого — мало дерева, тут ещё и лестница к моему «нащесту» приставлена.

Какая-то мелкая птичка, едва не задев медведя, прошмыгнула над ним и юркнула в еловый подрост, что тянулся к поляне от самой реки.

Последние блики заката утихали над лесом, и лишь по-прежнему рьяно шумел ближний порог. С реки тянуло прохладой и было иногда слышно, как барражировали над руслом утки.

Прямо перед моим лабазом росла пара хлипких ёлочек, тянувшихся к солнечному свету. Крона одной из них была прямо напротив меня, едва поднимаясь над моим лабазом. Ёлочки так себе — стволы у комля двумя ладонями обхватить можно. Вот и выбрал медведь ту, что ближе к мне своей кроной была. Подошёл, приподнялся на задние лапы, обхватил ствол в охапку и давай трясти ёлку что есть мочи. Заходила еловая крона, словно живая, осыпая меня хвоей. А я про себя думаю: вот сейчас управится с этой ёлочкой и за мою приметится. А кругом ни души! Только я да медведь под деревьями, неподозревающий о том, что за его «молодецкой» забавой наблюдают.

Как устояла ёлка, одному лешему известно. В какое-то мгновение отпрянул зверь от дерева, опустился на передние лапы, встряхнулся и, подойдя к сосне с закрепленной бочкой, замер, словно оценивая ситуацию. Потом, как запровадский силач, обхватил бочку и повернул её на бок, только цепь застучала по её железному корпусу, врезаясь в сосновую кору. Дело было сделано. Бочка лежала на боку и стало проще достать лакомство — медведь начал трапезу.

Несколько минут зверь пировал, вытаскивая когтистой лапой из бочки лосятину. Забавно было наблюдать за этим действием. Посмотрит в глубь бочки, словно выбирая кусочек пожирнее, — и лапой туда. Слышно было как медвежьи когти скребут по бокам бочки. Иногда мне казалось, что этот скрежет даже нравился медведю, и он пытался повторить его снова и снова.

Наевшись зверь ушёл восвояси. Тихо. Бесшумно. Слово сквозь землю провалился. Даже шагов его не было слышно. То ли заподозрил что-то неладное, то ли вспомнил о своих неотложных медвежьих делах. Хотя какие у медведя по весне дела — жир поскорее нагнать после зимнего сна.

Боня и Джек

И. АЛЁХИН
Рисунки В. Симонова

Последние несколько лет я держу дратхааров. До этого у меня были разные охотничьи собаки: спаниели, фокстерьеры, такса и эстонская гончая, но последние десять лет — только дратхаары. Десятилетие — сравнительно небольшой срок, но за это время у меня были три кобеля немецкой жесткошерстной легавой, как более понятно для русского человека звучит название этой породы. Два из них, оба по имени Рой, к сожалению, закончили свою жизнь трагически в самом расцвете сил и, когда я привел в семью третьего дратхаара, по настоянию жены и дочери Роем его называть не стали, а дали имя Джек. Имя для немца не типичное, а скорее совершенно неподходящее, однако мгновенно приклеилось к щенку, и благодаря дочери приобрело несколько шуточных интерпретаций. Смешного, мордастого, в два месяца уже бородатого и бровястого толстопятого щенка с удовольствием звали Джеком Потрошителем, Джексонном, Джексонном-Шмексонном, Джекушонком, Джеки-Брауню и даже Джеки Чаном. На все эти прозвища кобелек, имевший родословную, уходящую корнями в Германию, откликался охотно и с радостью.

Щенки всех пород собак потешны и вызывают восторг и умиление — в разной степени, конечно, — у большинства людей. Джексон в этом смысле достиг максимального уровня. В день, когда я привез его из Краснодара домой, к нам заехали дочь с зятем, и Евгений, в целом не любитель показывать своих эмоций, не охотник и не знаток собак, сказал Насте: «Я тоже хочу такого».

Джексон-Шмексон покорял всех своим внешним видом и характером. Он был прост, весел и жизнедеятелен. Но, что я отметил — сразу, с первых месяцев жизни, показал тот самый знаменитый немецкий Ordnung, порядок, в своем поведении. Удивительно, но он с самого начала прекрасно понимал, чего нельзя делать. Причем понимал с первого раза. Ему запретили гадить во дворе — и он никогда боль-

ше не сделал этого за пределами вольера, калитка которого всегда была открыта. Сразу понял, что ставить лапы на автомобиль нельзя — и ни разу не попытался вскочить на бампер или дверцу. Потом, когда я стал брать его на охоту, и он проводил дорогу на переднем пассажирском сиденье, потребовалось один раз хлопнуть его по лапе и строго сказать «Нельзя!», лишь только сунулся за его пределы — и больше не потребовалось. Кобель превращался в сидящего сфинкса до того времени, когда я, приехав на место, обходил машину, распахивал дверцу и командовал: «Выходи!» Тогда он мягко спрыгивал на землю, не коснувшись лапами порога машины.

Я вообще ничему его не учил. Поноску он стал приносить сам, на первой же охоте, в возрасте четырех месяцев, достав из камышей заброшенную туда мной пластиковую бутылку. Я швырнул посудину на авось, не сильно надеясь, что щенок вообще полезет за ней в заросли — ведь это были его первые в жизни камыши! — а тем более найдет ее и принесет, но это случилось. Джек, еще невелик ростом, деловито полез в темноту — время было позднее, мы ужинали перед ночевкой, — посопел там, потрещал стеблями, и вдруг вынес мне бутылку, смешно перехватывая ее для удобства пастью, как будто делал это не в первый раз!

В этот же вечер, еще посветлу, еще не догадываясь о таких способностях малыша, я пошел с ним прогуляться по дамбе заросшего тростником ставка, где всегда держалась водоплавающая дичь, пошел просто так — посмотреть, как будет реагировать дратхааренок на воду, которую он до этого видел только в плошке.

На дамбе у самой воды росли старые вербы, у их подножия громоздились упавшие с деревьев отмершие ветки, так что подход к воде был затруднен даже для взрослой собаки. Да я и не хотел, чтобы Джексон с первого раза, чего доброго, запугался в этом нагромождении и его пришлось бы от-

туда спасать. Поэтому хотел пройти дальше по дамбе, где, я знал, было удобное место для первого знакомства песика с открытой водой. Там был кусочек пологого берега с ровной травкой. Однако случилось другое.

Из-под одной из верб, из-под берега, из переплетения упавших веток и камышовых стеблей с шумом вырвался выводок кряковых. Было начало августа, молодые утки еще не надеялись на свои крылья, и все сразу стали удирать по воде, суматошно хлопая и крякая. Где была matka, и была ли вообще — я в этом шуме и грохоте не заметил, да это было и неважно. Я смотрел на Джексона. Малыш, хотя и ростом со взрослого крупного спаниеля, на мгновение остолбенел, высоко подняв голову, и тут же бросился в сторону уток, в воду! Ему мешали хаотично лежащие ветки, но он, отчаянно барахтаясь и спотыкаясь, преодолел преграду, и поплыл! Утки, конечно, быстро растворились в камышах, подступавших к дамбе, удрали в глубь зарослей, а Джеки Чан все ходил-плавал на том месте, где только что вскипела вода от ударов крыльев и лап дичи. Он был в совершеннейшем восторге и возбуждении! И, похоже, не испытывал ни робости, ни страха ни перед шумным появлением дичи, ни перед водой. Это было хорошо, большего я и желать не мог! Но потом, когда стемнело и мы ужинали, забросил в камыши легкую пластиковую бутылку из-под «Пепси» с шуточным приказом: «Подай!» Однако Джексон-Шмексон совсем не почувствовал иронии, а сразу полез в темные, неизвестные ему доселе заросли и вскоре появился с бутылкой в зубах! Все, теперь — достаточно! Больше от четырехмесячного дратха я желать не мог.

Сказать по правде, я никогда всеерьез натаской собак не занимался. Это можно объяснить моим характером, особенностью охоты в наших открытых местах, может быть тем, что в моем ближайшем окружении никогда не было охотников — заядлых «собачат-

ников», чем-то еще. Возможно, отсутствием у нас хороших, рабочих собак в прежние времена, когда я формировался как охотник. Судите сами. Главной в наших полях всегда была охота на зайца-русака с подхода, и очень мало кто занимался этим, имея в помощниках собаку. Встречались такие, но очень редко. Во всяком случае, я не то что по пальцам пересчитать, а и вообще припомнить таких могу с трудом. Безусловно, я понимал, и сейчас понимаю, что охотники с рабочими спаниелями, сеттерами или курцхаарами были и тогда, но явление это было все же достаточно редкое. И достать или купить, вообще — заиметь, — действительно хорошую собаку в те времена для парня из моих мест было большой проблемой. Конечно, при желании это можно было сделать, но я много лет, запойно занимаясь охотой, такой глобальной задачей перед собой не ставил. Собак держал, но всегда — неизвестных породных и сомнительных рабочих качеств. Попадались среди них интересные, даже талантливые, но когда их не было — я ничуть не печалился, и это совсем не казалось проблемой. Была всепоглощающая охотничья страсть, силы, энергия, желание бродить с ружьем с утра до ночи, а собака... казалась обязательным атрибутом. Утиная охота тоже вполне могла проводиться без четвероногого помощника: я стрелял на зорях с лодки, с чучелами и без них, на кормовых полях, вытапывал уток из зарослей, штурмуя их в болотных сапогах или в костюме химзащиты, и добывал достаточное количество. При поездках в плавнях о собаках вообще никто и не думал — там места вовсе не для них, несмотря на странные слова из песни известного барда «...В плавнях шорох, и легавая застыла чутко...» Это все от некомпетентности — в плавнях при охоте на уток легавые не применялись никогда. По ком в

плавнях может делать стойку легавая? Где? Не бывает такого.

При охоте на голубей собаку, по большому счету, не нужна, место охоты определяется «на глазок», а сбитых птиц нетрудно подобрать и самому.

Еще одна наша охота — перепелиная, которую знаменитый Ю. Власов назвал «фантастической». Да, здесь хорошая подружейная собака может показать себя «во всей красе», но... за много-много лет мне не довелось увидеть в своих местах ни одной классически работающей собаки, поэтому я и сам не сильно расстраивался, выходя в поле лишь с ружьем и патронташем зарядов с бекасинником. Дневную норму по перепелу нетрудно было выполнить простым «самотопом», лишь иногда для разнообразия используя веревку-«перетяжку». Охота была счастливым, настолько большим, что отсутствие собаки сколь-нибудь большого влияния не имело. Вот как-то так...

Это теперь я понимаю, что такое собака. Однако для этого потребовалось, чтобы и охота, и жизнь изменились. Изменилось мировоззрение, может быть, даже в какой-то степени мой характер. Изменилось многое. Теперь охотника без собаки в наших полях встретишь реже, чем с ней. И я и сам чувствую, что без собаки больше охотиться не смогу. Однако для такого ощущения потребовалось прожить целую жизнь...

Итак, Джексон-Шмексон ворвался в охоту с ходу, не раздумывая, со всей удастью и страстью молодого организма. Я совершенно не натаскивал его. Он не знал, что такое чок-корда и что такое правильный челнок. В первый свой выход в поле, в четыре месяца, он, конечно, не начал делать стойки по перепелу, но когда я застрелил птицу с подъема — Джек бегал в стороне, еще не понимая значения всех запахов, окружающих его, — подвел к лежащим в траве перышкам и каплям

крови, то юный дратх припал на передние лапы и начал оглушительно лаять на это место! Однако первую настающую стойку Джек Потрошитель сделал лишь на следующий год.

Я, конечно, понимаю, что брать перепольную собаку на заячью охоту — значит, почти наверняка испортить ее. Но как я мог не брать Джека?! Как я мог оставить его за забором, уезжая в поле, и видеть это желтоглазое недомление и мольбу на его морде?! Нет, пусть он будет срывать стойки, пусть будет искать неправильным челноком, пусть какую-то часть дичи спугнет до выстрела — я не мог оставлять собаку дома. И Джеки Браун ездил со мной и на фазана, и на зайца, и на голубей. Я знал, что это портит его, но поделаться с собой ничего не мог. Я тоже считал пса охотником, и хорошо знал, ЧТО это такое — лишать его этой радости. И для него, и для меня это было невыносимо.

Джек вырос могучим, красивым и очень добрым. На выставках собак знакомые нередко задавали мне вопрос: «Чем ты его кормишь?» — имея в виду атлетическую фигуру пса, его рост и красивую шерсть. Что я мог ответить? Все ведь известно: кормить нужно хорошо, особенно в первые полгода — год, ну и... порода, наверное.

Была и есть у моего Джексона одна особенность, из-за которой я не выставляю его на испытания по дичи: во время охоты он забывает обо мне. Запах дичи и необходимость искать и преследовать ее, основанная на сильнейшей охотничьей страсти, забивают в его башке все понятия о сдержанности и смысле наших совместных действий. Он просто отключается от мира, в котором нахожусь я со своим ружьем. Пес становится полубезумным и охотится только для себя. Скажете, это совершенно неприемлемо? Соглашусь. Однако с этим мне приходится мириться, потому что такое по-

ведение пса, во-первых, делает охоту с ним невозможной только на открытых местах, да и то за некоторыми исключениями, во-вторых, свое безумство Джек компенсирует бесподобной работой в «крепких» местах, где ему не удается проявить свой неукротимый нрав и оторваться от меня и где, конечно, так много интересных запахов таящейся дичи. В чистом поле огромный простор и редкие наброды в смеси с дикой энергией кобеля делают его совершенно неуправляемым. Обшарив ближайшее пространство возле меня и не найдя ничего интересного, он неудержимо устремляется дальше — искать, искать! И нередко Джек находит то, что ищет, в ста, двухстах и более метрах от меня. Чок-корда, которую я все же стал иногда применять при охоте в чистом поле, раздраженный порой до невозможности его лошадиной скачкой в отдалении, в итоге не могла подействовать на него и укоротить поиск хотя бы до полсотни шагов. Пока он был на привязи — работал как пай-мальчик, почти не натягивая шнур. Но стоило Джексона отвязать — он начинал работать для себя. Я ему неинтересен. Он не может связать наш успех на охоте с выстрелами моего ружья. У него в голове одна простая программа: найти дичь и, если она выдержит его приближение, сделать стойку. Стойка у него мертвая. Джек ни разу сам не поспешил к дичи, спарывая ее без команды. Один раз я увидел его в классической позе метров за триста на озимом поле в декабре — скульптура! Мощный корпус с глубокой грудью подан вперед, передняя лапа поднята — стоит, как изваяние. Что может быть на голой, однообразной озимке, где и мыши не спрятаются в такое время? Скорее всего заяц — в легке его мне не видно. Или хомяк — бывало такое. Но скорее всего — заяц. Триста шагов — конечно, не выдержит моего подхода, вскочит. Я все же без всякой надежды пошел туда и, когда осталось метров сто пятьдесят, потянулся за патроном с более крупной дробью: вдруг подпустит на дальний выстрел, чем черт не шутит... Сто метров. Джек стоит. Восемьдесят — стоит. Наконец пятьдесят, я начинаю радостно шептать: «Ну теперь уже можно... Молодчина, Джек!» Тридцать метров! Уже высматриваю перед собакой лежащего в легке русака, понимая, что теперь он скорее всего уже у меня в рюкзаке. И в это время с резким чиликаньем шагах в десяти перед Джеком взлетает пара куропаток! Удивительная, редкая нынче для наших мест птица... Конечно, я не стал стрелять и, с трудом подозревая собаку, долго ласково трепал его усатую, бородастую морду с такими умными глазами.

За подобные моменты я прощал Джеку и споротых вдаль зайцев — в принципе, их было не так уж и много, но всякий раз это было так обидно! — и выпугнутых из саги за сто метров фазанов... Ведь были и русаки, которых Джексон-Шмексон буквально вы-

давливал из зарослей мне под ноги после долгих минут тяжелого поиска с треском ветвей и стеблей, были и фазаны из таких мест, которые я без собаки прошел бы, не задумываясь, были сотни красивых стоек, были утки, поданные из ледяной воды... много чего было хорошего. Да, если бы не эта его манера «независимой» охоты, мой дратхаар был бы идеальной собакой. Но что такое идеал в конце концов? И есть ли он вообще? Но, думаю и знаю — если бы вся дичь, найденная Джексоном-Шмексоном, выдерживала бы стойку и могла дожидаться моего подхода — это и было бы идеалом.

Но один раз «идеального» дратхаара я видел. Собака одного моего знакомого работала по перепелу совершенно классически: не отходя дальше тридцати метров, не спеша делала стойку за стойкой. Но при этом мне сразу бросилось в глаза, что кобель был абсолютно «убитый» — никаких эмоций, словно под наркотиком. Потом я узнал, что хозяин, обладавший деспотичным характером, действительно бил своего пса при «натаске» смертным боем, и именно этим добился такого послушания. Я сам очень далек от одобрения подобных методов, мне на охоте нужен друг, а не раб. Пусть даже мне придется мириться с тем, что друг иногда в пылу охотничьей страсти забывает обо мне. Ничего, я пойму. Может, потому что сам такой...

Когда после того, как Джек из угловатого, мосластого и потешного щенка с умно-дурашливым выражением желтых глаз превратился в мощного, высокого и красивого дратхаара, прошло три года, у нас во дворе появилась еще одна собака.

Сам я заводил пару Джеку совершенно не планировал, даже мыслей таких не было. Дратхаар устраивал меня полностью, если не считать не-

скольких тумачков, которыми я награждал его одно время после очередной скачки по степи. Потом перестал, поняв всю бессмысленность этого. Во-первых, бить Джексона было все равно, что стучать кулаком по фундаменту элеватора (себе дорожке), а, во-вторых, он ведь, кажется, даже не понимал, за что его наказывают. Но и не обижался. И я махнул рукой на эту его особенность.

И тут появился Боня. Это был смешной полуторамесячный щенок русского охотничьего спаниеля, классического яркого черно-белого окраса, с классическими ушами, классическим обрубком хвоста и классическим задорным и боевым нравом.

Я был на охоте, когда позвонила дочь и сказала, что нас с Джеком дома ждет его сын. Это была, конечно, шутка, но, когда я приехал и зашел с Джеком во двор, его «сын», долго не раздумывая, бросился к дратхаару — не то облизывать ему морду, не то кусаться... И я, и Джек несколько оторопело рассматривали крохотное создание, у которого энергия была фонтаном, а дратху надо было еще и отбиваться от настырной лохматой мухи.

Пока мне объясняли, откуда взялось сие явление, спаниелька замучил Джек до того, что здоровенный дратхаар улегся на пол и не двигался, а малыш поместился у него на голове, свесив задние лапы по сторонам морды. Видимо, так ему было очень удобно, и главное, он таким образом показывал, что поле битвы осталось за ним.

Оказалось, что щенка принес домой сын, купив его за триста рублей у женщины, муж которой, охотник, находился при смерти вследствие неизлечимой болезни.

Мне поторопились сказать, что взяли щенка просто так, с целью подкормить, сделать необходимые прививки, а потом отдать в хорошие руки. Мне

сразу тоже так показалось.

Спаниелька был кобельком с хорошей родословной. Он мгновенно подружился с Джеком, с которым вообще дружили все вокруг, ибо он всех считал друзьями, кроме чужих кошек, одних из которых он загонял на деревья и облаивал, а тех, кто не убегал, загонял в угол и не знал, что с ними делать дальше. Джексон был очень добродушным дратхааром. Поэтому он снисходительно принял присутствие возле себя маленького черно-белого длинноухого щенка, который бесцеремонно лез за едой в миску впереди Джека, выхватывая у того куски из пасти, а спать стал устраиваться на нем. Джек смотрел на кроху с недоумением, и только вздыхал.

Через некоторое время малыш настолько очаровал всех, что на коротком семейном совете решено было его оставить себе. Мне совершенно не была нужна вторая собака, но отдавать кому-то потешную помесь юлы и кометы не хотелось. Кроме этого, появилась мысль-надежда: а не станет ли спаниель, собака с прирожденно коротким поиском, сдерживающим фактором для Джека в его неуждимо дальнем отрыве от меня при охоте в чистом поле? Надежда, конечно, слабая, учитывая, что дратхаар уже вполне взрослая, сформировавшаяся характером собака. И была даже опаска: не выйдет ли все как раз наоборот — Джексон-Шмексон не испортит ли своим широчайшим поиском коротконогую собачку, уже явно во всем оглядывающуюся на него и даже повторяющую его манеру поведения во дворе?

Спаниеля я назвал Боня. Смешное, несolidное имя, но меня солидность клички совсем не заботила. Все никак не мог воспринять кобелька как охотничью собаку — слишком велика была разница собак в размере и поведении. Джек при всей своей неумности и энергии все-таки в быту был строг и степенен, а Боня — вертляв и непоседлив. Но все-таки главным критерием в выборе имени было желание, чтобы гласные в нем не совпадали с таковыми в имени дратхаара, тем самым помогая избежать созвучия. Так и стали у меня жить Боня и Джек.

В возрасте полгода Боня впервые попал на открытие охоты по фазану. В старом, заброшенном колхозном саду, по краю которого вились широкой полосой густые камыши, Джек могучим, стремительным посскоком начал мять вокруг густой бурьян и пробивать в кустах заметные проходы. Боню это врасплох не застало, и он из всех сил старался не потерять из виду «папаню», прыгая мячиком по его следу. Конечно, это ему не удавалось — слишком густы были заросли бурьяна, перевитые к тому же прочными стеблями ежевики, и слишком быстр и неукротим был галоп дратхаара, который наконец-то дорвался до мест, где отовсюду пахло дичью. Угнаться за ним у Бони просто не было физиче-

ских данных. Однако он, забыв на время обо мне, чутко слушал, где в глубинах старого сада раздается шум и треск от бега «папани». Я знал, что бешеный темп, который задал Джеки Браун, будет держаться им бесконечно долго — настолько неутомим был на охоте кобель, — к тому же унять его через час-другой могло только отсутствие воды, а так как вода в этом месте была рядом — носиться с точно такой же быстротой Джек мог до вечера.

Вот мы пробираемся в междурядьях осеннего сада. Я внимательно поглядываю по сторонам, ожидая лопота крыльев взлетающего петуха, неподалеку впереди из травы выглядывает, голова Бони с настороженными, чуть приподнятыми ушами и внимательными глазами. Он слушает, и сейчас я ему не особо нужен. Главное — где этот «папаня», только что с треском и жарким дыханием пролетевший над травой рядом и скрывшийся в глубине сада? Вот! Поодаль возникает громкое, тяжелое дыхание, треск и топот — из-за деревьев вылетает Джексон-Шмексон, совершенно не обращая на нас внимания, перепрыгивает через Боню — тот успевает даже пригнуться в своем травяном «окопе», словно солдат при разрыве мины, — и уносится в сумрак яблонь, бурьяна и камышей. Боня бросается было вслед, но, сделав несколько энергичных прыжков, потеряв и Джека, и меня из виду, благоразумно возвращается и вновь вертит головой.

Раз в то утро я даже потерял Боню, который, увлеченный азартом игры в догонялки, рванул за Джеком в сад и пропал. Я минут пять стоял на месте, отчаянно звал и свистел, думая: «Вот так и пропадают на охоте собаки. Тем более что у Бони это первый выход», когда вдруг из сада, пыхтя словно паровоз, с языком до земли, с треском

выскочил сначала дратхаар, а потом, частя дыханием и почти бесшумно, Боня. Он, видимо, где-то неподалеку, невидимый мной, поджидал своего «папаню» и перехватил того на очередном вираже.

Мне в то утро было почти не до фазанов. Я боялся потерять в этом саду Боню, который то и дело увязывался за Джеком и пропадал среди деревьев в высокой траве. Зачем, зачем я взял его на эту охоту?! Этот идиот может запросто завести малыша вглубь, и тот потеряется! Увяжется еще за кем-нибудь из охотников — а они в этом саду сегодня точно должны быть, — и пиши пропало! Ума-то у него сколько? В полгода-то?

Однако я плохо знал Боню. Он и не думал теряться. Всякий раз стоило спаниелю исчезнуть из моего поля зрения и я начинал беспокоиться, и звать его, и свистеть, на свист из зарослей стремительным галопом являлся Джек, тяжело и громко дыша: «Ха-а. Ха-а. Ха-а.», и вслед за этим на его следу раздавалось гораздо менее громкое частое: «Ха-ха-ха-ха!» — и из проломленного дратком в траве тоннеля появлялся неунывающий спаниель. Он почти успевал за «папаней».

Другое дело, что Боня при этом даже не делал попыток кого-нибудь искать, кроме Джексона. Это и понятно — у него на это просто не было времени. Главное в это утро было — не отстать от «родителя». Но я ничего и не требовал от малыша.

Джек поднимал фазанов — и раз, и другой, и третий. Два раза петухи вылетали далеко, споротые неистовым кобелем, а третьего я промазал, хотя и он был далековато. Потом вылетело сразу несколько куриц, и Джек, совсем обезумев от такого количества запаха, ломился в камышах на краю сада, словно бульдозер, а Боня, следуя где-то там по его следу и решив, наверное, срезать на слух угол, в конце концов, видимо, попал в залом камыша, совсем запутался и стал громко лаять: «Где вы там все подевались, черт вас возьми, я ничего не понимаю!» Я кричал ему: «Боня, Боня, иди сюда, малыш, иди ко мне!», он замолк на время, а потом вылез из зарослей напрямик, прямо на мой голос. Он совсем не был дураком, этот полугодовалый щенок...

Взяв наконец-то одного петуха, которого Джеки Чан выгнал из камышей в сад, прямо мне на голову, я дал его потреть Боне. Спаниель вцепился в птицу, зарывшись черным носом в золотые перья, и даже глаза закрыл. «Хорошо, хорошо...» — подумал я, переводя дух.

Потом мы переехали в другое место и там добыли еще одного фазана, который упал за канаву, вырытую мелиораторами по руслу камышовой балки. В канаве была вода — почти до верха моих сапог. Джек перепрыгнул ее с разбега, не останавливаясь, и, лопая камыш, ринулся искать сбитую птицу, я перебрел водную преграду,

набрав все-таки водички в один сапог, и стал смотреть, что будет делать Боня, который в камышах шел строго по моему следу.

Песик подошел к первой своей в жизни большой воде, осторожно вошел в нее и вдруг как ни в чем ни бывало поплыл и скоро уже отряхивался у моих ног. «Все в порядке», — подумал я, нагнулся и погладил его мягкую шерсть. И вспомнил, что даже забыл понаблюдать за реакцией щенка на выстрел. Но все, все было хорошо для первого раза.

На заячьей охоте получилось так, как и ожидалось. В лесополосах Джек далеко не уходил, потому что, наверное, среди кустов и деревьев в траве было много заячьего запаха, кобель крутился на месте, и мы с Боней вполне успевали за ним. Спаниель семенял впереди меня, стараясь не упустить из виду Джека, но и на меня оглядывался и делал пока робкие попытки тоже что-то вынюхивать в траве. В один прекрасный момент — дратх как раз делал обратную петлю, — между нами вскочил русак. Он поднялся очень близко и оказался в треугольнике между мной, Боней и Джеком. Заяц прыгнул было в сторону самого маленького из нас — на Боню, — но тот с неожиданной резвостью прыгнул в свою очередь к зайцу! Русак резво бросился в сторону, мимо меня, и выскочил на озимые...

Подлетев к упавшему зверьку, обе собаки вцепились в него. То, что это сделал Джек, меня, естественно, не удивило, но поведение спаниеля и обрадовало, и удивило. Кобель с громким, пислявым лаем примчался к первому увиденному им в жизни зайцу и вцепился в него так, что я, направляясь к лесополосе и держа зайца за задние лапы, какое-то время тащил Боню по земле. Он, похоже, был в полном восторге от добычи.

В дальнейшем эта способность Боньки — гнать зайца с голосом, — проявлялась всякий раз. Иногда он начинал отдавать голос даже на свежих заячьих набродах. А раз помог взять зайца, которого я без него наверняка упустил бы.

Мы с приятелем шли по полю озимых, шагах в ста друг от друга. Джексон-Шмексон по своей милой привычке носился где-то у горизонта, заканчивая прочесывать поле, а Боня деловито семенял впереди, шагах в двадцати от меня. И вдруг он, резко вскинув голову, помчался прямо на меня, громко, писливо взлаивая. Так он лаял только по зайцу, поэтому я быстро обернулся. Точно! Русак летел сзади меня поперек моего следа метрах в тридцати. Я ударил его «нолевкой», и он обрадовался перевернулся через голову к восторгу и радости подскокившего к нему Бони. Заяц этот пропустил не причувавшего его Джека, приятеля, Боню, меня и поднялся сзади (зачем?!), и, если бы не Боня, точно бы остался скорее всего не замеченным мною. Подумалось — сколько таких зайцев я

прошел за много лет охоты, кто знает...

И все-таки этот совершенно бездумный, далекий поиск Джека меня нетнет, но выводил из себя. Казалось, я должен уже привыкнуть и смириться с этим недостатком своего дратхаара. Тем более, что чаще всего это случалось только на открытом месте, в поле, а своей работой в зарослях — в бурьянах, камышах, лесных полосах и садах, — кобель компенсировал неприятную особенность своей манеры поиска. Но охота есть охота, и ситуации на ней возникают самые разные. Бывает, за день поднимешь единственного русака, и того собака спорит на запредельной дистанции. Как тут не расстроиться?

В один такой день прошедшего сезона Джеки Браун все-таки сумел довести меня почти до бешенства. Потому что целых три русака (!) один за другим по его милости вскопили «за выстрелом». Я шел вдоль длинной и густой ясеновой посадки, в которой мощными столбами темных стволов кое-где стояли старые акации-гледичии со страшными тридцатисантиметровыми иглами, росшими прямо на этих стволах. С другой стороны посадки было крупно нарезанное поле пашни, день был очень сырой, и ход зайцу, если он вскочит в этой лесополосе, был на мою сторону, на зеленый ковер озимых, тем более что и ветер был с моей стороны.

Так и произошло. Три зайца подряд, с интервалами минут в пятнадцать, выскочили на зеленя — и ни по одному из них я даже не стрелял, потому что было безнадежно далеко. А обезумевший от заячьего запаха дратхаар носился впереди, вытаращив глаза и вывалив язык, совершенно не обращая внимания ни на меня, ни на мои жесты, ни на свист и призывы остепениться. Боня с пислявым лаем провозжал зайца через все поле, возвращался ко мне, проклинавшему спятившего Джека, и через какое-то время все повторялось. И так три раза. Это было слишком. Не знаю, что в этот день случилось с дратхом, но, хотя я ничего особенного ему не сказал, решил в следующий раз его на охоту не брать. Это было для меня дико, ненормально, и никогда прежде не случалось, но три зайца подряд... это, извините, требует какого-то отмщения. Это нельзя оставлять просто так. Эта желтоглазая скотина совсем обнагрела и уходит вперед уже и в посадке... не-ет, пусть посидит дома, а мы пойдем с Боней и пусть поднимем меньше — Боня все-таки маленький еще, — зато нервы будут целее...

И на следующую охоту Джексон-Шмексон остался дома. Мы поехали с Боней, бродили долго, причем Боня классно впервые в жизни самостоятельно сработал петуха-фазана, которого я не стал стрелять, потому что сезон на фазана уже был закрыт, и взяли одного зайца. Он поднялся у меня из-под ног в лесополосе, и был, таким образом, добыт без помощи Бони,

но такое бывает с любой собакой, не говоря уж о первополюной.

Но я весь этот день думал о Джеке. И весь день мне его не хватало. Не хватало его умных и одновременно веселых, дурашливых глаз, не хватало стремительного, неутомимого поиска, треска веток в кустах, качающихся под натиском могучего тела тростниковых стеблей, громкого, запаленного дыхания. И когда я садился на пенек в посадке отдохнуть, не хватало его бородатой морды, назойливо тыкающейся под руку с требованием почесать его здоровенную башку. Не хватало его привычки долго сгребать под деревом листья, делая себе лежку, и улечься потом рядом с этой ямкой совсем не на собранных листьях... Все-таки я охотился с Джеком четвертый сезон и успел к нему привыкнуть.

Когда мы приехали домой и вошли во двор, Джексон-Шмексон радостно прыгал рядом, приносиваясь к рюкзачку, где лежал добытый без него заяц. Он ничуть не обиделся. Он вообще никогда ни на что не обижается. Наверное, он так ничего и не понял.

Но на следующую охоту мы пошли втроем. И — конечно, конечно! — Джек работал в этот день старательно, просто образцово. Мы взяли с его помощью зайца, которого он выгнал прямо под мой выстрел из густой посадки грецких орехов, а потом, когда возвращались назад, к машине, вдоль тихой речки Малеваной, он достал из воды сбитую кем-то кряковую утку.

Водоем был «платником», в теплое время здесь за плату ловили карпов приезжие рыболовы. На берегах в эту пору было пустынно, но возле одного из оборудованных «мест для отдыха» стояли темно-зеленые «жигули», и семья из трех человек жарила шашлыки на дымящем мангале. Маленький мальчик видел, как Джек плавал за уткой, а потом мощно, шумно отряхивался на берегу, окропив меня холодными частыми брызгами.

Когда я проходил мимо них, мальчик сказал:

— Какая у вас собака... Военная!

— Да, — ответил я, потряхивая уткой, которую держал за шею. — Почти...

— А это его сын? — спросил мальчик, указывая на семенявшего Боню, как мне показалось, с уважением.

— Ага, — улыбнулся я. — Сынуля.

Отец семейства собрал в пластиковую одноразовую тарелку остатки хлеба и шашлыка и сунул мальчику, что-то сказав. Тот подошел и поставил тарелку на землю перед Джеком. Дратхаар вначале внимательно посмотрел на мальчика, а когда наклонился к тарелке, большая часть самого вкусного на ней была уже проглочена Боней. Джек для порядка низко, негромко зарычал на него, но тот, жуя, сделал вид, что даже не понимает, в чем дело.

Теперь у меня две собаки. Они очень разные, во всем. Но мне это даже нравится. Быть может, это как раз то, что мне было нужно...

Ак-Бугу

В. Филь

Это был необычный для тех мест зверь. Здесь в Восточном Саяне, где-то к востоку, находилась граница между ареалами двух подвидов благородного оленя. Исследователи считают, что «разделительной линией» ареалов марала и изюбря ориентировочно является озеро Байкал. К западу держались в основном особи, по внешним признакам относящиеся к маралу, на восток — к изюбрю. Вполне возможно, что граница не стабильна в пространстве, или с течением времени сдвигается к западу или востоку. По-настоящему, что этот самый рубеж не был непреодолимой линией ни для изюбря, ни для марала. Естественно, что особи с признаками того и иного подвидов могли встречаться на сотни километров и к востоку и к западу от условно определённой границы.

Вблизи устья реки Джуглым — левого притока Уды, в пятнадцать километров от посёлка, где я жил в то время, находились так называемые «домашние» солонцы. С весны охотники добывали на них, как правило, толчков — телят-годовичков или двухлеток. Сюда приезжали обычно те, кто имел несколько дней на охоту, чтобы заодно поймать хариуса, а уж если повезёт, то ленка или тайменя. В общем, «домашние» солонцы служили местному населению той кладовой, куда ездили «за мясом». Для охотников с дефицитом времени вокруг посёлка имелись с десяток других солонцов, куда обычно ходили на одну ночь.

Такая схема промысла оленя, хотя полностью противоречила охотничьему законодательству, была, с точки зрения разумности использования ресурсов, наиболее целесообразна. Зверь в округе всегда было много. Охотились, конечно, тайком, но все всегда знали, кто поехал «за мясом», кто добыл, кто напрасно просидел ночь. Знал это и я, будучи охотоведом местной потребкооперации, однако вмешиваться в поселковые традиции было нецелесообразно.

В погоне за «своим» тайменем я обычно предпочитал проводить выходные на устье Джуглыма. В хорошо сохранившейся избе, в прошлом наблюдателей метеостанции, можно было остановиться на ночлег. Рядом пойменный луг, сенокос — отличное пастбище для лошадки. Тут же рыбал-

Рисунки А. Кулешовой

ка, а в полукилометре — солонцы. По левому берегу Джуглыма тянулся высокий в 200—300 метров увал с крутым склоном к реке. Склон был без леса, представлял собой пастбище, которое местные называли «мыс». Ранним утром или вечером, у верхней кромки мыса, можно было увидеть пасущихся оленей, обычно самок с молодым быком. С некоторых пор охотникам на мысу удавалось увидеть могучего быка. В зимнее время он отличался от своих сородичей светлым окрасом, где совершенно не было охристых тонов, свойственных общей массе животных, обитающих здесь. За это зверь получил от охотников своё имя: Ак — белый, Бугу — бык.

Многие охотники несколько лет пытались добыть этого оленя — весной на солонцах и на мысу. Осенью, применяя вабу — трубу, имитирующую рёв самца. Зверь оставался неуязвим. Отличался необыкновенной осторожностью и проявлял такие поведенческие уловки для сохранения своей неприкосновенности, что даже опытные охотники бросали попытки добыть его. Как-то я предупредил группу охотников, чтобы они не вздумали убить этого зверя без лицензии — будет неприятности. В ответ мужики только расхохотались:

— Попробуй сам добыть, это тебе не «мясо» на солонцах стрелять.

Меня их слова, конечно, задели.

— Что у него кроме рогов ещё и «семь пядей во лбу»?

— Попробуй! Узнаешь! — И наперебой начали рассказывать об уловках Ак-Бугу.

Конец весны — начало лета, время, когда бумажной работы у охотоведа не так уж много. Эпизодически, по погоде, я выезжал к устью Джуглыма, пытаясь на солонцах и мысу добыть зловещего быка. Зверь на солонцы ходил редко, вероятно, где-то поблизости в вершине увала были ещё солонцы не искусственные, как внизу, а самородные. По ночам, а порой и засветло на солонцах успевали «посолониться» до десятка животных в сутки.

В основном это были самки с молодым, частенько отдельные группы толчков — телят-прошлогодков, пробующих «самостоятельную жизнь».

Однажды пришёл бык — в самую темень. «Дождялся — мелькнуло в мыслях, — не так-то он и умён». Включил фонарь, осветил зверя — не тот. Относительно крупный, но с мелкими пантами, видимо, всё же молодой. Добудь такого — охотники засмеют. Вообще не добудешь — будет то же самое. Кто просил во всеуслышание сомневаться в способностях знаменитого быка? Стрелять не стал, потушил свет. В то время в правилах охоты не оговаривалось запрещение пользоваться светом для охоты на солонцах. Бык, как будто ничего не случилось, спокойно отсолонцевался и ушёл по своим делам. В косогоре над солонцами изредка хрустели сухие веточки, под копытами, или сыпалась щебёнка, когда зверь наступал на незадернованный участок россыпи мелких камешков. Изредка «чикал» дрозд, я тем временем дремал в засидке, чутко прислушиваясь ко всему происходящему вокруг. Иногда даже покуривал, спрятав огонек папиросы полой полушубка или мехового спального мешка. В середине мая утренники были ещё достаточно прохладными. Лёгкий «хиус» — ветерок сверху, носил запах дыма вниз по распадку, откуда звери обычно не приходят.

Прибежали целой оравой зайцы. Устроили на солонцах такой топот — никогда не подумаешь, что они способны на подобное. Играли, хлопая двумя лапами сразу. Появилась крупная рысь. Под светом фонаря тщательно вынюхивала заячьи следы, потом направилась к засидке. Пришлось встать. На всякий случай даже вытащил из чехла нож... мало ли что. Остановилась. Долго смотрела, затем лёгкими прыжками ушла вниз по тропе. Спустя некоторое время начала фыркать — «поймала» мой дух. Ушла.

Вновь чикнул дрозд, где-то уже в стороне от солонцов. На зайцев он так трещал, а тут только один раз. Где-то

близко осторожный зверь. Перестал стрекотать и ночной певун — сибирский сверчок. Напряжённость из-за необходимости постоянно поддерживать внимание нарастала. Вдруг сзади, ниже по распадку: «Хгау, хгау», столь громкий и резкий вскрик оленя, что даже вздрогнул. Испугаться не успел — знал, что это такое. Вскинул винтовку, повернулся в сторону звука, включил свет. Дважды мелькнули отблески глаз быка, уходящего по моховой мари в сторону увала. Среди деревьев, кустов не смог чётко отловить цель на «зайчике» луча — было немного далековато, не для винтовки, а для света. Ушёл. Теперь точно один — ноль в его пользу. Но ничего — ещё не вечер.

Несколько дней спустя кто-то из охотников всё же убил молодого бычка с килограммовыми пантами. Ак-Бугу перестал ходить на солонцы. Оказывается, без «смертника», своего «адыютанта», он не рисковал выходить к такой приманке, как солонцы. Охотники утверждали, что теперь он будет ходить куда-нибудь далеко, а здесь больше в этом году не появится. Ошиблись, зверь вновь появился — через неделю. Нашёл себе нового «адыютанта», теперь это был бычок, совсем ещё несмышлёныш, наверное, по третьему году от роду, с пантами, будущими рожками — вилочками. Однажды поздним вечером увидел их в самой вершине мыса, но уже темнело, подойти на выстрел не успеть, да и слишком чуток был олень — услышал бы издалека. Подход был только по щербнистому склону.

Решили мы с коллегой, приехавшим

в отпуск, «занять» солонцы, чтобы другие охотники не мешали. Поочерёдно дежурили здесь. В ответ на «тактику» нашего соперника сменили расположение засидки. Метров за двести от солонцов сворачивали в левый косогор и по нему подходили к небольшой гривке, с вершины которой была возможна стрельба по зверю, если он придёт. Далековато для ночной стрельбы — метров семьдесят, но надеялись, что Ак-Бугу ещё не понял коварной сути света, а мощная винтовка позволяла и на значительно большем расстоянии поразить цель. С этого места «ночная тяга» воздуха шла не вниз по ключу, а сносилась по ложбине прямо к покосам у избы.

В ответ на наши действия, хитрый соперник придумал вообще нечто из ряда вон выходящее. Пришёл он на солонцы как обычно с «адыютантом», ещё в полной темноте, но уже начинала зариться полоска на востоке. Первым к солонцу вышел, как и было предписано — «адыютант». Михаил осветил его, посмотрел, не тот. Стрелять не стал. Через полчаса в направлении солонца, откуда и положено, с вершины противоположного увала, начал спускаться долгожданный наш «трофей». Осталось до солонцовой площадки метров пятьдесят. Силуэт зверя уже можно было различить. Темнота отступала. Ещё чуть-чуть и добыча наша. В этот момент зверь, как будто его хлестнули кнутом, резко вскидывается и мчится вверх по тропе. В чаще леса его уже не видно. Расстроенный таким поворотом событий коллега выдал в окружающее пространство всё, что ду-

мал в тот момент о лукавом быке, его родителях и даже вообще о такой охоте. Ак-Бугу только этого и ждал: Михаил получил свою порцию «Гхао. Гхао. Гхао». Возможно, бык тоже высказывал о наших умственных способностях нечто подобное тому, что говорил мой напарник. Два — ноль, опять в его пользу. Ничего — время ещё терпит.

Михаил заскучал по дому, уехал на несколько дней в посёлок. Я полностью переключился на мыс. Добыть зверя на солонцах почти разуверился. Не пора ли сдаваться? Однако до конца срока действия разрешения на добычу пантача оставалось ещё недели две. Обследовал изюбриные тропы, что уходили от солонцов в вершину увала, переходы от мыса к скалистым останкам. Там нашёл те самородные солонцы, где изюбри грызли так называемое каменное масло, подтёки из известняковых скал в смеси с субстратом у основания — глиной. На вкус содержимое этих солонцов было немного солоноватое, с кислинкой и некоторым вяжущим свойством, как у квасцов. Наверное, здесь было маловато натрия, и звери эпизодически спускались вниз ухватить порцию поваренной соли. Такое «каменное масло» охотники обычно применяли в качестве лечебного средства при расстройстве желудка. Иногда, чтобы остановить кровотечение при лёгких порезах, особенно травой.

Мы несколько усовершенствовали «регламент» работы нижних искусственных солонцов. Не размешивали соль с глиной, не забивали её в грунт через специально приготовленные углубления. Просто несколько больших комков крупнокристаллической соли завернули в кусок старой сети и подвесили над солонцами. Мы рассуждали так: во время дождя соль обмывается водой, раствор стекает на землю и подновляет солонец. Звери должны привыкнуть к посещению солонцов сразу же после дождя. Да и вообще олени на солонцы предпочитают ходить после дождя: земля становится мягче, но в нашем случае этот рефлекс должен закрепляться и действовать более чётко. Так и получилось, но проверить это пришлось уже значительно позднее.

Через пару дней вернулся Михаил, занялся рыбалкой, пытался сидеть на солонцах. Привёз с собой и одну из старинных мощнейших моделей отечественных винтовок — пехотинку, четырёхлинейку. Это, что в Америке 40-й, а в Англии 400-й калибр. Вдруг бык передумает или забудет, что к чему и придёт. Не приходил. Я задолго до заката забирался на самый верх мыса и устранивался ждть быка у места его выхода на кормёжку. Потом даже оставался там ночевать, чтобы не терять время утром. Приходилось только следить за изменениями потоков воздуха при смене дня и ночи. Стоит один раз одушить зверя на мысу, и сюда он тоже не будет выходить. В лесу стала появляться молодая зелень, скоро оле-

ни и так перестанут выходить на открытые участки пастбищ.

В один из таких походов с ночевкой проснулся на рассвете. До восхода солнца времени оставалось ещё много. Мыс затянуло туманом. Я устроился удобнее у небольшой скальной гряды, ожидал, когда рассеется туман. Туман пополз вниз, потом вверх, начал рассеиваться. Сквозь него стало просвечивать солнце. Несколько минут, и нижняя кромка тумана прошла мимо. Макушка мыса, грива окаймляющего его леса зазолотились под лучами солнца. Впереди в 70—80-ти метрах из-за небольшого гребня появился силуэт столь долгожданной цели. Молодые рога — панты, как волшебный цветок, слегка отдавали краснотой на просвет, в лучах восходящего солнца. Развитие их было близким к тому моменту, когда они начнут терять свою сортность. Но величина, размер, не меньше семи — восьми килограммов. Вот вам и Ак-Бугу, куда он денется от пули? Появились даже мысли: сколько денег мы заработаем, когда сдадим панты (цены на них в те времена были достаточно большими).

Мне оставалось проползти метров пять — семь вперёд к быку, устроиться на небольшом возвышении и можно спокойно стрелять. Надо выждать момент, чтобы выстрелить на «косой прострел», поразить основные жизненно важные органы, но зверь не должен падать как подкошенный, иначе, упав в косогоре, он может обломать отростки драгоценных пантов. Подполз, лёг, устроился для стрельбы. Колпачки оптического прицела открыл в последний момент, чтобы отблеск луча солнца не спугнул зверя. Патрон давно дослан, предохранитель снят. Жду, чтобы зверь повернул голову вверх по склону. Повернул. Жму на курок. Олень как будто сдувает ветром. Не вижу, чтобы он выскочил к лесу, выше мыса, но и не слышу звуков падения. Значит — всё нормально. Несколько минут, и можно будет подойти к тому месту, куда стрелял, а дальше по обстановке — дать залежаться или добивать.

Закурил, подождал ещё десяток минут. Пошёл. За грядкой — разложина, но добычи нигде не видно. Нет следов падения. Трава нигде не примята. Смотрю по следам, оставленным на росистой траве. Бык, отпрянув от того места, где стоял в момент выстрела, пошёл к небольшой куртине молодого березняка, а затем к краю мыса и зашёл в лес. Бежал абсолютно спокойно, лёгкой рысью, даже без прыжков. Нигде не сбил ни одного камешка. «Крепкий, видимо, не совсем удачно попал, теперь необходимо дать ему облежаться, сразу следить нельзя», — первая моя мысль. На трехстах метрах не лёг, значит, ляжет через полкилометра, километр. Собака у избушки, в зоне прямой видимости. Крикну Михаилу, отпустит с привязи, прибежит, найдём — куда он денется. Следы заметны. Сразу за гребнем мыса, по

кедрово-лиственничному редколесью — моховище, «сивер», и так до самого ключа, где солонец. О возможности промаха — ни единой мысли.

Винтовка, переделанная из карабина экспортного исполнения для Тувы и Монголии, где взамен стандартной сверловки устроена своего рода безнарезная «ланкастерская». Патрон под пулю 8,2 мм тоже переделан — пуля стала почти 9 мм, а заряд пороха — полторы навески, сравнительно с патроном для винтовки Мосина — сумасшедший заряд. До полутора сотен метров била отлично, пули при пристрелке не выходили за пределы пачки папирос «Беломорканал». Промануться — нельзя. Хотя винтовка была утяжелена за счёт насадки своего рода дульного тормоза, засыпки дробы в ложу и армейского оптического прицела ПЕ-4 ещё периода Великой Отечественной войны, имела весьма ощутимую отдачу. Не прижмётся приклад, самого отбрасывало ударом, а о звере, даже таком крупном как марал, говорить не приходилось. Куда бы ни попал, кроме брюшины — от удара пули, его опрокидывало на землю. Что-то не то?!

Вернулся разбираться в следах. На месте, где стоял зверь, ни единой капли крови, но это, возможно, пуля, попав в брюшину, дальше пошла по грудной клетке и вполне могла не выйти наружу. Далее — ни единой волосинки, а зверь был ещё в остатках зимней «одежды». Возвращаюсь к месту — откуда стрелял. Всё нормально. Когда устроился и положил винтовку в прежнее положение, спереди, перед стволом в четверти — макушка гладкого черного валуна. На нём видна короткая, в сантиметр, полоска «медного» цвета. Через оптику, камня не было видно, пуля его тронула по касательной, даже не слышно было звука рикошета, но отклонилась и, видимо, пошла немного выше. На сколько? Остаётся только гадать, но это абсолютно неважно.

Ниже скальной гряды, у которой я ожидал свою добычу, на мыс из-за гряды выходит кабарга. Чуть дальше, чем дистанция стрельбы по оленю. Бью, почти навскидку, лишь подведя острие прицела под основание корпуса. Зверька зашвыривает вниз на несколько метров. Ругаю себя, как только можно. Кто просил подползать, а главное, зачем? Зверь-то был в ругах, с колена стрельба не менее надёжна, чем с положения лёжа. Но это то же самое, что махать кулаками после драки. Принёс домой почти две половинки кабарги. Хороший каскыр попался, лычки потом долго служили в качестве игл на сворке, для переноски белок на промысле. Напарник посетовал — по кабарге и два выстрела. Пришлось расказать. Став выстрел — ноль и опять не в мою пользу. Охотники даже не смеялись, хотя их сочувствие оказалось мне более, чем понятным — а мы что говорили?!

Лицензия «горела», съездили вверх по Джуглыму километров на десять — пятнадцать. В первую же ночь, разделившись, на двух солонцах добыли неплохого быка, но это, конечно, был далеко не Ак-Бугу. Напарник уехал в посёлок на двух конях, я остался «погонять» тайменей на устье Джуглыма. Однажды, сплавляясь рано утром по Уде до ближайшего порога, на речной косе увидел пару оленей. Наш знакомый кормился на порослях ивняков вместе со своим «адыютантом». Панты его уже переросли, стали окостеневать, почти полностью потеряв свою ценность. Лицензии уже не было, закрыли. Лишний раз сказал себе: не дели шкуру ещё не добытого медведя, но пообещал, что осенью «на дудку» доберусь до него. Не добрался. Говорят — Бог троицу любит — трижды отводил оленя от нашего выстрела. Видимо, всё-таки лесной бог в этот раз был на стороне оленя, который не случайно у местных охотников получил даже собственное имя — Ак-Бугу.

Первая летняя охота по перу

В. ГРЕКОВ, биолог-охотовед

В мае 1943 закончилась весенняя охота по перу, на которой я с помощью Василия Михайловича Фокина и его подсадной крякухи добыл «Первую дичь» — крякового (крякового) селезня. Будучи непоседливым, я не мог дожидаться летней динамичной охоты, на которой, по словам охотников, стрелять приходится довольно много, посему стал исподволь готовиться к этому празднику. Сначала у работника железной дороги Сергея Карягина, по прозвищу Сопля, из-за того, что у него постоянно текло из носа, я раздобыл свинец. Затем у своего учителя одолжил тянулку (плату с различными уменьшающимися коническими отверстиями) и через нее протянул свинцовую проволоку рекомендуемого диаметра, у него же одолжил резалку (специальную гильотину), с помощью которой накрошил из полученной проволоки примерно «квадратики» и накатал на 2-х скоростях разного диаметра дробь! Ох, долгая и нудная эта работа — изготавливать особенно мелкую дробь вот таким способом, но на что ни пойдешь ради новой для меня летней охоты. Для начала Василий Михайлович пожертвовал мне горсть черного пороха! Таким образом, мне удалось зарядить безумно много — целых 9 патронов и ждать первого августа — обычного дня открытия охоты по перу. Сейчас я удивляюсь — почему я так бедствовал, будучи сыном очень уважаемого врача? Ведь могла же мать написать записку начальнику «Заготживсырье» с просьбой выдать банку дымаря и капсулей, именно таким путем я попал на «испытания» к Баторину! Неподаром говорят, что умная мысль приходит опосля! А так я прошел все муки ада!

И вот до меня дошли слухи, что в этом году охота открывается раньше, в конце июля, а точнее, сегодня! Что есть духу — мчусь к Фокину в Кобылино и очень удачно застаю его дома. У него все готово. На стене висит начищенная добела курковая тулка и полный

двурядный патронташ поблескивающих латунных патронов.

«Василий Михалыч, Василий Михалыч, — задыхаюсь я, — охоту открыли сегодня!» «А ты почему знаешь, в Заготсырье был?» — неторопливо ответил он. «Нет, люди говорят», — понуро отвечаю я, остро чувствуя свой промах. «Мало чаво бают, нарушать не хотца. Нет, не пойду нынче», — ударив по столу рукой, заключает он. При этом сердце мое чуть не остановилось. Однако, сев за стол, немного подумав и увидев, что со мной творится, он сказал: «А ежели правда, то разгонят утей, ах, была не была — иди собирайся, рискнем!»

Еще быстрее, буквально лечу домой, а бегал я здорово, за что прослыл среди местных «долголяшим». Да, потом и в Институте (МПМИ) был чемпионом по бегу, хотя специально легкой атлетикой не занимался — не считал ее серьезным спортом.

Лишь только я успел сложить свой нехитрый скарб да накопать десяток чересчур молодых, а потому мелких, скользких и горьковатых на вкус картошек, как Василий Михайлович был тут как тут у крыльца дома. Видать, он тоже крепко поспешал, но вид у него опять был неожиданный: все вроде бы как надо, да вот только на ногах вместо длинных сапог — деревенские лапти, да русская гончая рядом. Поэтому я не удержался и спросил: «А в болото нам лазить придется. и кого будет гонять собака?» «Лапти: это мои вездеходы — в одну дырку вода выльется, а в другую выльется, а собака подранка подает и затаившихся утей поднимет на крыло», — пояснил он.

Подивившись таким причудам, я надел единственный голубенький пиджачок, взял «провиант», затянул

шнурки на весьма потрепанных полуботинках — и наше сафари двинулось на уток!

Хоть ажиотаж среди сверстников спал, и все знали, что у меня есть одностовальная ижевка 24 калибра, тем не менее, они опять высыпали смотреть, как мы отправились теперь на болота. И опять я был чертовски горд, идя подле такого знатного охотника, и, кроме того, в этот раз впереди трусила русская выжловка!

Вот и мост через речку Тешу. До него — завистливые взгляды сверстников, а за ним — мы, наконец, одни и я могу чувствовать себя раскованно. Конечно, по неопытной молодости я дал волю своему нетерпению: то забегал вперед, то отклонялся в сторону, расходя зря силы, в то время как учитель, да и его собака вели себя куда расчетливее. Лишь на обратном пути я понял, что силы и желания надо беречь!

Как и весной по дороге, что вилась вдоль правого берега Теши, мы шли вверх по течению. Минули знакомую теперь кроличью ферму, затем пчельник, где ночевали весной и, наконец, достигли самого Осинового болота. Василий Михайлович осторожно пробрался по тропинке среди лозняка и выглянул из-за кустов. Затем знаками подозвал меня и кивнул в сторону болота, которое представляло собой начало древней старицы и примыкало к высокостовальному осиннику, отсюда и название. Слева от нас болото заросло кустарниковой вербой, справа, а также у леса, виднелся плавающий кочкарник и у самого берега, что подступал к Теше, были густые заросли осоки.

Посредине, на чистом плесе плавало, ничего не подозревая, несколько

¹ Очерк «Первая дичь» см. в № 3, 2014 г.

кряковых уток и десятка 2 чирков. Немедля учитель изложил стратегический план: «Я остаюсь здесь, а ты заходи напротив, от леса и когда очутишься на месте, начнем!» Сгорая от нетерпения, мчусь тропинкой на дорогу, но вскоре кусты закончились и я оказался на виду у птиц. По-видимому, они восприняли меня как очередного прохожего, но я же словно злодей в детском мультфильме, который слишком доходчиво демонстрирует свои мерзопакостные намерения, на полусогнутых, почти на карачках и, согнувшись в три погибели, крался по чистине, демонстрируя свою слишком явную заинтересованность. Но утки никак не реагировали на очередного прохожего, ведущего себя чересчур подозрительно. Но вот и спасительная осока, в которой я скрылся с невероятным облечением. Вскоре под ногами захлупала вода. Осторожно раздвигая режущие листья осоки, все еще скорчившись, стал продвигаться к кочкарнику. И чем ближе к лесу болото становилось все глубже и, на мой взгляд, более опасным: ноги вскоре достигли дна, лишь погрузившись в черную жижу выше колен, а вода при этом густо пузырилась от болотного газа, от которого несло стреляным дымарем, а точнее, вульгарным сероводородом. В этом топком болоте, мне слышанному о трясинах, становилось не по себе, но азарт побеждал страх и, несмотря на то, что вода дошла почти до пояса, я продвигался вперед, с трудом вытаскивая размокшие полуботинки из вязкого ила. Вскоре над кочками и головы моей не стало видно!

Конечно, я слишком медленно выходил на исходную позицию, и было бы куда быстрее обойти по сухому и лишь напротив войти в воду. В общем, либо я не понял, либо так объяснили, но разговор на этот счет не возник! Охотник, не дождавшись вдруг выстрелил! От неожиданности я замер. Часть уток поднялась на крыло и подалась новость куда, другая спряталась в осоке и среди кочек, а надо мной низко пролетела вспугнутая шумом кряква и села в 10—15 метрах на чистине. Еле дыша раздвигая стебли осоки, тщательно прицеливаюсь и... птица осталась на воде. От радости так заторопился к первой летней добыче, что чуть не потерял в болоте обувку. Заткнул голову утки за поясной ремень и продолжил движение к условленному месту, как в 10—15 метрах среди кочек взлетел чирок! С тех пор прошла уйма лет, но как сейчас вижу перед глазами среди целика поблескивающую на солнце мушку, даю упреждение на целый корпус и первая птица, битая влет, теряя перья, замертво упала на небольшой плесик.

Василий Михайлович позвал меня и указал, где лежат его кряква и 2 чирка. Подал их вместо собаки, которая с лаем преследовала кого-то среди кочек и выгнала, наконец, чирка за выстрелом.

Когда выжловка вернулась, шеф ре-

шил податься прямо на Долгое болото, что у Новой деревни, которое, по его словам, было очень длинным и уток на нем бывало больше, чем во всей округе. В общем, надо попасть туда раньше других,

Итак, решено. Перешагнули через какой-то ручеек, оказавшимся в этом самом месте, как ни странно, речкой Тешей с глубокими омутами и обширными плесами — в других местах, что расположены ниже и выше по течению! На ее левом берегу минули знатные места в устье притока Нацмы — Кривое болото и вскоре повстречали Сергея Карягина. «Слава Богу, не подвел, охота открыта», — подумал я. С хорошей новостью Сопля принес и плохую, будучи железнодорожником он подъехал на поезде до разъезда «Поя», а там рукой подать до Долгого болота, но опоздал — охотники разогнали там все, так что он убил всего 3 утки.

От такой новости Василий Михайлович задумался и решил вернуться к Осиновскому болоту, а тут и вечер наступил. Самое время обустроиваться на ночлег. Надо сказать, что выбрал охотник отменное место для ночевки: на заливных лугах. Вода рядом, дрова под рукой и комаров, почитай, нет.

Развели костер, и наставник сказал: «Давай». «Что давай?» — не понял я. «Чирка на ужин», — уточнил учитель. С одной стороны, было лестно, что меня принимают за равноправного охотника, а с другой, не хотелось отдавать даже себе на ужин птицу, ведь как мечталось, гордо пройти по селу с крявкой и чирком с заткнутыми головами под ремень. Когда котелок с дичью был повешен над огнем, Василий Михайлович молвил: «Покаж-ка мне твою кряковную — она тебе чуть на голову не села!» Повертев в руках птицу, он нашел под крылом застрявшую в пере дробину и удивился: «Какую крупную накатал, а вот, как я и думал, твой крикш — молодой тебе сбил!» Не знаю зачем, но этим принизил меня — вместо поздравления с первым летним полем и сбитым влет чирком. Затем он поинтересовался как с обувкой. «Раскисла», — ответил я. «Хоть ты и сын врача, — продолжил он, — но ничего лучшего не придумаешь — покупай лапти, портянки, онучи и ходи по любым болотам!» Наконец дельный совет: действитель-

но, думал — подумал и купил все, что советовал учитель, да так впоследствии и охотился по болотам и в таком виде даже появлялся на родине матери в селе Михайловка, где наш имидж был особенно высок! А пока между делом подсушил носки и чуть-чуть ботинки, а тем временем Михалыч бросил в суп картошку, кусочек сала и листочек лаврового листа.

Честно говоря, я никак не мог дожидаться, когда варено будет готово, но вот свершилось: мы съели по чирку с вкуснейшим супом (сейчас, на склоне лет, суп из утки не одобрил бы). Отлично выскобленные и обсосанные косточки отдали собаке, что ей было лишь на понюшку. После ужина нам стало так хорошо, как бывает редко, да и комаров нет вовсе, да и вечер тих и погож, что не шелохнется ни одна былинка, да и на темном небе мерцают звезды, а из-за леса выкатывается огромная луна. Боже, когда так хорошо еще бывает?

Мой спутник тоже захмелел от прекрасной еды, сегодня его не мучила

язва желудка. А собака разлеглась в сторонке и вспышки костра освещали ее спокойную скульптурную статью. И казалось, что все было умиротворенно и находилось в прекрасной гармонии...

Как вдруг чистый, отменный голос вывел: «Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит...» Потом меня кольнули в сердце слова «... я хотел забыться и заснуть, но не тем, не страшным сном могила...», а Михалыч вел все дальше и дальше, пока не закончил песню! И как все было здорово, обстановка почти по тексту, как было все кстати! И откуда такой голос и такая песня у простого кобылинского мужика? Как я мало знаю о нем. Вряд ли в приходской школе изучали Лермонтова. Он воевал в Первую мировую войну, о чем свидетельствовали пристенные фотографии в его избе. Он абсолютно не похож ни обликом, ни нравом на старшего брата Ивана, но теперь уже ничего нельзя прояснить: время ушло, все поросло быльем да мохом...

Наутро погода испортилась: потянуло сыростью, над водой за клубился туман и оттуда пополз на луга, все рас-

ширяясь в размерах, пока не поглотил всю округу. Несмотря на это, мы поспешили к Осиновскому болоту и применили тот же маневр, что и вчера, без поправок на мой сухопутный обход болота. Честно говоря, мне очень не хотелось лезть в воду, но, как известно, охота — пище неволи.

На этот раз на плесе были одни чирки. Вероятно, учитель не стрелял, надеясь, что я выпугну крикву, но ничего крупного не вылетело, а может быть он, все же, ждал меня. Я подкрался к уточкам, беспечно плавающим на плесе, прицелился и выстрелил. Тотчас прогремел выстрел Михальча. При этом часть птиц взлетела, другая подалась в заросли, а «мой чирок» плыл между нами. Решаю, что это подранок, быстро перезаряжаю свою одностволку и тут же стреляю, а он как заговоренный — плывет! В третий раз — птица на месте и до меня доходит окрики учителя: «Куда, куда?» Рассматриваю «добычу» — никакой это не подранок, а просто хлопонец, и краска стыда заливает мое лицо! А где же Василий Михайлович, ведь я же в азарте стрелял напротив него? Как можно быстрее выскакиваю на берег, но где же он? Значит — не убил, а, может быть, ранил? Но его нигде нет! И тут в молочном тумане я особенно остро почувствовал свою вину и полное одиночество!

Что есть мочи кричал и кричал: Василий Михайлович, Василий Михайлович!» Но вот на Подосиновской старнице прогремел выстрел и — сразу отлегло на сердце: значит, жив и не ранен, раз охотится...

Поспешил на выстрел и, когда, сликкаясь, сошлись, то учитель сердито сказал: «Я ему куда, куда, а он знай налаживает, так и глаза можно выбить рикошетом!» Кстати, значительно позже, на Сухом лимане, что под Одессой, при солнце, из-за поганой лысухи с расстояния 20—25 метров меня, Слава Богу, ранил не в глаз, а в бровь препарат Краеведческого музея Ефим Срулевич Бергер! Я попросил пощады и дал зарок — больше никогда так опасно не буду стрелять, пусть хоть медведь или другая престижная дичь уходит и больше никогда такого не случится!

Примирились, подумали, поругали погоду и двинулись на Кривое болото, что напротив Осиновского по левому берегу Тешы, у самого леса. Как нашел учитель в таком густом тумане это болото, не ведаю, но когда остановились на его берегу то Михальч сказал: «Полезай в камыши, а я тут все перехвачу». «Да ведь я по такой росе даже с фуражкой мокрый буду», — возразил я. Василий Михайлович подумал и сказал: «Вот точно так мы то же не захотели лезть в эти камыши, а от наших окриков вылетело с полсотни кряковых и никто даже не выстрелил, ну, да ладно, айда на Долгое болото».

Итак, мы тронулись в неблизкий путь. Вскоре дорога пошла на взгорок, а слева, несмотря на густой туман, поблескивали большие водоемы. Я спросил у поводыря: «Что это за озера?» «Плеса это на Теше, она возле хутора Бабенского широка!», — ответил учитель. Вот те на, где можно перешагнуть, а где совсем недалеко настоящая река. В тумане нас подпустили древесные голуби и охотник убил одного. На что я ему заметил: «Мне не велел гуленек стрелять, а сам убил?» «Так ведь это дикий самый большой голубь — витюнь, его можно, он поболее чирка будет».

Немного погодя Михальч остановился, похмыкал и, поразмыслив малость, сказал: «А ведь и на Долгом осока тоже мокрой будет, а погода не разведривается, пошли-ка по домам!»

Вот так, больше с нами ничего интересного не случилось и вернулись мы налегке, а я — с кучей полезных знаний!

Случилось так, что, переезжая с семьей из Шатков в Починки, мой друг Володька Бедов велел мне дружить с Генкой Кузнецовым, что жил на отшибе, за мостом через Тешу, у самого леса и местного базара, что пошло мне не в пользу. Поскольку Баторин больше не приглашал меня на охоту, то повел я этого Генку на Осиновское и Кривое болота, но там мы не нашли ни одной утки и вернулись ни с чем.

Вскоре ко мне подошел Шурка Горюнов, сын бывшего начальника Заготживсырья, который вернулся с фронта раненым и ходил с палочкой, прихрамывая по присказке: «рубь с полти-

ной, раз, два» и поведал, что он был с охотниками на Долгом и Сорокином болотах. Последнее находится в месте впадения речки Астры в Тешу. В обширной дельте Астры и на долгом Болоте уток тьма! «Не пойду, если не скажешь — с кем был на тех болотах», — припугнул я нового товарища. Пришлось ему расколоться: «Только больше никому и особенно своей матери», — сказал он и потребовал: «Забожись!» Оказывается, он был там; со своим отцом и Васькой Баториным, который по старой памяти часто заходит к экс председателю Заготживсырья пообщаться.

Охотничьи припасы у Горюновых были солидные и стрелял Шурка фабричной дробью, но вот что-то не припомню, чтобы он ссудил меня хотя бы порохом, ведь ему посоветовал отец на всякий-який подружиться с сыном очень нужного врача — мало ли что, в чем Шурка по наивности мне признался. Собираясь на два дня, я накалал дробь, раздобыл правдами и неправдами дыма всего на 4 заряда и вопреки всем правилам смешал полмерки дыма с полной меркой крошки артиллерийского пороха, таким образом, у меня получилось целых 8 патронов — по тем временам — солидно. Экипированы мы были как настоящие охотники: у обоих одностволки 24 калибра, оба в лаптях. Захватив все необходимое, как бывалые тронулись в путь, минуя менее значительные болота и болотца — на десятой версте оказались у Долгого болота. Оно действительно протянулось, пожалуй, на километр от леса на севере до Новой деревни на юге и по сему окрестили его Долгим. Образовалось оно, как сказывали предки, при постройке своей части грейдера крестьянами окрестных сел. Эта доля не обошла и мою бабушку, урожденную Татьяну Ивановну Бондорову. Прилесная северная часть болота значительно расширилась в округлое образование, вероятно, в дельте речушки мне неизвестной. Поэтому болото напоминало громадную булавку великана. Вторая речушка Нарзимка, питавшая образовавшееся болото, оказалась перегороженной выше Дельты и поэтому образовала лишь ручку булавки! Брала начало Нарзимка выше села Калапино, омывала се-

верную часть упомянутого выше села Михайловки и у Новой деревни, заканчивая свой бег, впадала в образовавшееся болото. Излишки воды обих малых речушек сбрасывались через общие протоки к речке Теше, над которыми в грейдере стояли мостки.

Шурка выбрал себе западный берег болота, поскольку по нему он ходил с отцом, а мне достался похуже — восточный, по которому охотился Баторин, что тянулся вдоль грейдера, где ходил по своим делам люд и ездил транспорт. Не знаю почему, но в воду нам не хотелось лезть и поэтому прошли по сухому: почитай, половину Долгого, как вдруг, почти из-под ног у меня вылетела кряква. От неожиданности я выстрелил не целясь, на вскидку и на счастье попал — большая птица, определенная потом как шилохвость, комом упала недалеко. От такого счастья и такой прухи я слома голову бросился искать первую самостоятельную добычу в довольно густой осоке, перемежающейся ивовыми кустами...

От грома выстрела поднялось великое множество разных уток. Они летали над нами туда-сюда и не покидали болота, но мне было не до них — я никак не мог найти свою утку! Все же, наконец, не выдержал и решился на «королевский выстрел», т.е. почти над головой и не выше 10 метров. Незнакомая мне черная птица, теряя перья, упала недалеко за мной. Ее я нашел сразу и, ликуя от счастья, продолжил безрезультатные поиски первой птицы, но не выдержал и очень красиво сбил еще одну черную утку, которую определили охотники как хохлатую чернетку, и по-королевски — она упала в паре метров за мной и была тут же найдена. Я решил, что такое везенье не может продолжаться и пора остановиться, т.к. если я промажу, то Госпожа Удача и Везенье оставят меня. Несмотря на крики товарища: «Пошли, пошли», я продолжал искать первую утку и, когда отступился, то в трех—четыре метрах от места падения случайно набрал на первую утку — она

была смертельно ранена и сумела отплыть в сторону на несколько метров! Моему ликованию не было предела: три выстрела и три утки! В северной части болота сошлись с товарищем и оказалось, что у него дела были хуже: он выстрелил не менее 10 патронов и добыл лишь одного чирка. Решили податься на Сорокино болото, там и переночевать.

Перешли через грейдер, одолели Тешу, где она южнее хутора Бабенского выглядела просто канавой — и пошли на Сорокино болото, которое было, почитай, напротив южной оконечности Долгого болота. Сорокино болото оказалось южной частью довольно широкой дельты речки Астры, заросшей высоким верболозом, на котором гнездились сороки, вероятно отсюда и название! Почему-то именно там, а не в море осоки всей дельты, предпочитали держаться утки. В Сорокино Шурка убил 2 кряквы, а я, вообразив себя великим стрелком, промазал двух, зря истратил 2 патрона и на завтра у меня осталось их всего три!

Ночь, можно сказать, проспала у костра без каких-либо помех, если не считать озверевших комаров. Поутру я сбил метров за 30 крякву, но не нашел ее, несмотря на большие проплешины чистой воды между кустами, и мы решили, что это 100% подранок и нельзя так далеко стрелять из моей ижевки с ужасным разбросом.

Разогнав уток на Сорокином закутке Астринской дельты, мы направились на Долгое болото. Теперь начали с рукояти «булавы», т.е. с юга, от Новой деревни и опять пошли берегами, не залезая в воду. У меня осталось всего два патрона и посему нечего лапти промачивать. У Шурки патронов было еще много, но и он не очень то рвался в болото. Вдруг над нами пролетела стая кряквовых, ведомая старкой, она сделала два круга над болотом и села вдали от нас, перед лесом, в центре «булавы» среди кочек, покрытых осоклой.

Перед расширением головки «бу-

лавы» я осторожно вошел в воду и стал скрадывать крякашей. Кориш, вероятно, поступая, как в прошлый раз его отец, пошел сухим берегом. Стая поднялась от меня не более чем в 10 — 12 метрах! Я выделил первую и нажал на спуск — птица замертво упала среди кочек, где я вскоре нашел ее! Ура, у меня 4 больших утки и в запасе еще один патрон! Жаль, что Шурка не полез со мной в воду, тогда у каждого было бы по крякве! Товарищ позвал и я вышел к нему. Он спросил: «Сколько у тебя патронов?» «Один», — ответил я. «Тогда стреляй для меня, а патронов я дам», — предложил он. «А как быть с чирками?» — уточнил я. «Стреляй их тоже», — разрешил «богач!» И, словно назло, из болота поднялся чирок. Он пролетел недалеко от нас и я его позорно промазал последним патроном, а вот Шуркин патрон в разорванной гильзе после силовых методов его зарядить так застрял в моем ружье, что уже дома решили пойти в лес, там привязали ствол в развилке дерева, а приставил доску с гвоздем к капсюлю, а товарищ ударил что есть мочи длинной дубинкой по этой доске! Вот так разрядили патрон, но гильза осталась в патроннике! Теперь остался пустячок: мощным шомполом, но... оторвалась шляпка от гильзы! Пришлось пойти в кузницу, к моему дяде Сереже, он нарезал резьбу в остатках гильзы, ввинтил болт и лишь тогда удалось выбить остатки гильзы. Стоит заметить, что есть более простые способы, как извлечь трубку гильзы из патронника, но тогда нас не осенило.

Через два дня я встретил у Горюновых Василия Фокина и похвастался, что убил на Долгом болоте 4 утки, надеясь на похвалу, и попросил у него пороха, но он не только не похвалил, но и в порохе отказал, мотивируя тем, что каждый раз я убиваю, а так ветеранам больше достанется. Шутил Фокин или нет, не ведаю, но, действительно, сколько в конце концов можно давать!

Библиотека охотника

Вс. П. СЫСОВЕВ. Избранное в 3-х томах.

В трехтомнике произведений известного дальневосточного писателя, почетного гражданина города Хабаровска, исследователя-краеведа и общественно-го деятеля Вс.П. Сысоева (1911—2011) представлены снискавшие любовь многочисленных читателей повести и рассказы, статьи, заметки и очерки о природе, охотничьи были и воспоминания автора о встречах со знаменитыми современниками.

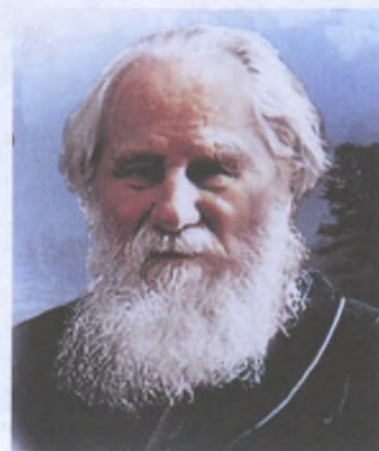
Том первый: повести «Хозяин Малого Хингана», «За черным соболем»; рассказы охотоведа из сборника «В северных джунглях», «Не отоснится мне пора таежной охоты...» (статьи, заметки, очерки и лесные были).

Том второй: повести «Золотая Ригма. История жизни одной уссурийской тигрицы» и «Светлые струи Амгуни»; «Удивительные звери» (рассказы оключениях животных); «Манящая природа Приморья» (очерки, воспоминания, поэтичские пробы).

Том третий: «Амурские звероловы. Год из жизни Богатыревых» и «Мятежная душа. История жизни одного охотоведа»; рассказы «У охотничьего костра», «Памятные встречи» (воспоминания).

Заказать трехтомник вы можете в «Книжной лавке охотника» по тел.: 8(495) 592-02-80, по электронной почте: lavka@ohot-prostory.ru или на сайте: www.ohot-prostory.ru. Код для заказа: 1424

Цена за 3 тома: 1800 руб.

Консультация охотоведа А. Блюма

В редакцию пришло несколько писем с просьбой рассказать о карабине Тигр 9

История появления этого карабина такова. На вооружении нашей армии имеется снайперская винтовка системы Е. Драгунова. В процессе её эксплуатации в какой-то момент стало понятно, что патрон 7,62x54R, штатный для этой винтовки, не может обеспечить решение некоторых задач, которые нередко возникают в ходе ведения боевых действий, т. к. не хватает мощности. Отечественные конструкторы для этих целей выбрали патрон 9,3x64 немецкого изобретателя Вильгельма Бреннеке, который разработал его около 1910 г. Вот баллистические характеристики одного из вариантов этого патрона.

Масса пули, г	18,5
Тип пули	TMR
Начальная скорость пули, м/с	820
Скорость пули, м/с, на дистанции:	
100 м	695
200 м	605
300 м	540
Дульная энергия, Дж	6220
Энергия пули, Дж, на дистанции:	
100 м	4464
200 м	3384
300 м	2698

И под такой патрон была разработана снайперская винтовка, базовой для которой стала СВД кал

7,62 мм. Новая винтовка получила название СВДК. И уже эту винтовку превратили в охотничий Тигр 9. Тигр 9 сохранил основные параметры своего снайперского прототипа и в том числе регулировку газового узла, а дополнительно получил подпружиненный боёк, чтобы исключить вероятность накола более чувствительного охотничьего капсюля и укороченный пламегаситель.

Для сравнения сразу же приведу характеристики отечественного варианта этого патрона, полученные непосредственно при пробных стрельбах.

Патрон 9,3x64 производства Новосибирского завода
Исходные данные

Масса пули в граммах — 17,5
Начальная скорость пули (V0) — 765 м/сек.

Баллистический коэффициент — 0,338

Высота прицела над осью канала ствола — 4 см.

Масса винтовки — 4 кг.

Энергия отдачи — 47 джоулей.

Дальность прямого выстрела при заданном диаметре зоны поражения 30 см — 294 метра.

Дополнительно приводим следующие данные. Из баллистического ствола производства концерна «ИЖМАШ» были сделаны 4 серии по 10 выстрелов в каждой патронами новосибирского завода. Масса пули — 17,5 г, тип — остроносая полуболочечная (SP, TMS). Дистанция стрельбы — 100 метров. Получены следующие результаты по скорости и кучности: $V_{25 \text{ max}}$ — 739 м/сек, $V_{25 \text{ min}}$ — 717 м/сек, $V_{25 \text{ ср.}}$ —

731 м/сек. Средний поперечник рассеивания на 100 метров — 4,7 см. Стрельба непосредственно из карабина Тигр 9 на кучность (Журнал Калашников. Пилотный номер) дала следующие результаты: 60 мм — отечественный патрон и 30—40 мм — немецкий. Результаты для дистанции 100 м.

Как видно из приведённых данных наш патрон заметно уступает немецкому по мощности и скорее соответствует патрону 9,3x62 или 9,3x74R, тем не менее из Тигра 9, как говорят конструкторы, можно стрелять и немецкими патронами. Кстати, патрон 9,3x64 в Европе выпускает только одна фирма — RWS. Я намеренно отнесительно подробно остановился на патронах, потому что в комплексе патрон-оружие «голова» всему патрону; стреляет карабин, а убивает патрон.

На мой взгляд, лучше приобретать карабин с охотничьим прикладом, а не с ортопедическим, с ним легче компенсировать некоторый дисбаланс карабина в сторону ствола. Ортопедический приклад больше подходит для стрельбы из стационарного положения, а не для ходовой охоты. В целом Тигр 9 оружие неплохое и достаточно хорошо отработано, но из-за своего «военного» вида — на любителя. И ещё. Большая мощность патрона 9,3x64 требует и большого зверя. При стрельбе же зверей средних размеров потери мяса от попадания такой пули будут весьма значительны. Поэтому, я считаю, применение такого оружия на наших охотах не всегда оправдано.

Валентин Михайлович Коробочкин на объекте

Здравствуй, уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Пишет Вам жена заядлого охотника, любителя природы, ценителя охотничьего братства Коробочкина Валентина Михайловича. Ваш журнал мы выписываем со дня начала нашей супружеской жизни, а это 39 лет. Чтение его, а частенько это семейные чтения вслух, доставляет нам немало приятных минут. В этом году моему мужу исполнилось 60 лет. Интерес к охоте появился у него уже в детстве, хотя охотников в родстве не было. И так этот интерес и любовь к родным лесам и полям, их обитателям несет он в своем сердце все прожитые годы. Но не только ради своего удовольствия исходил он многие версты охотничьих троп, но и ради преумножения промысловых зверей и птиц, ради улучшения условий охоты, так как долгое время рабо-

тал егерем, 16 лет выполнял обязанности председателя Новошешминского районного охотобщества, 5 лет был охотоведом этого же района, а сейчас работает мастером леса. Любовь и бережное отношение к природе передалось и сыну Игорю, и дочка всегда была рядом с отцом, когда долгими зимними вечерами заряжались патроны или выбиралась кличка четвероногого друга, с большим трудом приобретенного через друзей и товарищей. Неудивительно, что полюбил охоту и старший внук Артем, а теперь и младшие внуки Антон и Влад постигают азы охотничьей охоты и в мужском разговоре пытаются вставить свое словечко. Мы все желаем нашему мужу, отцу, бабушке еще много-много лет радоваться и собаке гоню, и глухарини песни, гусяному гоготанью.

КОРОБОЧКИНА

Татарстан. Новошешминский район

Леонид Власов (крайний слева) с друзьями на хуторе Ильинка

Здравствуйте, уважаемая редакция! Шестого мая юбилей нашего дорогого и любимого мужа и папы Власова Леонида Николаевича. Так как он охотник и ваш постоянный читатель (с 1983 г.), мы бы хотели через журнал поздравить его и пожелать счастья, здоровья и долгих лет жизни

Семья Власовых
г. Кострома

Логунов С.А. (слева), справа мой брат, тоже охотник

Здравствуйте, Уважаемая редакция! Пишет вам дочь охотника Сидоренкова Светлана Сергеевна. Мне очень хочется от себя и от имени моего брата, Логунова Александра, поздравить через ваш журнал нашего папу, Логунова Сергея Александровича с юбилеем — ему исполнилось 55 лет. Наш папа почти всю свою жизнь занимается охотой. Для него нет ничего прекраснее, чем пробежаться в хорошую погоду с ружьишкой по нашим живописным окрестностям Псковской области и необязательно в поисках добычи, а даже просто так, ради отдыха и общения с природой, чтобы отвлечься от проблем и забот.

Ваш журнал папа выписывает около 30 лет. И с первого дня все номера хранятся у нас дома, подшитые по го-

дам. Он всегда очень кропотливо и внимательно читает каждый номер, делает пометки и выписывает что-то важное для себя. Нас с братом папа тоже приобщил к чтению вашего журнала, ведь там столько всего интересного и познавательного можно найти не только охотнику!

Мы знаем, что у папы есть давняя мечта, увидеть свое фото в любимом журнале, и нам очень хочется, чтобы его маленькая мечта, наконец, исполнилась. Мы желаем папе здоровья, долгих лет жизни, сил, терпения, счастья и благополучия. Мы его очень любим и ценим! А вам спасибо за то, что есть такой замечательный журнал об охоте!

С. СИДОРЕНКОВА
Псковская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Хочу рассказать Вам о моем муже Лучине Николае Ивановиче. Ещё подростком он начал ходить на охоту с отцом, а теперь можно смело сказать о нем — охотник с большим стажем. У нас два взрослых сына и, как вы уже догадались, они такие же заядлые охотники. Ваш журнал выписываем уже более 20 лет,

Охота — самое любимое занятие мужа и если появляется свободное время, невзирая на причуды погоды, он может уйти рано утром и вернуться поздно вечером. Уставший, полный впечатлений, но довольный тем, что посетил родные уголки природы, где делал первые шаги с ружьем на плечах. Большие расстояния для него не помеха.

Очень тревожит мужа и сыновей тот факт, что в последнее время охота превратилась в какое-то развлечение, добыча без оглядки на завтрашний день, когда ночью на машинах, зимой

Н. Лучин с трофеем

на снегоходах просто ради забавы гоняют по полям, шумят, пугают зверя и стреляют по всему без разбора. В лесу встречаются петли, куда часто попадают охотничьи собаки.

Уважаемая редакция, скоро у мужа день рождения! Хотелось бы поздравить его и пожелать ему доброго здоровья, долголетия и ни пуха ни пера в делах охотничьих,

С уважением ЛУЧИНА
Тамара Николаевна
Калужская обл.

Г. Малевич с лайкой Аяном и добычей

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство». Ваш журнал в братской Белоруссии читает и любит особенно поколение старых охотников, к которым отношусь и я — Малевич Георгий Францевич. Мой охотничий стаж с 1964 г., а это уже полвека. Огромное спасибо журналу!

В 2007 г. 1 июня в 15.30 шаровой молнией сожгло мой дом и все имущество. Очень болезненно я пережил уничтожение своей охотничьей библиотеки, дорогих многолетних подшивок журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Я начал охотиться с детства. Учителями были дорогие мне родители, которые постоянно общались с природой очень бережно и рачительно. Это прошло по всей моей охотничьей жизни. Охотой всерьез занялся будучи студентом биофака, закончил в 1964 г. и вот уже полвека с ней не расстаюсь. 15 лет был председателем охотколлектива. Учил молодых и сам учился у опытных охотников.

Годы, конечно, свое берут, сейчас я серьезно болен, но общение с природой придает бодрость, а ваш журнал является эликсиром, от которого хочется жить!

Спасибо вам, что вы служите для людей, влюбленных в свое дело!

Г. МАЛЕВИЧ
Минская обл.

Загадочные животные

Александр ГОРДЕЕВ

Уж чему-чему, а животному миру Австралии есть чем возбудить воображение человека. Ну как, например, относиться к существованию утконоса? Нос у него, в самом деле, как у утки, вместо лап — ласты, хвост — лопаткой, как у бобра... Открытие утконоса взбудоражило ученых XVIII в. У него есть четыре лапы для того, чтобы бегать и плавать, есть железы, чтобы кормить детенышей в... сумке. Значит ли это, что его можно отнести к млекопитающим? Но зачем у него перепончатые лапы и утиный нос? В довершение всему, его самка откладывает яйца!..

Отчаявшись найти решение, ученые не единственный раз расписались в своем неведении и решили, что такого животного не существует. Но они капитулировали, когда в один прекрасный день охотники из Австралии привезли прекрасно законсервированные образцы утконоса. На монете (1) достоинством 20 пенни мы видим изображение утконоса — зверька с коричневым мехом, длиной 65 см. Голова утконоса круглая и гладкая, внешнего уха нет. Передние лапы перепончатые, но перепонка, служащая для плавания, складывается, когда надо ходить по суше или если ему нужны когти для рытья норы. Животные но хорошо приручаются и проживают в неволе до 10 лет.

Что оставалось делать европейским зоологам, когда они повстречались на одной из австралийских троп с однопроходным животным — ехидной? Нор оно не роет. Главная его защита — иглы. Потрясенная ехидна сворачивается в шар, как ёж. С помощью когтей может частично зарываться в землю. Ехидна насиживает яйца и кормит детенышей молоком, которые довольно долго находятся в сумке матери. Животное изображено на австралийской монете белого металла 5 пенни (2).

Надо отметить, что длина тела ехидны не превышает 80 см, а длина игл достигает 8 см. Тонкая заостренная морда имеет длину всего 5 см. Питается ехидна муравьями, термитами. Ее червеобразный язык достигает 25 см. В неволе с удовольствием пьет молоко, ест яйца и другую пищу.

Уникальна и неповторима плащеносная ящерица, изображенная на монете красной меди 2 пенни (3), населяет Северную и Северо-Западную Австралию. Название «плащеносная» ящерица получила благодаря охватывающему ее шею широкому с зазубренными краями воротнику или плащу. Внезап-

но раскрывающийся, ярко расцвеченный воротник и широкая розового цвета пасть отпугивают врагов. Даже собаки не решаются схватить принявшую «ужасную» позу ящерицу. Ее длина 80 см, она живет на деревьях, периодически спускаясь на землю. Питается мелкими насекомыми и другими животными. Ее замечательной особенностью является способность бегать на задних ногах, держа туловище почти вертикально поднятым над землей. Передние ноги при этом свободно свисают вниз, а приподнятый хвост совершает колебательные движения, чем достигается равновесие на бегу. По мнению палеонтологов, именно таким образом передвигались динозавры.

И еще монета из Австралии — 10 пенни (4), волей-неволей способная ввести в заблуждение многих своим изображением. Что за перья? Где голова? Присматриваемся внимательнее — лирохвост великолепен! Наиболее примечательно его оперение. В хвосте 16 перьев. Крайняя пара рулевых перьев у великолепного лирохвоста лентообразная, с зазубренными вырезками, несколько изогнутая, длиной до 70 см. Средняя пара рулевых длинная, узкая, напоминает стрелы. Промежуточные перья имеют веерообразные опахала: бородки первого порядка у них несколько разрежены. Самец имеет длину тела до 90, самка — до 50 см. Общая окраска сходная — темно-бурая сверху, рыжеватое горло.

Поражает способность к голосовой имитации, лирохвост может исполнить подражание 20 и более видам птиц, включая хохот зимородка кукабарры, уханье совы, пронзительные крики и даже хлопья крыльев стаи попугаев. Неожиданно можно услышать лай собаки, блеянье овцы, стук топора или гудок автомобиля.

В соседней Новой Зеландии обитает нелетающая, бескилевая птица киви, изображенная на латунной монете достоинством 1 доллар (5). Ее масса 3—3,5 кг, высота доходит до 55 см. Отличается небольшими крыльями, четырехпальными ногами, длинным и тонким клювом с ноздрями на самой его вершине, чувствительными вибриссами у его основания и волосяными перьями. Обыкновенный киви живет в густых сырых лесах, ведет ночной образ жизни, откладывает 1, реже 2 яйца массой 500 г. Насиживает их самец до 50 дней. Численность птицы постоянно уменьшается, в чем повинны экологически безграмот-

ные действия человека, завезшего на острова Новой Зеландии кошек, собак и других животных. Большое значение в охране этих птиц имеют крупные лесные заповедники. Перед вырубкой и раскорчевкой леса киви отлавливают и переселяют в места, где они обитали прежде.

Гаттерия внешне напоминает ящерицу с массивным телом, с большой головой и пятипальными конечностями. От затылка по спине и хвосту тянется невысокий гребень из треугольных вертикальных пластинок. Принадлежит к очень древней группе клювоголовых, появившихся около 220 млн. лет назад. Живет на суше. Окрашена геттерия в тусклый оливково-зеленый цвет, на боках тела и конечностях мелкие и более крупные желтые пятна. Она изображена на монете белого металла 5 центов (6), видимо, в тот момент, когда она греется на солнце.

Тело самцов имеет длину до 75 см и массу до 1 кг. Самки почти вдвое меньше. Кроме обычных двух, у гаттерии имеется третий теменной глаз — пузыревидный орган, имеющий слой светочувствительных клеток и подобие хрусталика. Его функции еще не вполне выяснены.

С заселения Новой Зеландии европейцами началось вымирание гаттерии из-за выжигания растительности, расселения завезенных крыс, овец, свиней, коз, собак и кошек. К концу XIX в. гаттерия вымерла на 20 островах у северо-восточного побережья Северного острова и в проливе Кука между Северным и Южным островами.

В ряду земноводных пресмыкающихся ученые выделили подотряд морских черепах, объединяющих очень крупных особей, имеющих обтекаемый сердцевидный или овальный панцирь, покрытый роговыми щитками и невтягивающиеся конечности, превращенные в ласты. Большая голова не опирается в панцирь, а шея, короткая и толстая, может втягиваться лишь частично. Вес костного панциря облегчен своеобразными «родничками». Пальцы веслообразных ног срослись вместе и только на конце ноги остаются короткие когти. Передние ласты значительно больше задних и служат основным органом движения.

Не так уж и просто определить черепаху, изображенную на монете 50 лаари (7), отчеканенной из железа с латунной пленкой в Мальдивской республике. Мы с трудом находим ее на карте в Индийском океане, слева от полуострова Индостан в виде островных песчинок.

Судя по изображению на монете, можно смело предположить, что перед нами зеленая или суповая

1

2

3

4

5

6

7

8

9

черепаха. Панцирь взрослой особи достигает 100, иногда и 140 см. Масса доходит до 200 и более кг. Окраска сверху оливково-зеленая или темно-коричневая, с желтоватыми пятнами. В средние века такие черепахи служили надежным источником питания для морепроходцев, китобоев и флибустьеров. Моряки солили и вялили их мясо или сохраняли до нужного момента живьем.

Постоянное их местопребывание — прибрежные воды, где на глубине 4–6 м густо растут zostера и талиссия. К основному корму годятся различные водоросли, а также медузы, моллюски, членистоногие. В период размножения на сушу выходят только самки, как это происходит веками в Шри-Ланке. С июля по ноябрь самки откладывают в прибрежный песок по 70–200 шарообразных яиц диаметром 5 см.

Неограниченное истребление черепах, как и сбор яиц, резко сократило их численность. Делают

ся попытки по созданию заказников в излюбленных местах размножения. Все виды морских черепах строго охраняются, внесены в Красную книгу МСОП.

На алюминиевой монете Республики Чили достоинством 10 песо или 1 кондор (8) легко узнается кондор — одна из самых крупных летающих птиц, которая несла в когтях, по версии Жюль Верн юношу Роберта.

Теперь приходится развенчивать романтику и фантастику писателя. На самом деле, эта птица из семейства падальщиков. Тем не менее кондор вызывает к себе уважение за то, как он гордо парит на невероятной высоте и зорко высматривает добычу. Общая длина тела составляет 110–115 см. Размах крыльев — 3 м, масса — 10–12 кг.

Миниатюра следующей монеты (9) достоинством 1 далласи, отчеканенная из железа с хромовым покрытием в Республике Гамбия, уводит нас в западную часть Аф-

рики. На аверсе крокодил, занимающий особое положение среди современных пресмыкающихся. Будучи близким родственником вымерших динозавров, он пережил их почти на 60 млн. лет. Крупная амфибия обитает в водоемах и по их берегам, охотится на водных и на наземных животных.

Ради ценной кожи люди повсеместно охотятся на крокодилов. В США в 60-е годы прошлого века (до запрета на промысел) убивали до 50 тыс. аллигаторов; в Бразилии, Перу, Колумбии до 70-х годов было истреблено почти 9 млн. очковых и черных кайманов. В ряде стран уже введены меры по охране природных популяций; 19 видов крокодилов включены в Красную книгу МСОП, а 12 из них — в Красные листы, так как находятся на грани уничтожения. В странах Южной Африки предприняты попытки выпускать выращенных в питомниках крокодилов в те районы, где их природные популяции уже истреблены.

СУХОМИРОВ Г. Кооперативное движение и пути развития охотничьего хозяйства	1
ГОРЯЧЕВ В. Воробьиный сычик	4
ДИГИЛЕВИЧ А. Разговор со знаменитым волчатником. А. В. Большакову — 60 лет	6
ВАСИЛЬЕВ А. Опыт предков	8
ВЕХОВ Н. За птицами по нехоженному тропам	10
СУВОРОВ А. Управление популяциями волка: миф или реальность	15
БЕДЕЛЬ В. Натаска легавых	18
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. «Лебеда»	22
АЗАРОВ А. За что я люблю МЦ 21-12	25
БЛЮМ А. Охота на привале	26
ДЕМЧЕНКО С. Малышок	28
ТРУШИН О. Чуть не страяс!	31
АЛЁХИН И. Боня и Джек	32
ФИЛЬ В. Ак-Бугу	37
ГРЕКОВ В. Первая летняя охота по перу	40
БЛЮМ А. Консультация охотоведа	44
Письма читателей	44, 45
ГОРДЕЕВ А. Загадочные животные	46
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	48

На первой странице обложки:
Уже не панты, но еще и не трофейные рога
Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:
У лосей тоже бывают панты
Лето, корма в лесу много, но по привычке ка-
баны посещают и подкормку
Фото А. Дигилевича

На третьей странице обложки:
Пока везде с мамой
Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:
Турнирные бои впереди, а сейчас у корыта
вместе
Фото А. Дигилевича

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:
М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целихова, В.Б. Чернышёв

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Оператор компьютера Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 06.04. 2014 г. Подписано к печати 30.04.2014 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 2986.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.ohtoz@mail.ru
Сайт: www.ohotoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru.
8(496)726-54-10.
В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Словарь русского охотничьего языка

Е. ЦЕЛЫХОВА

Подцветать (затираться) — (о зайце) начинать перелинивать (*Нахаживание* молодых гончих производится *ружейными охотниками* не в одно и то же время год; некоторые признают для этого лучшим временем перевозимые, с мелкими теплыми порошами, другие — позднюю осень, когда зайцы *подцветут*, а лист осыплется и гончим часто приходится *гонять по зрячему*; третьи *нахаживают* в июле и августе и, наконец, четвертые — ранней весной, когда лес пообсохнет (Н. П. Кишенский «Ружейная охота с гончими: руководство для охотников и любителей».); (Заяц *начинает подцветать*, или, как говорят охотники, *затираться*) обыкновенно с ног, живота и *портков* (задних частей) (Н. П. Пахомов, «Как охотиться с гончими».); возможно также *выцветать, цвелый*.

Подчучельник — деревце или слага, на котором укрепляются чучела птиц. (Для изготовления чучела тетерева нужна была чёрная материя. Да где её возьмёшь ... Выходили с положения по-другому. Из чурки с суком отбёсывали будущее чучело (сук-шея с головой). Коловоротом снизу сверлился глухой канал для *подчучельника*. А далее ещё проще. Чучело обжигалось в печи до обугливания. Оставалось взобраться на осину или берёзу любимые тетеревами и установить на сук *подчучельник* в расщеп, привязать его к стволу дерева (А. Азаров, «Запах бездымки».)

Подъезд (охота с подъезда) — один из способов охоты, осуществляемый с применением транспортных средств (лодки, машины, а раньше — с розвальней, телеги и т. д. (Чирки при *подъезде* податливее другой болотной утки, причём трескунки смиреннее грязевичков. *Подъезд* к чиркам при их кажущейся беспечности удавался бы всегда, если бы у них не было одной странной особенности. Всякая другая утка при приближении челна выказывает признаки беспокойства и тем самым предупреждает охотника о предстоящем взлете. Чирки же никакого беспокойства не проявляют: охотник, *подъехав*, уже торжествует победу, ждет, когда не обращающие на него внимания чирки сплывутся поплотнее, и вдруг: ф-р-р-р—взвиваются, точно ракеты (А.Г. Раснер, «Охота с подъезда на водоплавающую дичь».)

Подъездка (подъездок) — 1) небольшая легкая лодка, применяемая для охоты на водоплавающую дичь с подъезда; 2) (устар. Молого-Шекнинск.) небольшой легкий челнок, выдолбленный и разведенный огнем из цельного осинового ствола.

Подъем — 1) момент, когда зверь покидает лежку или птица взлетает с земли (Третий случай: собака с *потяжки* встала, по команде *натасчика* со стойки сразу перешла на подводу и бросилась в погоню за поднявшейся птицей. Такую собаку необходимо отучить от гоньбы птицы после *подъема*. Для этого *натасчику* следует каждый раз после *подъема* собакой птицы немедленно (четко и громко) подать команду «лежать», а затем сделать рывок поводком. Путем повторений у собаки вырабатывается навык — после *подъема* птицы немедленно ложиться, чтобы избежать рывка поводком («Настольная книга охотника-спортсмена».); 2) момент, когда молодые птицы начинают летать *подъем* (на крыло)(подниматься на крыло); на *подъем* — способ охоты с лайкой по выводкам рябчиков, тетеревов, глухарей, а также по другой птице, выдерживающей стойку собаки, путем *подъема* птиц на крыло и стрельбы в лёт, как из-под легавой собаки (И. И. Вахрушев, «Охота с лайкой».); **стрелять (бить) на подъеме** — по взлетевшей птице (Лучшим местом для ходовой охоты и стрельбы уток на *подъеме* являются небольшие речки, по берегам заросшие травой и кустарником («В помощь охотнику»)); **стрелять (бить) с подъема** — по только что вставшему с лежки зверю (в основном — зайцу); возможно также: **поднять, поднимать**.

Продолжение следует

